

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

НАУЧНЫЙ
ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

**КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

№ 2 2024

**CULTURE AND ANTHROPOLOGY
RESEARCH JOURNAL**

Редакционная коллегия

Тихомирова Е. Е. – главный редактор, канд. культурологии, доц., заведующий кафедрой теории, истории культуры и музеологии (Новосибирск, Россия);

Чапля Т. В. – зам. главного редактора, д-р культурологии, доц., канд. социол. наук (Новосибирск, Россия);

Донских О. А. – д-р филос. наук, проф. (Новосибирск, Россия);

Ивонин Ю. П. – д-р филос. наук, проф. (Новосибирск, Россия);

Лойко О. Т. – д-р социол. наук, проф. (Томск, Россия);

Паршукова Г. Б. – д-р культурологии, проф., ведущий научный сотрудник ГПНТБ СО РАН (Новосибирск, Россия);

Подалко П. Э. – д-р лингвокультурологии, проф. (Токио, Япония);

Полякова Е. А. – д-р ист. наук, канд. культурологии, доц., проректор Алтайского государственного института культуры, Президент клуба ЮНЕСКО «Культурное наследие Алтая», член Императорского православного Палестинского общества (Барнаул, Россия);

Видеркер В. В. – канд. культурологии, доц. (Новосибирск, Россия);

Сторожева С. П. – канд. культурологии, доц. (Новосибирск, Россия);

Харламов А. В. – канд. филос. наук, доц. (Новосибирск, Россия);

Ма Сюлин – доц., заведующий кафедрой вторых иностранных языков, Институт иностранных языков Биньчжоуского университета (Биньчжоу, Китай)

Editorial Board

E. E. Tikhomirova – Chief Editor, Candidate of Culturology, Associate Professor, Head of the Department of Theory, History of Culture and Museology (Novosibirsk, Russia);

T. V. Chaplya – Assistant of Editor-in-Chief, Doctor of Culturology, Candidate of Sociological Sciences (Novosibirsk, Russia);

O. A. Donskikh – Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia);

Yu. P. Ivonin – Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia);

O. T. Loiko – Doctor of Sociological Sciences, Professor (Tomsk, Russia);

G. B. Parshukova – Doctor of Culturology, Professor, Leading Researcher of the State Public Scientific Technical Library of the SB RAS (Novosibirsk, Russia);

P. E. Podalko – Doctor of Cultural Linguistics, Professor (Tokyo, Japan);

Учредитель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет»

Журнал «Культурно-антропологические исследования» / Culture and Anthropology Research Journal зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС 77-83177 от 12 мая 2022 г.

E. A. Polyakova – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Culturology, Associate Professor, vice-rector of the Altai State Institute of Culture, President of the UNESCO Club “Cultural Heritage of Altai”, member of the Imperial Orthodox Palestinian Society (Barnaul, Russia);

V. V. Viderker – Candidate of Culturology, Associate Professor (Novosibirsk, Russia);

S. P. Storozheva – Candidate of Culturology, Associate Professor (Novosibirsk, Russia);

A. V. Kharlamov – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor (Novosibirsk, Russia);

Ma Xiuling – Associate Professor, Head of the Department of Second Foreign Languages, Institute of Foreign Languages of Binzhou University (Binzhou, China)

The founders of the journal:

Federal state budgetary educational institution of higher education Novosibirsk State Pedagogical University

© Novosibirsk State Pedagogical University, 2024
All rights reserved

The journal “Culture and Anthropology Research Journal” is registered by Federal service on supervision in sphere of communication, information technologies and mass communications PI № FC 77-83177 from May, 12th, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Бородовский А. П. Культурная идентификация населения Верхней Оби эпохи раннего железа по материалам археологии и антропологии (Быстровский некрополь).....	8
---	---

РАЗДЕЛ II. ПРИКЛАДНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Мартынова М. В. Внутренние корпоративные формы этикетного поведения в Японии	27
Первухина Е. В. Язык и культура через призму лингвокультурологии.....	33

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Мжельская Т. В. Историческая интерпретация образа Василисы Премудрой	40
---	----

РАЗДЕЛ IV. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Миляева И. В. Коммуникация и коммуникативное пространство: научные подходы к пониманию и актуальные проблемы изучения	51
--	----

РАЗДЕЛ V. ДИСКУССИИ

Везнер С. И., Хишигдулам Н., Филиппов С. И., Бегалинова К. К., Овчинников А. А., Попков Ю. В., Прошин В. А., Ульяницкая Л. А., Ушаков Д. В., Царёв Р. Ю., Изгарская А. А. Язык и коммуникация: смыслы и ритуалы	59
--	----

Журнал основан в 2009 г.
Редактор О. А. Разумова
Электронная верстка А. Л. Заковряшин
Адрес редакции: 630126, г. Новосибирск,
ул. Вилюйская, 28, т. (383) 244-19-92
Адрес издательства и типографии:
630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28,
т. (383) 244-06-62

Печать цифровая. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 7,8. Уч.-изд. л. 6,4.
Тираж 500 экз.
Заказ № 77.
Формат 70×100/16.
Цена свободная
Дата выхода в свет 21.06.2024
Отпечатано в Издательстве НГПУ

CONTENTS

FROM THE EDITORIAL BOARD

PART I. THEORY OF CULTURE

- Borodovsky A. P.** Cultural identification of the Upper Ob population the early Iron Age based on the materials of archaeology and anthropology (Bystrov necropolis)..... 8

PART II. APPLIED CULTURAL STUDIES

- Martynova M. V.** Internal corporate forms of etiquette behaviour in Japan..... 27
- Pervukhina E. V.** Language and culture through the prism of linguoculturo-logy 33

PART III. CULTURAL HISTORY

- Mzhelskaya T. V.** Historical interpretation of the image of Vasilisa Premudrya.... 40

PART IV. SOCIOLOGY OF CULTURE

- Milyaeva I. V.** Communication and communicative space: scientific approaches to understanding and current problems of study..... 51

PART V. DISCUSSIONS

- Vežner S. I., Khishigdulam N., Filippov S. I., Begalinova K. K., Ovchinnikov A. A., Popkov Yu. V., Proshin V. A., Ulyanitskaya L. A., Ushakov D. V., Tsarev R. Yu., Izgarskaya A. A.** Language and Communication: Meanings and Rituals 59

The journal is based in 2009
Editor O. A. Razumova
Electronic make-up operator A. L. Zakovryashin
Editors address: 630126, Novosibirsk,
Vilyuiskaya, 28, т. (383) 244-19-92
Editors publisher and printing house:
630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya, 28,
т. (383) 244-06-62

Printing digital. Offset paper
Printer's sheets: 7,8. Publisher's sheets: 6,4.
Circulation 500 issues
Order № 77.
Format 70×100/16
Release date 21.06.2024
Printed by Publishing House of the NSPU

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Журнал «Культурно-антропологические исследования» основан в 2009 году как научное периодическое издание. Журнал выступает открытой и независимой трибуной для отражения современных интегративных тенденций в гуманитарных науках. Этот вектор развития гуманитаристики особенно востребован и значим в современный период как необходимость поиска стратегических ориентиров жизни человеческого общества. Сквозной для данной тенденции является культурно-антропологическая тематика, посвященная человеку в его культурной ипостаси: человек как культурное существо. Культура здесь выступает специфически человеческим, т. е. связанным со смыслообразованием, инструментом выживания человека и человечества. Этот предмет имеет ряд граней – от философской постановки вопроса до конкретных и практических исследований современных гуманитарных наук: культурологии, истории, археологии, филологии, музеологии. В нашем журнале как раз предлагается вариант такого обобщенного видения. Для его получения целесообразно увязать между собой многочисленные, более частные, представления, которые бы взаимно корректировали друг друга. А с этой целью важно привлечь знание не только культурологическое. Следует посмотреть на культуру также извне. С одной стороны, это будет подход с позиции философии (и философии как таковой, и отдельных философских наук, в частности, философской антропологии и натурфилософии). С другой стороны, это будет подход с позиции естественно-научной.

Нашими партнерами являются российские авторы, что способствует активному обмену достижениями в сфере гуманитарных наук, а также – поддержке и развитию единого научного пространства России и стран СНГ, консолидации усилий ученых и специалистов для решения актуальных научно-практических и образовательных проблем, представляемых исследователями Сибирского федерального округа, а также представителями других регионов России и международного сообщества.

Журнал адресован исследователям, преподавателям высшей учебной заведений, аспирантам, специалистам в сфере философии, культурологии, истории, которые интересуются новейшими результатами фундаментальных и прикладных исследований. Приглашая к сотрудничеству, редакционная коллегия журнала «Культурно-антропологические исследования» рассчитывает на то, что авторы журнала будут стремиться к постижению современных глубинных и противоречивых основ процессов в области культуры.

Мы ждем ваши статьи, раскрывающие, обобщающие результаты исследований по смежным гуманитарным проблемам.

Редакционная политика журнала основывается на традиционных этических принципах российской научной периодики, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций (Москва, Россия).

Приглашаем вас к участию в работе нашего журнала.

FROM THE EDITORIAL BOARD

The “Culture and anthropology research journal” was founded in 2009 as a scientific periodical. The journal acts as an open and independent tribune to reflect modern integrative trends in the humanities. This vector of humanities development is especially demanded and significant in the modern period as the need to find strategic guidelines for the life of human society. Cross-cutting for this trend is the cultural-anthropological theme devoted to man in his cultural hypostasis, man as a cultural being. Culture here acts as a specifically human, i.e. related to meaning-making, instrument of survival of man and mankind. This subject has a number of facets – from philosophical formulation of the question to concrete and practical studies of modern humanities: culturology, history, archaeology, philology, museology. Our journal offers a variant of such a generalized vision. In order to obtain it, it is advisable to link the numerous, more particular views, which would mutually correct each other. To this end, it is important to attract knowledge that is not only cultural. It is necessary to look at culture from the outside as well. On the one hand, this will be an approach from the position of philosophy (both philosophy as such and individual philosophical sciences, in particular, philosophical anthropology and natural philosophy). On the other hand, it will be an approach from the position of natural sciences.

Our partners are Russian authors, which contributes to the active exchange of achievements in the field of humanities, as well as to the maintenance and development of a common scientific space of Russia and CIS countries, consolidation of efforts of scientists and specialists to solve urgent scientific, practical and educational problems, represented by researchers of the Siberian Federal District, as well as representatives of other regions of Russia and the international community.

The journal is addressed to researchers, teachers of higher educational institutions, graduate students, specialists in philosophy, cultural studies, history, who are interested in the latest results of fundamental and applied research. Inviting to co-operation, the editorial board of the “Culture and anthropology research journal” counts on the fact that the authors of the journal will strive to comprehend the modern deep and contradictory foundations of processes in the field of culture.

We are waiting for your articles revealing, generalizing the results of research on related humanitarian problems.

The editorial policy of the journal is based on traditional ethical principles of Russian scientific periodicals and supports the Code of Ethics of Scientific Publications formulated by the Committee on Ethics of Scientific Publications (Moscow, Russia).

We invite you to participate in the work of our journal.

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

PART I. THEORY OF CULTURE

Культурно-антропологические исследования. 2024. № 2

Culture and anthropology research journal. 2024. № 2

Научная статья

УДК 902/904

Культурная идентификация населения Верхней Оби эпохи раннего железа по материалам археологии и антропологии (Быстровский некрополь)

Бородовский Андрей Павлович^{1,2}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу интерпретации культурной принадлежности населения в современных антропологических публикациях материалов обширного некрополя в Искитимском районе Новосибирской области (Быстровка-1, 2, 3). Длительность и комплексность (археологические, антропологические и естественно-научные исследования) изучения этого объекта археологического наследия позволяет рассматривать его в качестве реперного памятника по древней истории населения Верхней Оби эпохи раннего железа. Сложная организация некротиферы Быстровского некрополя, относительная длительность функционирования и поликультурность погребальных практик (населения березовского исторического этапа раннего железного века Верхней Оби, а также представителей кулайской и саргатской культурной традиции) позволяют детально рассмотреть вопросы корреляции в формате – археологическая культура и антропологическая атрибуция. В целом этот конкретный материал отражает не только противоречия, но и проблемы исторических реконструкций, основанных на археологических источниках, включая вопросы различных проявлений культурных отличий.

Ключевые слова: Верхняя Обь; эпоха раннего железа; археологическая культура; население; антропология; историческая интерпретация

Для цитирования: **Бородовский А. П.** Культурная идентификация населения Верхней Оби эпохи раннего железа по материалам археологии и антропологии (Быстровский некрополь) // Культурно-антропологические исследования. – 2024. – № 2. – С. 8–26.

Scientific article

Cultural Identification of the Upper Ob Population the Early Iron Age Based on the Materials of Archaeology and Anthropology (Bystrov necropolis)

Andrew P. Borodovsky^{1,2}

¹Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of the interpretation of the cultural affiliation of the population in modern anthropological publications of the materials of the vast necropolis in the Iskitimsky district of the North Caucasus Federal District (Bystrovka-1, 2, 3). The duration and complexity (archaeological, anthropological and natural science research) of the study of this archaeological heritage site allows us to consider it as a reference monument for the ancient history of the Upper Ob population of the Early Iron Age. The complex organization of the necrosphere of the Bystrov necropolis, the relative duration of functioning and multiculturalism of funeral practices (the population of the Berezovsky historical stage of the Early Iron Age of the Upper Ob, as well as representatives of the Kulai and Sargat cultural traditions) allow us to consider in detail the issues of correlation in the format of archaeological culture and anthropological attribution. In general, this particular material reflects not only contradictions, but also the problems of historical reconstructions based on archaeological sources, including issues of various manifestations of cultural differences.

Keywords: Upper Ob; the Early Iron Age; archaeological culture; population; anthropology; historical interpretation

For citation: Borodovsky A. P. Cultural identification of the population of the Upper Ob of the Early Iron Age based on the materials of archeology and anthropology (Bystrov necropolis). *Culture and anthropology research journal*, 2024, no. 2, pp. 8–26.

Введение. Культурная идентификация соответствует процессу и результату соотношения индивида с представителями определенной культурной традиции и принятия/транслирования ее норм и ценностей. Применительно к древнему населению осмысление этого феномена является ключевым вопросом интерпретации археологических и антропологических материалов. Это реализуется в формате искусственных конструкторов – археологических культур. В археологии интерпретация имеет несколько различных уровней. Они различаются по масштабу, охвату материала, глубине его изучения и надежности полученных выводов. Достоверность интерпретации определяется по целому ряду количественных и качественных параметров. Во-первых, чем больше фактов используется в работе, тем меньше непротиворечивых истолкований этих фактов может быть предложено. Во-вторых, чем больше задействовано разнообразных фактов, тем более сложным и детализированным будет непротиворечивое истолкование задействованного археологического материала [1, с. 101, 102, 103]. В-третьих, соответствие современному состоя-

нию источниковой базы и глубины ее научного осмысления отражает степень объективности таких знаний.

Суть исторической интерпретации заключается в описании хронологического ряда отдельных имевших место событий, необходимых для объяснения формирования культурных феноменов. Одним из наиболее ярких проявлений исторических интерпретаций являются палеоантропологическое направление в изучении культурогенеза, где активно взаимодействуют археология и антропология. В частности, это касается трактовки термина и понятия «археологическая культура» в археологии и антропологии. В качестве одного из примеров можно привести большереченскую культуру на Верхней Оби эпохи раннего железа (I тыс. до н. э.). По мнению первооткрывателя этого культурного образования М. П. Грязнова, она развивалась на протяжении трех этапов: большереченского (VII–VI вв. до н. э.), бийского (V–III вв. до н. э.) и березовского (II в. до н. э. – I в. н. э.) [2]. В свою очередь Т. Н. Троицкая, несколько модернизовав культурную парадигму М. П. Грязнова, предложила для Новосибирского Приобья эпохи раннего железа рассматривать существование большереченской культуры только в двух ее этапах – бийском (с VI–V до начала IV в. до н. э.) и березовском (с IV до начала II–I вв. до н. э.). Тогда как большереченский этап рассматривался ей уже в формате культур переходного времени (VIII – начало VI в. до н. э.) от эпохи поздней бронзы к раннему железу [3, с. 77, 103]. По мере дальнейшего накопления археологического материала возникли сомнения в оправданности выделения бийского этапа этой культурной традиции [4]. Однако эти результаты современных археологических исследований стали достаточно произвольно трактоваться в ряде современных антропологических публикаций по материалам Быстровского некрополя. Вопрос о причинах различия интерпретаций одного и того же источника у археологов и антропологов заслуживает особого внимания.

Материалы и методы. Основным источником для таких исследований является Быстровский некрополь (Быстровка-1, 2, 3), который представляется одним из масштабных погребальных комплексов Верхней Оби эпохи раннего железа¹. Этот археологический памятник расположен на правом берегу р. Обь (Новосибирское водохранилище) в Искитимском районе Новосибирской области к северу от с. Быстровка (рис. 1).

¹ Этот археологический комплекс на протяжении многих десятилетий являлся полигоном для проведения археологических практик студентов НГПИ–НГПУ. Автор участвовал в раскопках Быстровки-1, 3 как студент НГПИ в 1979–1980 под руководством канд. ист. наук, доц. Т. Н. Троицкой. В 1995–2000 гг. канд. ист. наук А. П. Бородавский проводил уже свою археологическую практику студентов НГПУ на Быстровке-1, 2, 3.

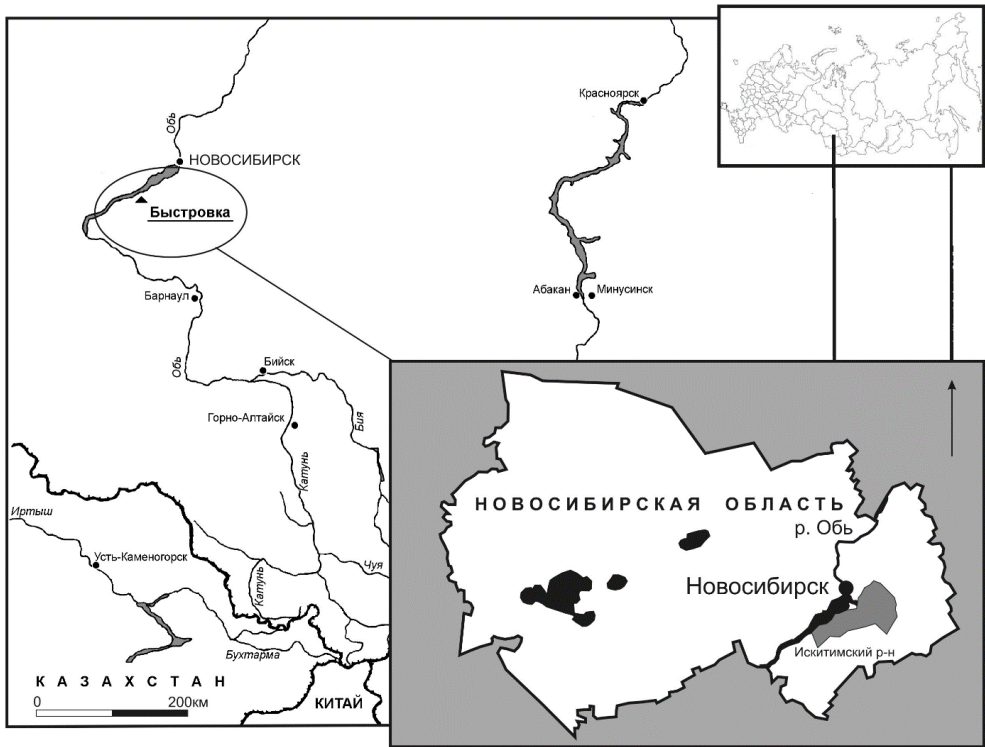

Рис. 1. Расположение Быстровского некрополя

Некрополь эпохи раннего железа объединяет несколько разновременных курганных групп: Быстровку-1, Быстровку-2 и Быстровку-3 [5, с. 90] (рис. 1, 2).

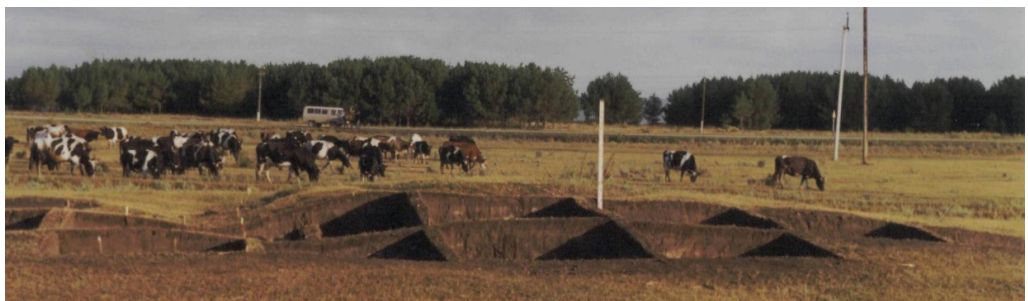

Рис. 2. Многомогильный курган эпохи раннего железа (Быстровка-3)

Количественная выборка погребений из Быстровского некрополя вполне репрезентативна для объективного отражения истории культурного взаимодействия заключительного периода эпохи раннего железа в лесостепном Приобье. Тем не менее следует отметить, что обработанные антропологами статистические выборки по всему Быстровскому некрополю значительно разнятся. Если в ходе раскопок Быстровки-1 (71 индивид), Быстровки-2 (193 ин-

дивида), Быстровки-3 (117 индивидов) был зафиксирован 381 индивид, то при дальнейшей антропологической обработке такие данные стали существенно отличаться². Например, в выборке, исследованной антропологом Е. Г. Шпаковой, по Быстровке-2 фигурируют 193 индивида. Тогда как М. С. Кишкурно исследовано в Быстровке-2 по краниологии 71, а одонтологии 135 индивидов. Такое расхождение данных практически в 20 % явно выше статистической погрешности, влияющей на достоверность исходной выборки для исследований [6, с. 4].

Следует также остановиться на том, какие датировки используются в современных антропологических публикациях для Быстровского некрополя в целом и для отдельных его курганных групп.

Ранее на основе исключительно традиционного археологического датирования курганная группа Быстровка-1 по предметному комплексу относились к периоду III–II вв. до н. э. [7, с. 42]. При этом отдельные изделия могли бытовать и в более раннем времени – VI–IV и IV–III вв. до н. э. (рис. 3).

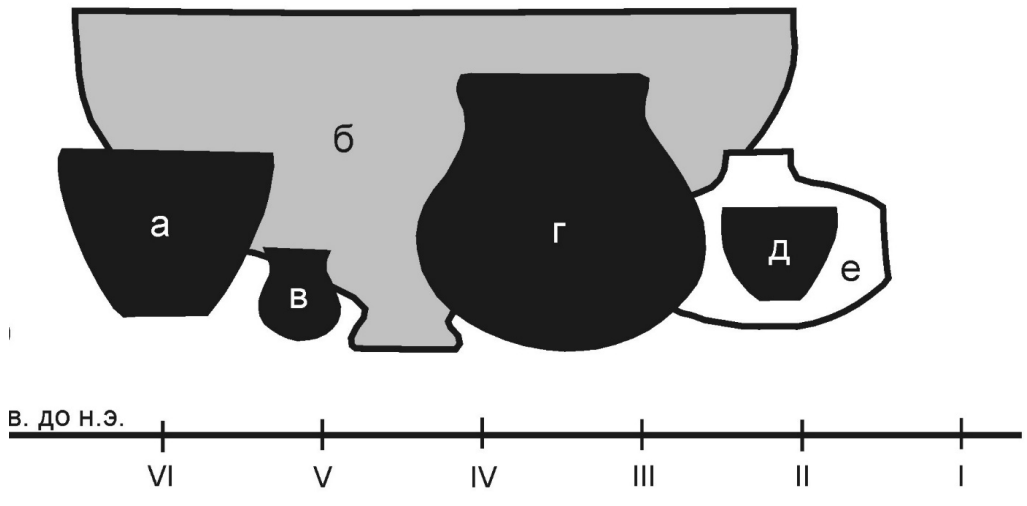

Рис. 3. Относительная хронология керамического комплекса Быстровского некрополя (Быстровка-1, 2, 3) по Т. Н. Троицкой: а, д – баночные сосуды; б – сосуды на поддоне; в, г – кувшинчики; е – боченковидные сосуды (размер сосуда отражает время его бытования)

Существенный вклад в определение хронологии бытования Быстровского некрополя внесло применение естественно-научных методов. Значительная серия радиоуглеродных³ и дендрохронологических дат из курганной группы

² На комплектности коллекции, конечно, могла сказаться ее транспортировка в Москву, а затем ее последующее возвращение в Новосибирск, однако это не объясняет отсутствие аргументации о полноте и репрезентативности антропологической выборки по Быстровскому некрополю.

³ 36 дендрохронологических дат и 44 радиоуглеродных дат, выполненных в рейтинговых лабораториях России (Новосибирск, Санкт-Петербург) и США (Тусон). Калибровка всех радиоуглеродных дат осуществлена при помощи программы OxCal. Использована калибровочная кривая JutCal 13.

Быстровка-2 заложила основу для разработки хронологии эпохи раннего железа Верхнего Приобья на качественно новом уровне [8; 9]. В ходе перекрестного датирования образцов из отдельных погребений, сгруппированных по курганам, были созданы обобщенные древесно-кольцевые хронологии для курганов № 3, 4, 5, 9 и 10 Быстровки-2. Количество погребений, по которым создавались «плавающие» шкалы для курганов, изменяется от 4 (курган 9) до 16 (курган 4). Полученные для отдельных курганов средние кривые годичной изменчивости синхронизировались между собой с целью построения относительной хронологии быстровского некрополя в целом. По количеству годичных колец, составляющих шкалы курганов, они имеют следующий вид: курган 3 – 203 кольца; курган 4 – 186; курган 5 – 141; курган 7 (1 погребение) – 70; курган 8 (1 погребение) – 98; курган 9 – 156; курган 10 – 204.

Наиболее ранняя дата (Быстровка-2, курган 2, погребение 13) приходится на интервал 810–540 гг. до н. э. (рис. 4), наиболее поздняя дата (Быстровка-2, курган 5, погребение 32) – 378–1 гг. до н. э. (рис. 5, 6).

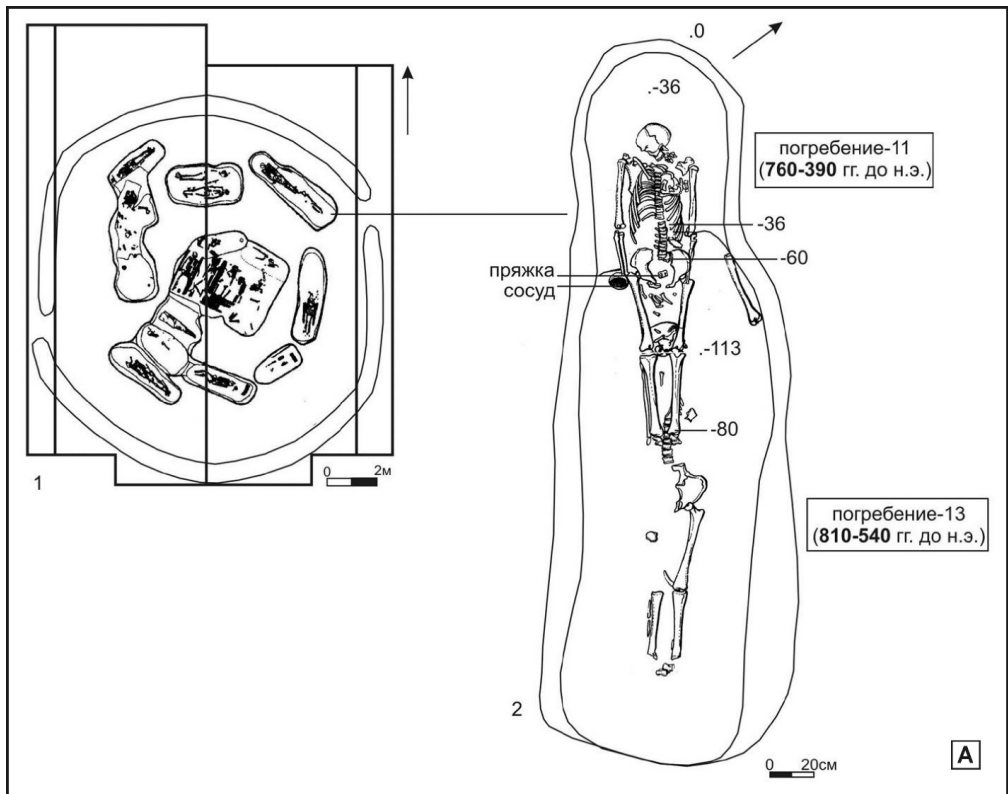

Рис. 4. Многомогильный курган 2 Быстровки-2.
1 – план кургана; 2 – план ярусных погребений

Рис. 5. Расчистка ярусных погребений 11, 13 кургана 2 Быстровки-2

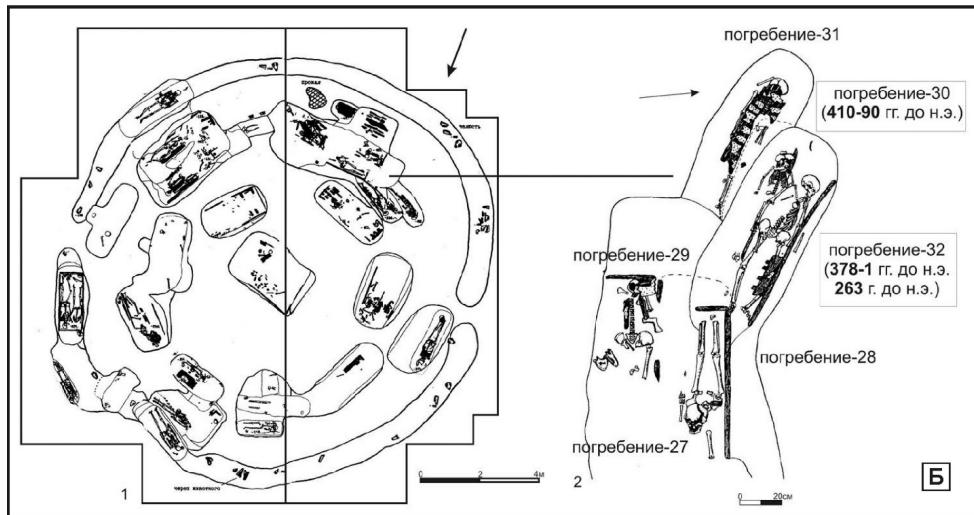

Рис. 6. Многомогильный курган 5 Быстровки-2.
1 – план кургана; 2 – ярусные погребения

По отдельным курганам Быстровки-2 получены следующие обобщенные интервалы: курган 2 – 810–390 гг. до н. э.; курган 3 – 800–200 г. до н. э.; курган 4 – 480–90 гг. до н. э.; курган 5 – 410–1 гг. до н. э. (рис. 7, 8); курган 6 – 390–10 гг. до н. э.; курган 7 – 480–170 гг. до н. э.; курган 9 – 760–180 гг. до н. э.; курган 10 – 790–60 гг. до н. э.

Рис. 7. Раскопки многомогильного кургана 4 Быстровки-2

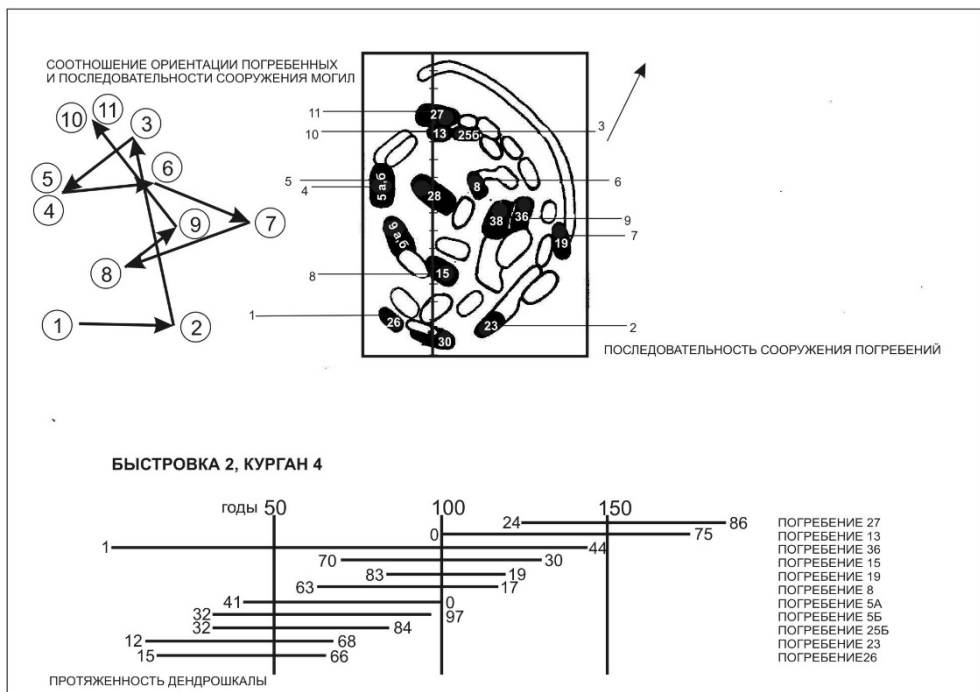

Рис. 8. Дендрохронология погребальных комплексов многомогильного кургана 4 Быстровки 2

Таким образом, на основании радиоуглеродных дат можно наметить последовательность существования курганов (от ранних к поздним): курган 2 – курган 3, 9 и 10 – курганы 4, 5, 6 и 7. Таким образом, появилась возможность построить дробную периодизацию как для отдельных многомогильных курганов Быстровки-2 (рис. 9, 10), так и для всего Быстровского некрополя (Быстровка-1, 2, 3).

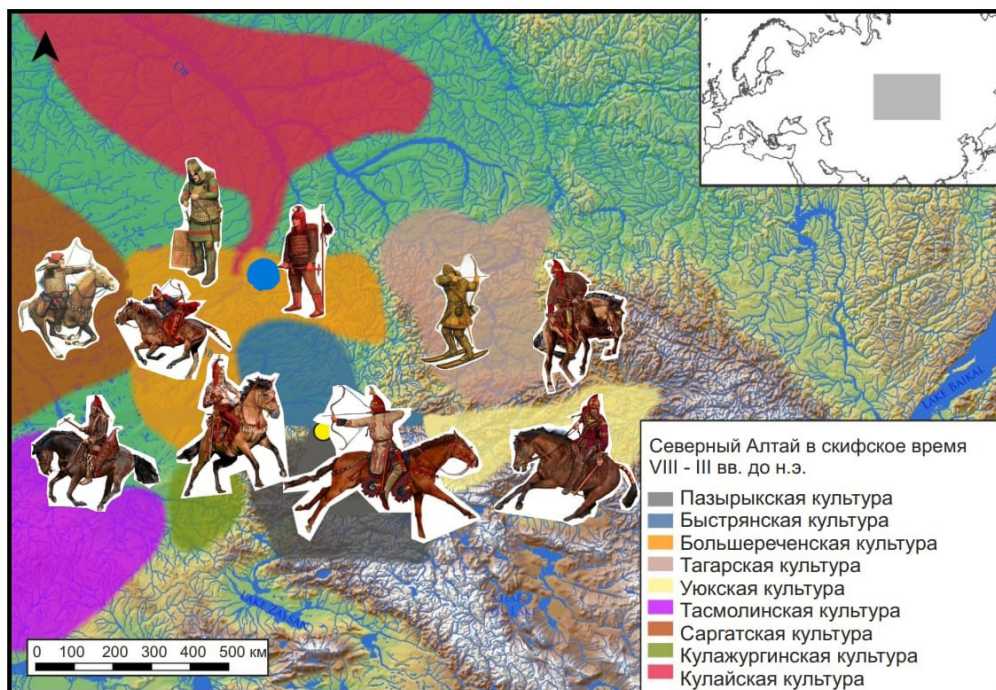

Рис. 9. Картография культуругенеза Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа (голубым кругом отмечен Быстровский некрополь)

Корреляция предметного комплекса Быстровки-2 с датирующим сопроводительным инвентарем из Быстровки-1 в рамках учета радиоуглеродного датирования способствовала пересмотру ее даты (III-II вв. до н. э.) в сторону удревнения. В частности, несколько радиоуглеродных дат кургана-6 Быстровки-3 – погребение-4 (СОАН-3972; 2345±65 л. н.) 595–349 гг. до н. э. и погребение-8 (СОАН-3963; 2410±75 л. н.) 772–386 гг. до н. э., позволяют также удревнить начало существования этой курганной группы до рубежа IV–III вв. до н. э. С такой хронологией согласуются и единичные радиоуглеродные даты из Быстровки-1, курган 17, погребение 1 (СОАН-3956, 2390±75 л. н.) 774–361 гг. до н. э. и Быстровки-3 курган 6, погребение 4, 8 (СОАН-3972, 2345±65 л. н.) 592–350 гг. до н. э. (СОАН-3963, 2410±75 л. н.) 772–386 гг. до н. э. располагаются в рамках общей хронологии курганной группы Быстровки-2.

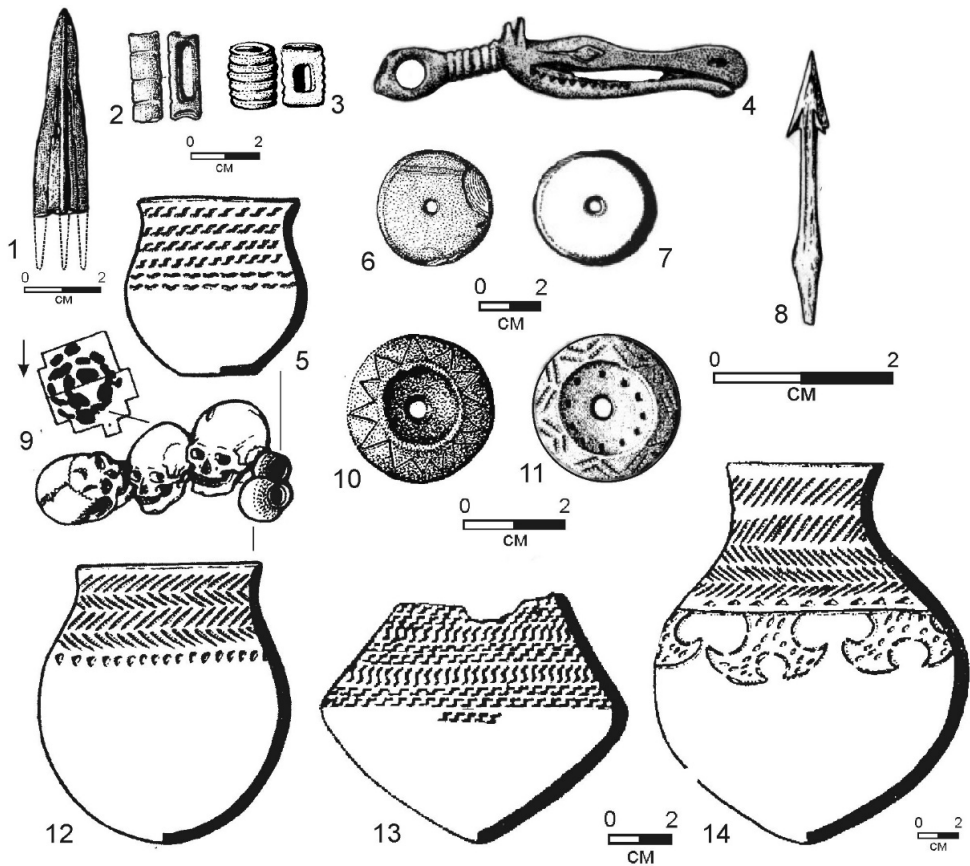

Рис. 10. Поликультурность предметного комплекса Быстровского некрополя эпохи раннего железа.

- 1 – кулайский бронзовый наконечник (Быстровка-2, к. 6, п. 7);
- 2 – бронзовая рубчатая кулайская обойма (Быстровка-2, к. 2, п. 12);
- 3 – бронзовая рубчатая кулайская обойма (Быстровка-1, к. 5, п. 1);
- 4 – бронзовая кулайская зооморфная подвеска (Быстровка-3);
- 5 – керамический сосуд с кулайской орнаментацией (Быстровка-2, к. 9);
- 6 – каменное пряслице (Быстровка-2, курган-5, погребение-10);
- 7 – каменное пряслице (Быстровка-2, курган-2, погребение-12);
- 8 – костяной наконечник стрелы (Быстровка-3);
- 9 – погребение черепов с инокультурной керамикой (Быстровка-2, курган-9);
- 10 – саргатское керамическое пряслице (Быстровка-2, к. 5, п. 16);
- 11 – саргатское керамическое пряслице (Быстровка-2, к. 2, п. 8);
- 12 – саргатский керамический сосуд (Быстровка-2, к. 9);
- 13 – кулайский керамический сосуд (Быстровка-2, к. 2, п. 4);
- 14 – саргатский керамический сосуд с роговидным орнаментом (Быстровка-2, к. 5, п. 1)

Эти новые результаты естественно-научного датирования Быстровского некрополя не могли не отразиться на оценке результатов представленных ранее историко-культурных реконструкций [10; 11], включая и интерпретации в упомянутых современных антропологических публикациях.

Тем не менее такие современные данные по датированию Быстровского некрополя не учитывались либо игнорировались. Следует также отметить произвольную смену культурной атрибуции одного и того же антропологического материала Быстровского некрополя в ряде изданий одних и тех же авторов. Речь идет о нескольких публикациях, где антропологические материалы Быстровки-1, 2, 3 сначала относятся к каменной археологической культуре [12], а затем к большереченской культуре [13; 14]. В отношении таких изданий складывается двойственное впечатление. С одной стороны, такая смена интерпретации могла быть обусловлена изменением авторской точки зрения на один и тот же материал. В таком случае это требовало пояснений и аргументации в последующих изданиях. С другой стороны, такие антропологические публикации явно вводят в заблуждение относительно действительной принадлежности населения скифского времени верхнеобского региона и не соответствуют современным результатам археологических исследований.

Обсуждение. В рамках противоречий и несостыковок культурной идентификации населения эпохи раннего железа Верхней Оби на основе материалов Быстровского некрополя следует остановиться на соотношении масштабов временной длительности исторической преемственности по археологическим и антропологическим данным. Говоря об этом, следует подчеркнуть, что временные параметры, которые приемлемы для современной археологии и антропологии, совершенно различны. Если для археологов предпочтительнее как можно более дробная и детальная хронология, опирающаяся на достоверные датировки [15, с. 55, 56, 59, 60], то антропологов явно интересуют более длительные временные периоды и эпохи. Таким образом, можно говорить, что в археологии принята более «узкая» хронология, а в антропологии – преимущественно «широкая». Возможно, вследствие этого антропологи, кроме пренебрежения или игнорирования разницы между хронологией и периодизацией в конкретных археологических культурах пользуются либо устаревшими в современных условиях, либо некорректными дефинициями археологических культур. Большереченская археологическая культура, как это указывалось выше, является ярким тому подтверждением. Правда нельзя утверждать, что и археологи в рамках эволюционного подхода не пытаются проследить преемственность с культурами предшествующих периодов. Однако на материалах погребального обряда и предметного комплекса это часто выглядит не всегда достоверно и убедительно, учитывая сложности с точностью датирования. Поскольку, с одной стороны, как для традиционных археологических датировок, так и для естественно-научных данных (радиоуглерод, дендрохронология) на этот счет есть свои ограничения. Тогда как, с другой стороны, даже при достаточно хорошо разработанной традиционной археологической хронологии существуют свои региональные лакуны, не подтверждаемые предметным

комплексом, относящимся к определенному времени. Примером тому является дискуссия на рубеже XX–XXI вв. о проблеме «хиатуса III в. до н. э.» в сарматской археологии [16; 17; 18; 19; 20]. Для территории Южной Сибири эпохи раннего железа в свою очередь достаточно давно актуально выделение хронологических индикаторов в комплексах V–IV вв. до н. э. [21]. Все это в целом имеет определяющее значение для пересмотра достоверности дефиниции «больше-реченской» культуры в современных условиях, особенно если опираться на ее трактовку в традиции хронологии и периодизации, сформулированной еще М. П. Грязновым.

Не менее важным фактором являются и результаты соотнесения последовательности существования курганов Быстровки-2 по данным дендрохронологии и по результатам радиоуглеродного датирования. Такая процедура позволяет говорить об их достаточно хорошем соответствии при минимальных исключениях⁴. Например, оба метода дают основание говорить о сосуществовании погребений в курганах 3 и 5 Быстровки-2 в определенное время и об одновременности сооружения могил в курганах 10 и 9. Кроме того, в результате перекрестного датирования дендрощкал курганов предложена модель относительной хронологии могильника Быстровка-2. Согласно ей наиболее ранним является курган 4, за ним следует курган 3, далее – курган 5, а наиболее поздними являются курганы 9 и 10, причем последние два существовали практически синхронно.

В итоге выяснилось, что новая хронология Быстровского некрополя в целом явно не соответствует реальному периоду времени, соотносимому по современным представлениям с «больше-реченской» культурой, определением которой оперируют в ряде современных антропологических публикаций по этому погребальному комплексу [22; 23]. Причиной такого некорректного использования конкретного археологического термина у антропологов может быть несколько факторов. Среди них недостаточная погруженность этих специалистов в историографические проблемы больше-реченской культуры, а также и другие явления более общего порядка. Дело в том, что физическая антропология при изучении своего материала стремится рассматривать его в значительно более длительной хронологической протяженности, чем археология. Именно поэтому антропологами прослеживаются в материалах Быстровки-1, 2, 3 не только сохранившиеся признаки населения предшествующей эпохи бронзы, но и еще более древних периодов (неолита и верхнего палеолита) [13, с. 135, 136; 14, с. 154, 155]. В свою очередь, археологи на своих данных (погребальный обряд, предметный комплекс) для конкретных археологических комплексов такую хронологическую глубину и культурную преемственность фиксировать

⁴ Несовпадение радиоуглеродных и дендрохронологических данных прослеживается только для кургана 4. По дендрохронологической шкале он является наиболее ранним, а по радиоуглеродному датированию костей погребенных курган 4 оказывается одним из поздних.

явно не могут⁵. Более того, для северной части Верхней Оби, где расположен Быстровский некрополь и другие погребальные комплексы раннего железа, пока еще очень затруднительно выявить такую последовательность даже для раннескифского времени в хронологическом интервале VIII–VI вв. до н. э.⁶

Еще одним вариантом объяснения таких противоречивых культурных атрибуций материалов Быстровского некрополя в современных антропологических публикациях может быть сознательное игнорирование не вписывающихся в собственную модель представлений, точек зрения других исследователей. Тем не менее суммарно в формате определения достоверности гипотез это означает, что процедура проверки «на достоверность» исходных данных в таких антропологических публикациях явно не завершена [24, с. 68]. Поэтому с полным основанием можно констатировать, что культурные атрибуции в целом ряде антропологических публикаций по Быстровскому некрополю явно некорректны и далеки от объективности. В этой связи следует упомянуть еще об одном важном факте. Дело в том, что, начиная с 80-х и 90-х гг. прошлого столетия, для культуры населения эпохи раннего железа Верхней Оби рядом исследователей [25; 26, с. 85; 27] отмечался феномен синкретичности. В современных условиях это культурное явление вполне соотносится с парадигмой поликультурности [28, с. 155; 29; 30] (рис. 9). Скорее всего, именно такой подход является наиболее рациональным при запутанности, противоречивости и тупиковой дискусионности относительно конкретных археологических культур, включая «большереченскую». Тем более, что конкретно в Быстровском некрополе достаточно явно выражена поликультурность. Она проявляется в формате различного сочетания и представленности в курганных группах Быстровка-1, 2, 3 маркеров местного населения березовского этапа эпохи раннего железа Верхней Оби, а также кулайской и саргатской культурных традиций. Степень присутствия этих признаков в указанных частях некрополя различна.

В рамках игнорирования антропологами поликультурности материалов Быстровского некрополя следует еще упомянуть о явно выраженной тенденции присутствия и сочетания разнокультурной керамики среди целого ряда культурных образований на юге Западной Сибири с конца I тыс. до н. э. вплоть до эпохи раннего средневековья [31; 32, с. 148–153]. Это в полной мере представлено в Быстровском некрополе. В частности, находки сопроводительной кулайской керамики в кургане 9 Быстровки-2 (рис. 10, 5, 12, 13), которая ана-

⁵ Факт вторичного использования сосуда эпохи поздней бронзы (ирменского сосуда) из соседнего поселения Быстровка-4 в одном из детских погребений курганный группы Быстровки-2, вряд ли можно трактовать как такую культурную преемственность (Бородовский А. П. Хронологические парадоксы вещевого комплекса Быстровского некрополя эпохи раннего железа // Евразия. Культурное наследие древних цивилизаций. – 2004. – Вып. 3. – С. 98–101).

⁶ Находка костяной колчанной застежки раннескифского облика (Русаков М. Ю. Специфика набора вооружения раннескифских погребальных комплексов Нижнего Дона // Oriental Studies. – 2019. – № 4. – С. 614, рис. 5, 8) на поселении поздней бронзы (ирменская культура) Быстровка-4 относится к единичным раннескифским предметам на территории Новосибирского Приобья с до конца не уставленным стратиграфическим контекстом (принадлежность к культурному слою поселения эпохи или разрушенному погребению раннескифского времени).

логична керамике I группы из Каменного Мыса. К такой же группе керамики следует отнести и кулайский сосуд с «шипом» из кургана 2 погребения 4 Быстровки-2 (рис. 10, 13). Другой сосуд с округлым дном (рис. 12, 12) в ритуальном захоронении черепов на краю насыпи кургана 9 Быстровки-2 явно имеет саргатское происхождение. Следует подчеркнуть, что еще один характерный саргатский сосуд (рис. 10, 14) обнаружен в соседнем кургане 5 Быстровки-2. Керамическая посуда с таким рогообразным орнаментом с вдавлениями типична для саргатских погребальных памятников в Барабинской лесостепи (Венгерово-7) и Прииртышье – Коконовские курганы [33, с. 40, рис. 34, 4]. Таким образом, погребения нескольких курганов (№ 2, 4, 5, 9) Быстровки-2 хорошо отражают ситуацию одномоментного присутствия как захоронений с кулайской керамикой различных типов, так и погребений с саргатскими сосудами в пределах одних и тех же многомогильных курганов, включая ярусные захоронения (курган 4, погребения 5а, 5б). Эта особенность позволяет рассматривать Быстровский некрополь как репрезентативный источник в формате изучения характера кулайско-саргатских связей, что крайне актуально для всей лесостепной зоны Западной Сибири в эпоху раннего железа. Такой феномен может быть обусловлен как интенсивностью культурных связей и интеграционных процессов, так и миграционной активностью.

В свою очередь, на антропологическом материале пока фиксируется только достаточно выраженное антропологическое сходство для представителей населения березовского этапа эпохи раннего железа Верхней Оби и носителей кулайской культурной традиции [34, с. 145, рис. 1, с. 146]. Детализация кулайской принадлежности на индивидуальном и групповом уровне для некрополей раннего железа Верхней Оби пока сдерживается ограниченностью «кулайской» антропологической выборки (могильники Каменный Мыс, Алдыган, единичные черепа с Усть-Полюя, Кулайской Горы, Большого Лога) [35, с. 57]. Тем не менее проникновение северного инокультурного кулайского населения в более южные районы Верхнего Приобья (включая Быстровский некрополь), как и носителей саргатской культуры с запада, явно не способствовало однородности населения, даже в формате старых концепций «большереченской» культуры.

Заключение. Следует еще раз подчеркнуть, что для Быстровского некрополя в антропологических публикациях последнего времени фигурируют явно не точные дефиниции по отождествлению материалов этого комплекса с «большереченской» культурой, поскольку бытование этой культуры относится в настоящее время уже к предшествующему переходному периоду от эпохи поздней бронзы к раннему железу (начало I тыс. до н. э.). Более того, для северной части Верхней Оби, где расположен Быстровский некрополь и другие погребальные комплексы раннего железа, пока еще очень затруднительно выявить погребения как этого переходного периода, так и раннескифского времени в хронологическом интервале VIII–VI вв. до н. э.

Подводя итоги, следует отметить, что при интерпретации антропологами термина и понятия «археологическая культура» на примере анализа материалов Быстровского некрополя эпохи раннего железа проявилось несколько

тенденций. Во-первых, некорректное использование наименования «большереченская культура» по отношению к этому погребальному комплексу, который на основании современных данных не соответствует времени существования этого культурного образования. Во-вторых, непоследовательность, избирательность и противоречивость использования термина «большереченская культура» в современных антропологических исследованиях, в которых либо не учитываются, либо игнорируются не только многие историографические стороны этой проблемы, но и современное состояние археологической источниковой базы и уровней ее интерпретации. В-третьих, для археологов и антропологов характерны совершенно различные представления о хронологической глубине материалов, подверженных изучению. Если археологи всячески стремятся к более дробной и узкой хронологии, опирающейся на конкретные датировки, то антропологи в лучшем случае оперируют общей археологической периодизацией, порой углубляясь в более далекие археологические эпохи (бронзы и камня). В свою очередь, все это достаточно объемно отражает не только несостыковки и соответствия результатов археологических и антропологических исследований, но также разницу представлений взаимоотношений «культуры и антропологии» у специалистов различного профиля.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.** Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). – М.: Наука, 1975. – 174 с.
2. **Грязнов М. П.** История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. Сер. Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 48. – М.; Л.: Наука, 1956. – 226 с.
3. **Троицкая Т. Н., Бородовский А. П.** Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.
4. **Кунгуров А. Л.** К вопросу об этнокультурной ситуации в Барнаульско-Бийском Приобье во второй половине I тыс. до н. э. // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 293–296.
5. **Бородовский А. П.** Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Выпуск 6. – Новосибирск, 2002. – 208 с.
6. **Кишкурно М. С.** Антропологический состав населения Новосибирского Приобья раннего железного века (по краниологическим и одонтологическим данным): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2023. – 24 с.
7. **Троицкая Т. Н.** Могильник Быстровка как исторический источник // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1983. – С. 31–50.
8. **Бородовский А. П., Слюсаренко И. Ю., Кузьмин Я. В., Орлова Л. А., Кристен Дж. А., Гаркуша Ю. Н., Бурр Дж. С., Джал Э. Дж. Т.** Хронология погребальных комплексов раннего железного века в Верхнем Приобье по данным древесно-кольцевого и радиоуглеродного методов (на примере курганной группы Быстровка-2) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3 (15). – С. 79–92.
9. **Бородовский А. П.** Традиционные и естественно-научные методы датирования погребальных комплексов (по материалу Быстровского некрополя эпохи раннего железа). – Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2009. – 112 с.
10. **Могильников В. А.** О миграциях кулайского населения на юг // Известия лаборатории археологии. – 1995. – № 1. – С. 76–86.

11. **Могильников В. А.** Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н. э. – М.: РАН Ин-т археологии, 1997. – 195 с.
12. **Кишкурно М. С.** Происхождение носителей каменной культуры Новосибирского Приобья по одонтологическим данным из могильника Быстровка-2 (III–I вв. до н. э.) // *Camera praehistorica*. – 2018. – № 1 (1). – С. 134–147.
13. **Кишкурно М. С.** Внутригрупповая дифференциация носителей большереченской культуры Новосибирского Приобья раннего железного века // *Camera praehistorica*. – 2022а. – № 1 (8). – С. 118–137.
14. **Кишкурно М. С.** Антропологический состав большереченского населения Новосибирского Приобья эпохи раннего железа по одонтологическим материалам в контексте проблемы дифференциации каменной и большереченской культур // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2022б. – № 3 (50). – С. 148–156.
15. *Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология.* – СПб.: Изд-во Теза, 2005. – 290 с.
16. **Зуев В. Ю.** О путях решения «проблемы III в. до н. э.» в периодизации археологических памятников сарматской эпохи // *Stratum plus*. – 1993. – № 3. – С. 305–324.
17. **Скрипкин А. С., Клепиков В. М., Мошкова М. Г.** Об одной попытке модернизации сарматской периодизации // *Российская археология*. – 2000. – № 1. – С. 101–122.
18. **Клепиков В. М.** Памятники III в. до н. э. в Нижнем Поволжье // *Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории».* – Самара, 2000. – Вып. 1. – С. 116–124.
19. **Демиденко С. В.** Об одном из аспектов «проблемы III в. до н.э.» в сарматской археологии // *Российская археология*. – 2007. – № 2. – С. 48–54.
20. **Коробков П. А.** Проблемы изучения периодизации раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, Ист.* – 2012. – № 1 (21). – С. 160–167.
21. **Семенов Вл. А.** Проблема выделения хронологических индикаторов в скифских комплексах V–IV вв. до н. э. в Туве // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XI.* – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000. – С. 179–182.
22. **Шишкин А. С., Волков П. В., Зубова А. В., Кишкурно М. С.** Выставление голов у носителей каменной культуры Верхнего Приобья (по материалам Быстровского некрополя) // *Древние некрополи – погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей.* – СПб.: ИИМК РАН 2018. – Т. 47. – С. 134–143.
23. **Кишкурно М. С., Алексеева Е. А., Шишкин А. С., Зубова А. В.** Новые результаты изучения человеческих черепов из ритуального комплекса могильника Быстровка-2 (ранний железный век) // *Camera praehistorica*. – 2021. – № 2 (7). – С. 138–151.
24. **Клейн Л. С.** Гипотеза в археологии // *Российский археологический ежегодник.* – 2011. – № 1. – С. 56–69.
25. **Могильников В. А.** О культурах западносибирской лесостепи раннего железного века (итоги и проблемы изучения) // *Скифо-сибирское культурно-историческое единство.* – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1980. – С. 41–50.
26. **Могильников В. А., Уманский А. П.** Курган раннего железного века на Чумыше // *Краткие сообщения Института археологии АН СССР.* – 1981. – № 167. – С. 80–86.
27. **Членова Н. Л.** Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М.: Пущинский научный центр РАН, 1994. – 170 с.
28. **Савинов Д. Г.** Ранние кочевники Верхнего Енисея: археологические культуры и культурогенез. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – 202 с.
29. **Бородовский А. П.** Поликультурность эпохи раннего железа в лесостепном Приобье по материалам Быстровского некрополя // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований.* – 2016. – № 3 (13). – С. 94–102.
30. **Бородовский А. П.** Погребальное пространство в контексте поликультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби) // *Древние некрополи –*

погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. – СПб.: ИИМК РАН 2018. – Т. 47. – С. 123–133.

31. **Матвеева Н. П., Кобелева Л. С.** К вопросу об исходных компонентах раннесредневекового культурогенеза лесостепного Зауралья (по данным изучения гончарства) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 3. – С. 68–78.
32. **Матвеева Н. П.** Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. – 264 с.
33. **Полосьмак Н. В.** Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 126 с.
34. **Кишкурно М. С., Слепцова А. В.** Новые данные по одонтологии населения кулайской культуры Новосибирского Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2019. – № 4 (47). – С. 140–151.
35. **Багашев А. Н., Слепченко С. М., Алексеева Е. А., Слепцова А. В.** Краниологические находки на святилище кулайского городища Большой лог в Омске // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2017. – № 2 (37). – С. 57–71.

REFERENCES

1. Kamenetsky I. S., Marshak B. I., Sher Y. A. Analysis of archaeological sources (possibilities of a formalized approach). Moscow: Nauka, 1975, 174 p. (In Russian)
2. Gryaznov M. P. History of the ancient tribes of the Upper Ob according to excavations near the village. Big River. Ser. Materials and research on the archeology of the USSR. T. 48. Moscow; Leningrad: Nauka, 1956, 226 p. (In Russian)
3. Troitskaya T. N., Borodovsky A. P. Bolsherechenskaya culture of the forest-steppe Ob region. Novosibirsk: Nauka, 1994, 184 p. (In Russian)
4. Kungurov A. L. On the issue of the ethnocultural situation in the Barnaul-Biysk Ob region in the second half of the 1st millennium BC. e. Space of culture in the archaeological and ethnographic dimension. Western Siberia and adjacent territories: materials of the XII West Siberian archaeological and ethnographic conference. Tomsk: TSU Publishing House, 2001, pp. 293–296. (In Russian)
5. Borodovsky A. P. Archaeological monuments of the Iskitim region of the Novosibirsk region. Materials of the “Code of Monuments of History and Culture of the Peoples of Russia”. Issue 6. Novosibirsk, 2002, 208 p. (In Russian)
6. Kishkurno M. S. Anthropological composition of the population of the Novosibirsk Ob region of the early Iron Age (according to craniological and odontological data): abstract dis. Novosibirsk, 2023, 24 p. (In Russian)
7. Troitskaya T. N. Bystrovka burial ground as a historical source. Archaeological monuments of the forest-steppe zone of Western Siberia. Novosibirsk: Publishing House NGPI, 1983, pp. 31–50. (In Russian)
8. Borodovsky A. P., Slyusarenko I. Yu., Kuzmin Ya. V., Orlova L. A., Kristen J. A., Garkusha Yu. N., Burr J. S., Jal E. J. T. Chronology of burial complexes of the Early Iron Age in the Upper Ob region according to tree-ring and radiocarbon methods (using the example of the Bystrovka-2 burial mound group). *Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia*, 2003, no. 3 (15), pp. 79–92. (In Russian)
9. Borodovsky A. P. Traditional and natural scientific methods of dating burial complexes (based on materials from the Bystrovsky necropolis of the Early Iron Age). Novosibirsk: Novosibirsk State Publishing House. Univ., 2009, 112 p. (In Russian)
10. Mogilnikov V. A. On the migration of the Kulai population to the south. *News of the Laboratory of Archeology*, 1995, no. 1, pp. 76–86. (In Russian)
11. Mogilnikov V. A. Population of the Upper Ob region in the middle – second half of the 1st millennium BC. e. Moscow: RAS Institute of Archeology, 1997, 195 p. (In Russian)
12. Kishkurno M. S. Origin of the carriers of the Kamensk culture of the Novosibirsk Ob region according to odontological data from the Bystrovka-2 burial ground (III-I centuries BC). *Camera praehistorica*, 2018, no. 1 (1), pp. 134–147. (In Russian)
13. Kishkurno M. S. Intragroup differentiation of the carriers of the Bolsherechenskaya culture of the Novosibirsk Ob region of the early Iron Age. *Camera praehistorica*, 2022a, no. 1 (8), pp. 118–137. (In Russian)

14. Kishkurno M. S. Anthropological composition of the Bolsherechensk population of the Novosibirsk Ob region of the Early Iron Age based on odontological materials in the context of the problem of differentiation of the Kamensk and Bolsherechensk cultures. *Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia*, 2022b, no. 3 (50), pp. 148–156. (In Russian)
15. Eurasia in the Scythian era. Radiocarbon and archaeological chronology. St. Petersburg: Teza Publishing House, 2005, 290 p. (In Russian)
16. Zuev V. Yu. On ways to solve the “problem of the 3rd century. BC e.” in the periodization of archaeological monuments of the Sarmatian era. *Stratum plus*, 1993, no. 3, pp. 305–324. (In Russian)
17. Skripkin A. S., Klepikov V. M., Moshkova M. G. About one attempt to modernize the Sarmatian periodization. *Russian Archeology*, 2000, no. 1, pp. 101–122. (In Russian)
18. Klepikov V. M. Monuments of the 3rd century. BC e. in the Lower Volga region. Early Sarmatian culture: formation, development, chronology. *Problems of Sarmatian archeology: materials of the IV International Conference*. Vol. 1. Samara, 2000, pp. 137–139. (In Russian)
19. Demidenko S. V. About one of the aspects of the “problem of the 3rd century. BC.» in Sarmatian archeology. *Russian Archeology*, 2007, no. 2, pp. 48–54. (In Russian)
20. Korobkov P. A. Problems of studying the periodization of early Sarmatian monuments of the Lower Volga region. *Bulletin of Volgograd State University*. Ser. 4, East, 2012, no. 1 (21), pp. 160–167. (In Russian)
21. Semenov V. A. The problem of identifying chronological indicators in the Scythian complexes of the V–IV centuries. BC e. in Tuva. Preservation and study of the cultural heritage of Altai. Vol. XI. Barnaul: Altai State Publishing House. Univ., 2000, pp. 179–182. (In Russian)
22. Shishkin A. S., Volkov P. V., Zubova A. V., Kishkurno M. S. Exhibition of heads among the bearers of the Kamensk culture of the Upper Ob region (based on materials from the Bystrovsky necropolis). *Ancient necropolises – funeral and memorial rituals, burial architecture and layout of necropolises*. St. Petersburg: IHMC RAS, 2018, T. 47, pp. 134–143. (In Russian)
23. Kishkurno M. S., Alekseeva E. A., Shishkin A. S., Zubova A. V. New results of studying human skulls from the ritual complex of the Bystrovka-2 burial ground (early Iron Age). *Camera praehistorica*, 2021, No. 2 (7), pp. 138–151. (In Russian)
24. Klein L. S. Hypothesis in archeology. *Russian Archaeological Yearbook*, 2011, no. 1, pp. 56–69. (In Russian)
25. Mogilnikov V. A. On the cultures of the West Siberian forest-steppe of the early Iron Age (results and problems of study). *Scythian-Siberian cultural and historical unity*. Kemerovo: KemsU Publishing House, 1980, pp. 41–50. (In Russian)
26. Mogilnikov V. A., Umansky A. P. Early Iron Age mound on Chumysh. *Brief communications of the Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences*, 1981, no. 167, pp. 80–86. (In Russian)
27. Chlenova N. L. Monuments of the end of the Bronze Age in Western Siberia. Moscow: Pushchino Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 1994, 170 p. (In Russian)
28. Savinov D. G. Early nomads of the Upper Yenisei: archaeological cultures and cultural genesis. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2002, 202 p. (In Russian)
29. Borodovsky A. P. Multiculturalism of the Early Iron Age in the forest-steppe Ob region based on materials from the Bystrovsky necropolis. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research*, 2016, no. 3 (13), pp. 94–102. (In Russian)
30. Borodovsky A. P. Funeral space in the context of multiculturalism (based on materials from the Bystrovsky necropolis of the Early Iron Age on the Upper Ob). *Ancient necropolises – funeral and memorial rituals, funerary architecture and planning of necropolises*. St. Petersburg: IHMC RAS, 2018, T. 47, pp. 123–133. (In Russian)
31. Matveeva N. P., Kobeleva L. S. On the question of the initial components of the early medieval cultural genesis of the forest-steppe Trans-Urals (according to the study of pottery). *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, 2013, no. 3, pp. 68–78. (In Russian)
32. Matveeva N. P. Western Siberia in the era of the Great Migration of Peoples (problems of cultural genesis according to the data of funerary monuments. Tyumen: Tyumen State University Publishing House, 2016, 264 p. (In Russian)
33. Polosmak N. V. Baraba in the Early Iron Age. Novosibirsk: Nauka, 1987, 126 p. (In Russian)

34. Kishkurno M. S., Sleptsova A. V. New data on the odontology of the population of the Kulai culture of the Novosibirsk Ob region. *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, 2019, no. 4 (47), pp. 140–151. (In Russian)
35. Bagashev A. N., Slepchenko S. M., Alekseeva E. A., Sleptsova A. V. Craniological finds at the sanctuary of the Kulai settlement Bolshoi Log in Omsk. *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, 2017, no. 2 (37), pp. 57–71. (In Russian)

Информация об авторе

А. П. Бородовский, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук; профессор, Новосибирский государственный педагогический университет, altaicenter2011@gmail.com, Новосибирск, Россия

Information about the author

Andrew P. Borodovsky, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, altaicenter2011@gmail.com, Novosibirsk, Russia

Статья поступила в редакцию 22.02.2024

Одобрена после рецензирования 16.03.2024

Принята к публикации 25.03.2024

The article was submitted 22.02.2024

Approved after reviewing 16.03.2024

Accepted for publication 25.03.2024

РАЗДЕЛ II. ПРИКЛАДНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

PART II. APPLIED CULTURAL STUDIES

Культурно-антропологические исследования. 2024. № 2

Culture and anthropology research journal. 2024. № 2

Научная статья

УДК 008 (520) + 811.521

Внутренние корпоративные формы этикетного поведения в Японии

Мартынова Мария Владимировна¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. Специфические психологические черты коллективистской культуры в условиях японской фирмы проявляются не только во взаимодействии с людьми, не принадлежащими к данной компании, но и внутри коллектива фирмы. Так, в рамках своей фирмы японцы, отождествляя себя с группой, к которой принадлежат, воспринимают групповые цели как свои личные. В японском обществе в целом и в фирме как его части, поддерживается строгая иерархия, когда статус и поведение человека определяются его местом в иерархической структуре, что ярко проявляется, например, в использовании различных стилей вежливости и обращений.

Ключевые слова: Япония; японская культура; этика; поведение

Для цитирования: Мартынова М. В. Внутренние корпоративные формы этикетного поведения в Японии // Культурно-антропологические исследования. – 2024. – № 2. – С. 27–32.

Scientific article

Internal Corporate Forms of Etiquette Behaviour in Japan

Maria V. Martynova¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The specific psychological features of a collectivist culture in a Japanese company manifest themselves not only in interactions with people who do not belong to a given company, but also within the people who work there. Thus, within the company, the Japanese, identifying themselves with the group to which they belong, perceive group goals as their own. In Japanese society as a whole, and in the company as a part of it, a strict hierarchy is maintained, when a person's status and behavior are determined by the place in the hierarchical structure, which is clearly manifested, for example, in the use of different styles of politeness and addressings.

Keywords: Japan; Japanese culture; ethics; behavior

For citation: Martynova M. V. Internal corporate forms of etiquette behaviour in Japan. *Culture and anthropology research journal*, 2024, no. 2, pp. 27–32.

Характер управления в японской компании в значительной мере зависит от традиционных, воспроизводящих структуру семьи или родового клана связей высших (управляющих) с низшими (управляемыми) [1, с. 65]. Важным элементом управления является соблюдение этикетных норм, сильное влияние на которые оказало бусидо.

Одним из основных положений морально этического учения бусидо являются правила поведения вассала по отношению к сюзерену. Согласно ему, отношения по вертикали строились на том, что вассал не считал выполнение своих обязанностей, помощь своему господину своей личной заслугой. Он с заботой исполнял свои обязанности и его труд был пропитан благодарностью и почтением, ведь сюзерен заботился о нем, оплачивал его труд. Сейчас в Японии уже, конечно, нет вассалов и сюзеренов, но с распространением культуры самурайства на все слои населения в японской корпорации до сих пор сохраняется этот принцип. Только в XXI веке эти этикетные формы применяются подчиненным в отношении начальника, директора компании и, конечно же, являются более мягкими и гибкими, в отличие от отношения *буси – даймё*. Эти отношения описывает понятие «он». «Он» – это чувство взаимной обязанности, благодарности и любви.

Благодаря тому, что в японской социальной психологии глубоко заложен этот принцип, взаимодействия между выше и нижестоящим вызывают меньше противоречий со стороны подчиненного. Руководствуясь принципом «он», подчиненный понимает, что все приказы начальства, требования, это не то, что делается только ради удобства руководства и на благо компании, но также это касается и его лично. Ведь руководитель с заботой относится к подчиненным поскольку все они члены одной большой корпорации – семьи, все делается для ее блага, которое повлечет за собой и улучшение положения каждого сотрудника. Поэтому сотруднику следует умерить свой пыл, личностные амбиции и с благодарностью и почтением принимать указания руководства.

В привлеченных нами в качестве источника различных сборниках правил этикета для работников фирм отмечается, что начальник должен способствовать росту своих подчиненных, уважать их достоинство. Даже когда начальник отчитывает своего подчиненного, это должна быть конструктивная критика, высказанная в спокойной манере. Также отмечается, что начальник должен способствовать развитию, личностному росту подчиненного. Подчиненный же, в свою очередь, должен прилежно и много трудиться на благо фирмы. Так, в правилах этикета для работников фирм подчеркивается, что за свою работу служащий сам должен нести ответственность, а не обвинять в своих неудачах других, не заставлять других выполнять сложную работу вместо себя и завидовать чужим успехам. Подобные положения соответствуют принципу верности сюзерену, заложенному самурайской этикой. В рекомендациях для новых сотрудников, кроме поведения на работе, отмечается, что чтобы

быть хорошим сотрудником, приносить пользу, не подводить руководителей и старших коллег, свое свободное время тоже надо проводить с умом: вести здоровый образ жизни: не пить много спиртного, высыпаться, не забывать о физической активности. Так, например, можно заниматься бегом, играть в гольф. Выходные не стоит проводить чересчур активно и сильно нарушать режим. В это время необходимо отдохнуть, чтобы начать новую неделю на пике продуктивности. Таким образом, в рекомендациях для новых сотрудников, в целях создания из индивидуума наиболее эффективного члена команды регламентируют и такие вещи, которые могут многим показаться и вовсе не сферой влияния корпорации.

Переработки, как излишнее проявление принципа долга, до сих пор существуют, как и летальные исходы, вызванные чрезмерным перенапряжением на работе. В некоторых компаниях они даже могут быть официально внесены в трудовое соглашение с работодателем, но там, как правило, оговаривается и максимально возможный объем, однако это не останавливает некоторых японцев. Желая показать свое старание, исполнить свой долг перед компанией, они все еще могут чрезмерно жертвовать своим личным временем и интересами. Такие проявления чувства долга сложно искоренить, но в современных справочниках для сотрудников, где содержатся правила этикета, советуют не забывать про свое личное время. Они апеллируют к тому, что уставший человек не способен качественно выполнять работу. К тому же истощение может привести и к ухудшению здоровья, а в случае болезни служащий и вовсе не сможет помогать своей компании и только создаст дополнительные сложности коллегам и начальству.

Корпорация, как клан, группа, требует от каждого сотрудника соблюдения субординации, все общение строится исходя из рангов и статусов, которые закреплены за людьми в рамках организации. Так, в различных учреждениях, фирмах, сфере обслуживания, какие бы отношения с людьми у вас ни были, когда вы находитесь на службе, вы должны вести себя так, как положено. Даже своих близких друзей нужно называть официально в соответствии с их статусом [6, с. 20].

Как и самурайское общество, современное общество также строго ранжировано. Исследователи, как правило, разделяют этикетные нормы, регламентирующие взаимоотношения высшего и низшего, на две группы. Так, вежливые формы следует применять по отношению к тем, кто перманентно занимает более высокое положение. В японской культуре к таким можно отнести представителей престижных профессий, например, врачей; людей высших слоев общества; руководителей, начальников. Ко второй группе относятся те, чей статус определен конкретным положением в данный момент. Это старшие по возрасту, а также люди, которые в данный момент времени занимают более высокое положение, представители власти, клиенты и др. и к лицам, высшим по функции, выполняемой в данный момент [3, с. 34].

И с первой, и со второй группой необходимо взаимодействовать, основываясь на еще одном принципе бусидо – принципе скромности. Так, молодой сотрудник будет почтителен и скромен с более старшими коллегами, начальниками, как самурай со своим господином. Так, рекомендуется не быть излишне эмоциональным на рабочем месте, это может их беспокоить. Сильные эмоции стоит оставить для близкого круга людей. Даже сообщая плохие новости, не надо выдавать того, насколько вы расстроены, ваши чувства не должны мешать вышестоящим, ведь они заняты важными делами. Например, отпрашиваясь с работы на похороны, не стоит показывать своей скорби, о таком сообщают, извиняясь и даже с улыбкой.

Принцип скромности в этикетных нормах отражается в использовании различных стилей вежливости речи. Японцы с ранних лет учатся их применению. Но, как видно из литературы, создаваемой для новых сотрудников компаний, у людей даже во взрослом возрасте возникают сложности при использовании. В каждом издании можно найти списки и примеры построения вежливых выражений, соответствующие разным рабочим ситуациям. Это важно, поскольку неумелое использование может негативно настроить собеседника. Например, при разговоре со своим начальником служащему следует возвысить собеседника и в то же время использовать скромные формы в отношении самого себя.

Одним из примеров различных стилей речи может служить присоединение суффиксов к имени собеседника. Они отражают статус и социальную роль человека для говорящего. К суффиксам, употребляемым в рамках коллектива компании: относятся: *сан*, *тян*, *кун*. Из перечисленного «*сан*» является самым вежливым и независимо от пола присоединяется к имени вышестоящего, или же сотрудника – коллеги, с которым нет близко-личностных взаимоотношений. «*Тян*» и «*кун*» можно добавлять к именам мужчин («*кун*») и женщин («*тян*»), если кроме деловых между вами есть и личные отношения, эти люди могут дружить друг с другом. При обращении к вышестоящим часто присоединяется название должности. Например, «*Ямада-сятё*» (директор компании Ямада). К нижестоящему при определенных обстоятельствах допускается обращение просто по фамилии, но стоит быть осторожнее, поскольку часто это может оказаться слишком грубым.

При использовании вербальных этикетных форм важна не только правильная формулировка, но и интонация, тон голоса, направление взгляда. Так, говорить надо бодро, с нормальной громкостью, глядя в глаза. С точки зрения японцев, это поможет создать хорошее настроение у собеседника и расположить его к себе. Слушать собеседника стоит внимательно, также глядя ему в лицо, но в отличие от русского этикета, где принято молчать, когда другой человек говорит, японцем это может быть воспринято негативно. При общении принято сопровождать высказывания различными междометиями, репликами, выражающими отношение к услышанному. Если японец не наблюдает такой реакции, то он может решить, что его слова не интересны, или что его просто не понимают. При взаимодействии в коллективе важна оперативная реакция на действия собеседника. Так, надо сразу отвечать, когда к вам обратились или

правильно среагировать на высказанную мысль. В Японии для различных ситуаций предусмотрены определенные выражения, правильное и своевременное употребление которых является неотъемлемой частью этикета.

Одними из ключевых форм в данном случае будут являться формы и степени выражения благодарности и извинений. В справочной литературе по деловому этикету для сотрудников фирм, в разделе, касающемся любого вида деятельности, обязательно приводятся случаи, в которых надо благодарить и извиняться, часто с примерами. Так, если вы высказали свое мнение на совещании, необходимо сначала извиниться, что вы собираетесь выступить со своим предложением, а потом, исходя из ситуации, можно поблагодарить за то, что вас выслушали. При телефонном звонке или входя в чей-то кабинет обязательно надо извиниться за то, что вы отвлекаете человека. При звонках с сотового телефона стоит быть особенно вежливыми, поскольку связь может оборваться в неожиданный момент. Поэтому рекомендуется сразу извиниться и предупредить, что вы сейчас используете сотовый телефон.

Так же как неприличным считается не выражать вербальное или невербальное согласие, понимание при разговоре. По правилам японского этикета молчание может быть оскорбительным и надо сразу же реагировать, когда к вам обращаются. Так, если к вам обратились, в русской культуре допустимо просто перевести взгляд на этого человека или пойти в его направлении. В японской же этого недостаточно. Когда к вам обратился вышестоящий, обязательно надо сказать «хай» (да). В правилах этикета для работников фирм особо отмечается, что при обращении к вам начальника для получения указаний следует встать и подойти к его столу, сидя за своим столом и выполняя какое-либо дело, невежливо спрашивать о другом, что отражает заложенное самураями уважение по отношению к сюзерену. И при согласии недостаточно просто кивка. Основным средством выражения согласия в японском языке является: «хай», а также глагол «касикомаву» (*будет исполнено*).

Таким образом, в основе межличностного взаимодействия внутри японской фирмы лежат основные принципы самурайской этики. Верность сюзерену проявляется в отношениях начальника и подчиненного, в обязанности первого вменяется заботиться, направлять на истинный путь, а подчиненный в свою очередь платит за это своей верностью и преданностью, как раньше самурай по отношению к своему господину. Принцип долга проявляется в безграничной преданности интересам фирмы, готовности жертвовать своими личными интересами, свободным временем ради ее процветания. Принцип скромности выражается в этикетных формах речи, использование которых зависит от статуса собеседника: является ли он по отношению к говорящему вышестоящим (начальником) или же нижестоящим (подчиненным).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алпатов В. М. Япония: язык и общество. – М.: Муравей, 2003. – 120 с.
2. Кузьминов Д. А. Философско-культурологические аспекты кодекса чести «Бусидо» // Время науки – The Times of Science. – 2016. – № 3. – С. 26–34.

3. **Пронников В. А., Ладанов И. Д.** Управление персоналом в Японии: Очерки. – М.: Наука, 1989. – 207 с.
4. **Симхович В.** Истоки современной японской системы управления // Проблемы теории и практики управления. – 2002. – № 6. – С. 114–120.
5. **Стоногина Ю. Б.** Бусидо 5.0. Бизнес-коммуникации в Японии. – М.: Издательский дом ВКН, 2017. – 260 с.
6. **Фролова О. П.** Японский речевой этикет (лингвистический аспект). – Новосибирск: Редакционно-издательский отдел Новосибирского университета, 1997. – 44 с.
7. 小沼 俊男. 面接:心にふれる自己表現. – 東京: NHK出版, 2012. – 221 с. (Конумэ Тосио. Собеседование: рассказываем о себе с душой. – Токио: издательство NHK, 2012. – 221 с.)
8. 嫡出 みゆき. 新入社員のためのマナーandコミュニケーション. – 東京: 労働調査会, 2011. – 111 с. (Сакияма Миюки. Манеры и коммуникация для новых сотрудников. – Токио: Научно-исследовательский институт труда, 2011. – 111 с.)
9. 濱田 秀彦. 社員安心マニュアル. – 東京: KAWADA DTP WORKS, 2009. – 176 с. (Хамада Хидехико. Как новому сотруднику чувствовать себя спокойно. – Токио: KAWADA DTP WORKS, 2009. – 176 с.)

REFERENCES

1. Alpatov V. M. Japan: Language and Society. Moscow: Muravey, 2003, 120 p. (In Russian)
2. Kuzminov D. A. Philosophical and cultural aspects of the code of honour “Bushido”. *The Times of Science – The Times of Science*, 2016, no. 3, pp. 26–34 (In Russian)
3. Pronnikov V. A., Ladanov I. D. Personnel management in Japan: Essays, Moscow: Nauka, 1989, 207 p. (In Russian)
4. Simkhovich V. Origins of the modern Japanese management system. *Problems of Theory and Practice of Management*, 2002, no. 6, pp. 114–120. (In Russian)
5. Stonogina Y. B. Bushido 5.0. Business communications in Japan. Moscow: VKN Publishing House, 2017, 260 p. (In Russian)
6. Frolova O. P. Japanese speech etiquette (linguistic aspect). Novosibirsk: editorial and publishing department of Novosibirsk University, 1997, 44 p. (In Russian)
7. Konume Toshio. Job interview: talking about yourself with soul. Tokyo: NHK Publishing House, 2012, 221 p. (In Japanese)
8. Sakiyama Miyuki. Manners and communication for new employees. Tokyo: Labour Research Institute, 2011, 111 p. (In Japanese)
9. Hamada Hidehiko. How for a new employee to feel at ease. Tokyo: KAWADA DTP WORKS, 2009, 176 p. (In Japanese)

Информация об авторе

М. В. Мартынова, магистр культурологии, ассистент кафедры теории, истории культуры и музеологии, Новосибирский государственный педагогический университет, mashutka2005@mail.ru, Новосибирск, Россия

Information about the author

Maria V. Martynova, Master of Cultural Studies, Assistant of the Department of Theory, Cultural History and Museology, Novosibirsk State Pedagogical University, mashutka2005@mail.ru, Novosibirsk, Russia

Статья поступила в редакцию 28.02.2024
Одобрена после рецензирования 16.03.2024
Принята к публикации 25.03.2024

The article was submitted 28.02.2024
Approved after reviewing 16.03.2024
Accepted for publication 25.03.2024

Научная статья
УДК 008

Язык и культура через призму лингвокультурологии

Первухина Елена Владимировна¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь и взаимодействие языка и культуры в рамках лингвокультурологии. Проблема взаимосвязи языка и культуры является одной из основных проблем языкознания. Начиная с XIX века, взаимодействие языка и культуры является объектом исследования многих отечественных и зарубежных лингвистов. Лингвокультурология изучает язык как феномен культуры. Это определенное видение мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает как выразитель особой национальной ментальности. Таким образом, в каждом естественном языке представлена уникальная языковая картина мира.

Ключевые слова: лингвокультурология; концепт; язык; культура; взаимосвязь

Для цитирования: Первухина Е. В. Язык и культура через призму лингвокультурологии // Культурно-антропологические исследования. – 2024. – № 2. – С. 33–39.

Scientific article

Language and Culture through the Prism of Linguoculturology

Pervukhina Elena Vladimirovna¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. This article deals with the interrelation and interaction of language and culture within the framework of linguoculturology. The problem of interrelation of language and culture is one of the main problems of linguistics. Since the XIX century, the interaction of language and culture has been the object of research of many domestic and foreign linguists. Linguoculturology studies language as a phenomenon of culture. It is a certain vision of the world through the prism of the national language, when language acts as an expressor of a special national mentality. Thus, each natural language presents a unique linguistic picture of the world.

Keywords: linguoculturology; concept; language; culture; interrelation

For citation: Pervukhina E. V. Language and culture through the prism of linguoculturology. *Culture and anthropology research journal*, 2024, no. 2, pp. 33–39.

Язык как средство общения людей и сформированная с его помощью культура данного общества находятся в неразрывной связи и непрерывном взаимодействии, что и определяет их развитие [11, с. 19].

Немецкий филолог, философ и языковед Вильгельм фон Гумбольдт, лингвофилософская концепция которого заключается в том, что он рассматривает

язык не как средство общения, а как средство существования самого человека, писал в своих трудах о том, что «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное. Каким образом оказывается, что они сливаются в единый и недоступный пониманию источник, остается для нас загадкой... Среди всех проявлений, посредством которых познается дух и характер народа, только язык и способен выразить самые своеобразные и тончайшие черты народного духа и характера и проникнуть в их сокровенные тайны» [3, с. 36].

Идеи В. фон Гумбольдта получили развитие в работах российских лингвистов А. А. Потебни («Мысль и язык») и Р. О. Якобсона, швейцарского лингвиста Ш. Балли, французского лингвиста Ж. Вандриеса, русского лингвиста И. А. Бодуэна де Куртэне, американских лингвистов Э. Сепира и Б. Уорфа (гипотеза лингвистической относительности) и многих других исследователей.

Так, в 20-х годах XX века в языкознании возникло направление неогумбольдтианство, восходившее к идеям основоположника гумбольдтианства Вильгельма фон Гумбольдта. Исследователи выделяют два направления неогумбольдтианства: европейское, представленное, прежде всего, в Германии и других немецкоязычных странах, и американское, иногда отождествляемое с этнолингвистикой. Основоположниками европейского направления неогумбольдтианства считаются Л. Вайсгербер и Й. Трир, американского – Э. Сепир и Б. Уорф.

Базовым принципом взгляда на сущность языка для сторонников неогумбольдтианства является постулат о неповторимом своеобразии концептуальных систем, лежащих в основе конкретных языков. Суть этого принципа можно свести к трем тезисам:

1. Каждый язык уникален, «причем не только и даже не столько со структурной точки зрения, сколько с точки зрения зафиксированной в нем картины мира». При этом европейское направление неогумбольдтианства имеет в виду уникальность модели мира, зафиксированной в каждом конкретном языке, а американское направление допускает существование некоторых обобщающих «понятийных стандартов».

2. Способ мышления народа, говорящего на том или ином языке, определяется данным языком.

3. Способ мышления каждого народа уникален.

Первый тезис сегодня разделяет большинство лингвистов. Конкретные языки членят мир по-разному, а не только по-разному именуют уже вычлененные фрагменты. В связи с этим можно говорить о культурно-специфической модели мира, зафиксированной в каждом конкретном языке, называемой в современной лингвистике «языковой картиной мира». Это положение было впервые сформулировано Гумбольдтом и эмпирически обосновано в работах неогумбольдтианцев.

Что касается второго и третьего тезисов, то они продолжают быть предметом теоретических дискуссий. На данный момент не представляется возмож-

ным подтвердить или опровергнуть зависимость осмысления мира от языка. Также остается непонятным, как устроена концептуальная система билингов и людей, которые хорошо владеют несколькими языками, и, меняется ли у этих людей стиль мышления при переходе с одного языка на другой.

Таким образом, одним из основных понятий современной лингвистики является языковая картина мира.

Когнитивная лингвистика – это «область лингвистики, исследующая роль языка в обработке и переработке человеческого опыта, в концептуализации и категоризации мира и его членении, в фиксации информации в языковых формах, ее хранении, извлечении из памяти» [1]. Ее представители считают, что концептуальная система человека, отображенная в языковой картине мира, зависит от физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним.

Между картиной мира как отражением реального мира и языковой картиной мира как фиксацией этого отражения существуют сложные отношения. Картина мира может быть представлена с помощью пространственных, временных, количественных, этических и других параметров. На формирование картины мира оказывают влияние природа, культурные ценности, социальные условия.

Языковая картина мира не стоит в одном ряду со специальными научными картинами мира (физической, технической и др.), она предшествует им и формирует их, так как «человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт – как общечеловеческий, так и национальный. Последний и определяет специфические особенности языка на всех его уровнях».

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира, или языковую картину мира. «Совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка, складываются в некую единую систему взглядов и предписаний, которая называется в качестве обязательной всем носителям языка» [8, с. 359].

Следовательно, языковая картина мира – исторически сложившаяся в быденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ восприятия и устройства мира, концептуализации действительности.

Сам термин «языковая картина мира» (*sprachliches Weltbild*) был введен в 30-х годах XX века представителем неогумбольдтианского направления в языкознании немецким лингвистом Лео Вайсгербером.

Согласно концепции Л. Вайсгербера, языковая картина мира обладает следующими характеристиками [2, с. 28]:

1) языковая картина мира – это система всех возможных содержаний: духовных, определяющих своеобразие культуры и менталитета данной языковой общности, и языковых, обуславливающих существование и функционирование самого языка;

2) языковая картина мира, с одной стороны, есть следствие исторического развития этноса и языка, а с другой стороны, является причиной своеобразного пути их дальнейшего развития;

3) языковая картина мира как единый «живой организм» четко структурирована и в языковом выражении является многоуровневой. Она определяет особый набор звуков и звуковых сочетаний, особенности строения артикуляционного аппарата носителей языка, просодические характеристики речи, словарный состав, словообразовательные возможности языка и синтаксис словосочетаний и предложений, а также свой паремиологический багаж;

4) языковая картина мира изменчива во времени, и, как любой «живой организм», подвержена развитию, то есть в вертикальном (диахроническом) смысле она в каждый последующий этап развития отчасти нетождественна сама себе;

5) языковая картина мира создает однородность языковой сущности, способствуя закреплению языкового и культурного своеобразия в видении мира и его обозначения средствами языка;

6) языковая картина мира существует в однородном своеобразном самосознании языковой общности и передается последующим поколениям через особое мировоззрение, правила поведения, образ жизни, запечатленные средствами языка;

7) картина мира какого-либо языка и есть та преобразующая сила языка, которая формирует представление об окружающем мире через язык как «промежуточный мир» у носителей этого языка;

8) языковая картина мира конкретной языковой общности – это ее общекультурное достояние.

Языковая картина мира становится в последние годы одной из наиболее «модных» тем отечественного языкознания. Можно, перефразируя название одной из статей Мартина Хайдеггера, сказать, что для науки о языке наступило «время языковой картины мира» [4, с. 316].

Так, З. Д. Попова и И. А. Стернин в своей монографии, посвященной проблемам становления и развития когнитивной лингвистики, «Очерки по когнитивной лингвистике» (2001) предлагают понимать под языковой картиной мира «представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [9, с. 68].

При этом они подчеркивают ограниченность и наивность этой картины мира, так как она не передает полностью национальную картину мира и не называет все явления, которые есть в национальном сознании.

Кроме того, языковая картина мира представляет для лингвистов лишь исторический интерес, так как по ней нельзя судить о современных представлениях того или иного народа о мире, а также делать выводы об актуальной национальной концептосфере.

О. А. Корнилов в монографии «Языковые картины мира как производные национальных менталитетов» (2003) предпринимает попытку перевести вы-

ражение «языковая картина мира», которое до сих пор употребляется как метафора, в категорию научных терминов; рассматривает вопросы, связанные с представлением лексики национального языка в качестве результата отражения мира обыденным (языковым) сознанием.

О. А. Корнилов определяет языковую картину мира как «результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием того или иного языкового сообщества» [6, с. 112]. Автор считает, что просто языковая картина мира является абстракцией. Реально же существуют и могут анализироваться лишь национальные языковые картины мира и индивидуальные национальные языковые картины мира, в основе которых лежат лексические системы национальных языков.

В. Н. Телия допускает, что языковая картина мира – это «неизбежный для мыслительно-языковой деятельности продукт сознания, который возникает в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникации» [10, с. 180].

В структуре любой языковой картины мира можно выделить универсальный и национальный компоненты содержания, обусловленные целым рядом факторов.

Например, «поскольку генетический механизм оценки телесных ощущений универсален, то, переплетаясь с человеческой деятельностью, одновременно и универсальной, и национально-специфической, он неизменно приводит в результате такого взаимодействия к созданию языковых картин мира как с типологически общими, так и индивидуальными особенностями» [7, с. 70].

Так, к универсальным особенностям языковой картины мира относится закрепление за определенным внутренним органом роли хранителя эмоций. Например, традиционная китайская медицина считает, что эмоции напрямую влияют на физиологию человека. Причем эмоции не только влияют на органы, но и появляются в них. Например, печень накапливает злость и гнев, поэтому в китайском языке большинство фразеологизмов со словом печень обозначают состояние гнева. А в Древней Руси печень считаласьместилищем жизненной силы человека. Полагали, что человек, который мешает жить, отнимает силы и энергию, а значит, находится в печенках и черпает оттуда чужие силы, поэтому в русском языке появилось выражение «сидеть в печенках», которое означает сильно беспокоить кого-либо, досаждать кому-либо.

Таким образом, языковая картина мира, являясь частью культурной (концептуальной) картины, в целом и главном совпадает с логическим отражением мира в сознании людей – носителей разных языков, в том числе разноструктурных. При этом существуют фрагменты языковой картины мира, в том числе, фразеология, паремиология, семантика отдельных слов, которые хранят архаичные знания о мире и человеке, именно эта часть языковой картины мира варьируется от языка к языку.

Языковая картина мира, в отличие от научной картины мира, всегда субъективна, она «фиксирует восприятие, понимание и осмысление мира конкретным этносом не на современном этапе его развития, а на этапе формирования языка,

то есть на этапе наивного, донаучного познания мира» [6, с. 15]. Если научная картина мира отражает объективные знания о мире, актуальные на определенном этапе развития научной мысли, то языковая картина мира отражает те представления о мире, которые включают и наивное первичное знание, и логические знания о мире, и знания, не поддающиеся научному объяснению, и явные заблуждения.

Язык, конечно же, постоянно изменяется, но эти изменения – это всего лишь естественная реакция на изменяющийся мир, на появление огромного числа новых реалий, а не попытка соответствовать научному знанию. Таким образом, языковая картина мира много инертнее научной картины.

Языковая картина мира создается разными способами, наиболее выразительными из которых являются фразеологизмы, мифологемы, образно-метафоричные слова, коннотативные слова и др. Языковая картина мира обуславливает понимание мира. Каждый язык представляет собой самобытную систему, которая накладывает свой отпечаток на сознание его носителей и формирует их картину мира.

Именно в содержательной стороне языка представлена картина мира носителей этого языка, которая становится фундаментом всех культурных стереотипов. Анализ различных языков помогает понять, чем различаются национальные культуры, как они взаимодействуют, влияют друг на друга и вызывают культурные изменения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Когнитивная лингвистика [Электронный ресурс]. – URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/2077244> (дата обращения: 08.04.2024).
2. Ваганова Е. Г. Языковая картина мира: онтологический анализ // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2015. – № 1 (19). – С. 20–29.
3. Вильгельм фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. яз. под ред. и с предисл. Г. В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 2000. – 396 с.
4. Воротников Ю. Л. «Языковая картина мира»: трактовка понятия // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 6. – С. 88–90.
5. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 540 с.
6. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003. – 347 с.
7. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Academia, 2001. – 208 с.
8. Песина С. А. Языковая Картина Мира в философском и лингвистическом осмыслении // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2005. – Т. 5, № 10. – С. 358–362.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.
10. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др.; отв. ред. Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 212 с.
11. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации. – М.: Слово, 2008. – 341 с.

REFERENCES

1. Cognitive linguistics [online]. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/2077244> (accessed: 08.04.2024) (In Russian)
2. Vaganova E. G. Linguistic picture of the world: ontological analysis. *Science of Man: Humanities Research*, 2015, no. 1 (19), pp. 20–29. (In Russian)
3. Wilhelm von Humboldt. Selected works on linguistics / Translated from German under the editorship and with a foreword by G. V. Ramishvili. Moscow: Progress, 2000, 396 p. (In Russian)
4. Vorotnikov Y. L. "Linguistic picture of the world": interpretation of the concept. *Knowledge. Understanding. Mindfulness*, 2006, no. 6, pp. 88–90. (In Russian)
5. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. Key ideas of the Russian language picture of the world. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2005, 540 p. (In Russian).
6. Kornilov O. A. Language pictures of the world as derivatives of national mentalities. Moscow: CheRo, 2003, 347 p. (In Russian)
7. Maslova V. A. Linguoculturology: textbook for university students. Moscow: Academia, 2001, 208 p. (In Russian).
8. Pesina S. A. Linguistic Picture of the World in philosophical and linguistic comprehension. News of the Russian State Pedagogical University named after. A. I. Herzen, 2005, T. 5, no. 10, pp. 358–362. (In Russian)
9. Popova Z. D., Sternin I. A. Essays on Cognitive Linguistics. Voronezh: Istoki, 2001, 191 c. (In Russian)
10. The Role of the Human Factor in Language: Language and the World Picture / B. A. Serebrennikov, E. S. Kubryakova, V. I. Postovalova, et al; Ed. by B. A. Serebrennikov. Moscow: Nauka, 1988, 212 p. (In Russian)
11. Ter-Minasova S. G. War and the World of Languages and Cultures: Issues of Theory and Practice of Interlanguage and Intercultural Communication. Moscow: Slovo, 2008, 341 p. (In Russian)

Информация об авторе

Е. В. Первухина, магистр культурологии, ассистент кафедры теории, истории культуры и музеологии, Новосибирский государственный педагогический университет, ye-liena507@yandex.ru, Новосибирск, Россия

Information about the author

Elena V. Pervukhina, Master of Cultural Studies, Assistant of the Department of Theory, Cultural History and Museology, Novosibirsk State Pedagogical University, ye-liena507@yandex.ru, Novosibirsk, Russia

Статья поступила в редакцию 09.02.2024
Одобрена после рецензирования 19.03.2024
Принята к публикации 24.03.2024

The article was submitted 09.02.2024
Approved after reviewing 19.03.2024
Accepted for publication 24.03.2024

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

PART III. CULTURAL HISTORY

Культурно-антропологические исследования. 2024. № 2

Culture and anthropology research journal. 2024. № 2

Научная статья

УДК 398+94(47)+902/904(47)

Историческая интерпретация образа Василисы Премудрой

Мжельская Татьяна Владимировна¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. Выявление исторических корней происхождения мотивов или персонажей является актуальным и перспективным направлением изучения русских волшебных сказок. В данной статье приводятся аргументы в пользу того, что сказочный образ Василисы Премудрой сформировался в результате трансформации мифологической языческой богини. Так, героиня обладает сверхъестественными способностями: способностью к оборотничеству и полету в образе птицы, она может посещать потусторонний мир и возвращаться, создавать новые миры, может призывать духов предков, которые помогают ей в выполнении трудных задач. Сюжет «Царевны-Лягушки» является фрагментом более раннего эпического текста, посвященного рождению великого героя. В этом случае образ Василисы Прекрасной сопоставим с героинями Нартовского эпоса и древнегреческих легенд. Специфика воцарения героя в эпизоде с выстрелами из лука имеет параллели в традициях многих индоевропейских народов мира, а оборачивание в лягушку сопоставимо с древнейшими представлениями о древнем божестве, связанном с материнством, плодородием, мудростью. Основным итогом данной работы является следующее: в образе Василисы Премудрой воплотились древнейшие представления о богине (возможно богине плодородия), характерные для многих народов мира.

Ключевые слова: русские волшебные сказки; Василиса Премудрая; языческая богиня

Для цитирования: Мжельская Т. В. Историческая интерпретация образа Василисы Премудрой // Культурно-антропологические исследования. – 2024. – № 2. – С. 40–50.

Scientific article

Historical Interpretation of the Image of Vasilisa Premudrya

Tatiana V. Mzhelskaya¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. Revealing historical roots of plots or characters in fairy tales is a relevant and promising area of research investigations. The article proves that the image of Vasilisa the Wise was originated from a pagan goddess. She has such supernatural powers and abilities, as transformation or flying as a bird. Vasilisa the Wise can visit the other world, create new worlds, communicate with ancestor spirits that help her to solve difficult tasks. The plot of the fairy tale called “The Frog Princess” is an example of earlier epics devoted to hero’s birth. In this respect, the image of Vasilisa the Wise can be compared to heroines of Nart epic or Greek legends. Enthronement of the hero in the scene with a bow and arrows can be found in traditions of a range of Indo-European nations. Her ability to turn into a frog can be associated with an ancient goddess of motherhood, fertility and wisdom.

The article concludes that the image of Vasilisa the Wise embodies ancient ideas of a goddess (perhaps, a goddess of fertility) which is typical for mythology and folklore of various nations.

Keywords: Russian fairy tales; Vasilisa the Wise; pagan goddess

For citation: Mzhelskaya T. V. Historical interpretation of the image of Vasilisa Premudrya. *Culture and anthropology research journal*, 2024, no. 2, pp. 40–50.

Изучение механизмов формирования и трансформации русских сказок, как и фольклора любых других народов, напрямую отражает процесс развития и становления человеческого общества. Развитие систем осмысления мира, одной из которых выступает сказка, берет свое начало от осознания себя и своего места в мире до полного противопоставления себя этому миру и миру природы. Осознание своего места начиналось с определения и дифференциации окружающей среды на места священные и утилитарные. Постепенно это оформляется в трехчленное деление мира: на мир небесный, мир земной и мир подземный. За каждым из миров закрепляются определенные функции, смыслы и значения для жизни социума, каждый получает свой рассказ о происхождении и трансформации. Границы между этими мирами оставались долгое время подвижными, что было связано с текучестью и диффузностью представлений о мире. Согласно А. А. Пелипенко, человек «мифоритуальной системы мыслит в логике ... диффузных и многозначных семантических комплексов, любые связи ситуационны, нелинейны и вариативны. За каждым из миров постепенно закрепляются определенные структуры знаков, которые начинают передаваться из поколения в поколение» [16, с. 33].

«Постепенно в сознании человека формируется представление о делении мира на центр (Я-общество) и периферию или свое и чужое. Причем понятие центра связывается с конкретным местом нахождения того или иного сообщества, которое может перемещаться вместе с ним, в дальнейшем это порождает представление о центре мира, мировом дереве и т. п. и само пространство начинает разворачиваться именно от этого центра. Центр становится отправной точкой формирования и оформления пространства и места проживания человека и богов» [21, с. 53].

Одним из вариантов закрепления и оформления представлений об окружающем мире становится миф, а позднее сказка. Существование и рождение

семантических, знаковых образов означало разделение в человеке и закрепление двухполушарного восприятия мира (правополушарного и левополушарного). По мере отдаления знака и его содержания от конкретного предмета и явления происходит снижение сакральной функции мифологического образа до бытового, социального образа сказки. Но и миф, и сказка сохраняют в себе возможность связи человека со всеми составляющими его картины мира. Они демонстрируют подвижность границ между разными мирами, отражающую одну из характеристик мифологического сознания – его синкретичность, и закон его функционирования – закон метаморфоз, или принцип всеобщего оборотничества. В жизни социума символом этой текучести мира являются обряды инициации, которые являлись способом перехода из одного состояния в другое. Соответственно, миф и сказку можно рассматривать не только как способ освоения мира, но и как способ организации жизни социума.

Исследование особенностей образов героев волшебных сказок является актуальным в связи с возможностью осмысления путей формирования отношений человека с миром или мирами, которые отражают не только пространственные, но и временные трансформации сознания древнего человека, находящие свои проявления и в современности. Формирование типов героев сказок ведет свое начало от мифологических героев или образов, за которыми закреплялись определенные свойства и функции. Трансформации образов подобных героев, как правило, связаны с пространственным представлениями и временными перемещениями между различными местами и мирами.

Образы героев волшебных сказок в полной мере отражают специфику культур устного типа, связанную с возможностями таких героев перемещаться между мирами, находить различные способы решения проблем, благодаря обладанию некими уникальными способностями.

Целью статьи является изучение особенностей образа Василисы Премудрой в русской сказке для выявления исторических корней его формирования с привлечением широкого круга источников как из русской, так и из мировой культуры.

Русские волшебные сказки как объект исследования давно привлекают внимание исследователей. Изучаются структура, сюжеты, мотивы и другие аспекты данных источников. В контексте заявленной в статье темы наибольший интерес представляют публикации, в которых рассматриваются те или иные аспекты отдельных персонажей сказок [14; 15; 17 и др.]. Особенно отметим работу В. Я. Проппа «Исторические корни волшебных сказок», в которой автор для аргументации своих идей привлекает значительное количество материалов из мирового фольклора.

Возможности изучения персонажей, мотивов или сюжетов русских волшебных сказок во времени, особенно их формирования в глубине веков наиболее перспективны, если основаны на археологических материалах. В данном кон-

тексте ранее были рассмотрены сказки «Сивко-Бурко» и «Царевна-Лягушка» [10; 12; 13].

Царевны в качестве объекта исследования также привлекают внимание исследователей, предлагаются их типологии, рассматриваются отдельные характеристики [4; 14; 17; 22].

Василиса Премудрая встречается в нескольких отличающихся по сюжету сказках. Определим общие черты, присущие героине.

1. В имени героини уже видна ее особенность: Василиса – значит царственная, Премудрая – происходит от слова «мудрость», под которой понимают глубокое знание, понимание чего-либо, которые накапливает народ или культура на протяжении многих лет, а также умение использовать свои знания и опыт так, чтобы принимать разумные решения и совершать разумные поступки [19]. Приставка *пре-* означает превосходную степень понятия. Таким образом, уже само имя показывает высокий социальный статус героини и ее значительный уровень знаний.

2. Василиса Премудрая обладает чудодейственными свойствами – она может оборачиваться в животных (если оборачивается в птицу, то проявляет умение летать), призывать помощников или сама производить предметы и действия, которые позволяют говорить о ней как о демиурге, посещать тридцатое царство Кощея или царство Морского царя (т. е. потусторонний мир).

3. Василиса Премудрая ведет свое происхождение от хтонических существ: Кощея Бессмертного или Морского царя.

Рассмотрим две последние черты более подробно.

Исследователи неоднозначно высказываются о способности Василисы Премудрой к оборачиванию. Так, А. В. Жучкова не считает героиню оборотнем на том основании, что при превращении в лягушку у нее не меняется внутренняя сущность. Следовательно, превращение в лягушку не может быть отнесено к ведовству или оборачиванию, так как действует она не по своей воле [6]. Однако сама автор не отбрасывает полностью способность Василисы к оборотничеству, показывая, что она может обернуться белой лебедью. С нашей точки зрения, вывод А. В. Жучковой не совсем корректен, так как для того, чтобы выполнить задания царя, Василиса *самостоятельно* сбрасывает с себя кожу, а потом обращается обратно в лягушку. Неспособность полностью избавиться от облика лягушки у героини объясняется гневом отца – Кощея Бессмертного, у которого сверхспособности явно сильнее. Отметим, что в других сказках у Василисы Премудрой проявляется способность к оборачиванию, причем не только себя, но и других героев [1, сказки № 219, 222].

В контексте заявленной темы наибольший интерес вызывает то, что героиня оборачивается «лягушкой, жабой и змеей и прочими гадами». Интересное замечание делает В. П. Федорова: она обращает внимание на то, что Василиса Премудрая – существо трехвидное (змея, лягушка, человек). Родившись от Кощея Бессмертного, она должна быть змеей, родной его дочерью. Видимо, в этом образе соединились черты двух героинь-тотемов: змеи и лягушки [20]. Таким

образом, мы можем говорить о тождественности образов лягушки и змеи в контексте специфики представлений древних об окружающем мире [13, с. 553].

Образу лягушки в сказках посвящено довольно значительное количество работ. Исследователей привлекают параллели из фольклора разных народов, что позволило сделать вывод о том, что сюжет о лягушке пришел к нам очень издавна, через мифы, сказки и жития [6]. В мировой культуре сохранились сведения о лягушке как божестве, ее связи с плодородием и сотворением мира, она также обладает способностью к превращению людей в других существ [20]. Г. Н. Кузьменко считает, что в образе Василисы Премудрой мы видим девушку, которая происходит из родовитых семей и должна создать семью, которая впоследствии возглавит родовую общину [8, с. 20, 27]. Автор разрабатывал вопросы получения «образования» в архаическом обществе. По его мнению, девочку уводили в особое место, волшебное место обучения (пещеру, волшебный лес, святилище), где она должна измениться, уподобиться местным обитателям. Поэтому (в сказке – *Т. М.*) она может принять облик животного, бестелесного духа или иного существа. Закончив «образование», Василиса сбрасывает кожу (оборачивается из лягушки в человека) и, таким образом, изменяет свой «социовозрастной» статус (становится женой и матерью) [8, с. 53].

В Нартовском эпосе был выявлен эпизод «Женитьба нарта Хамыца», который имеет определенные параллели с «Царевной-Лягушкой». Молодая жена Хамыца днем находилась в облике лягушки (есть варианты в облике черепахи), над героем также насмеются его родичи, после одного из пиров, оскорбленная героиня покидает мужа. Анализ данного эпизода позволил сделать вывод о том, что часть сюжета сказки «Царевна-Лягушка» является фрагментом более раннего эпического текста, посвященного рождению великого героя. При этом были определены параллели с легендой, посвященной рождению другого великого героя – Ахилла. Таким образом, можно говорить о наличии универсальной парадигмы, которая описывает рождение любого эпического экстраординарного персонажа. Это в итоге позволяет говорить о некоем общекультурном мифо-эпическом мотиве «Рождение великого героя», практически без потерь воспроизводящемся в самых разных героических традициях и отражающемся в сказочном наследии, в частности, русской сказке «Царевна-лягушка» [9]. Исходя из этого можно говорить о том, что и Василиса Премудрая может быть сопоставима с теми матерями, с которыми связано рождение великих героев древности. Дополним эту идею следующими замечаниями. Мать Хамыца Дзерасса является дочерью владыки водной стихии Донбеттыра, она может оборачиваться птицей и скрываться в подводном царстве своего отца. Матерью Ахилла является Фетида, морская богиня, которая может обращаться в разные стихии, животных, в том числе змею. Дополним эту часть рассуждений следующим: лягушка также связана с водной стихией, кроме того, в ней таится женское начало [7].

Как было сказано выше, можно идентифицировать два образа: лягушки и змеи. Это позволило привлечь к анализу археологические материалы и выявить определенные черты сходства со змееной скифской Ехидной,

трипольскими статуэтками, палеолитическими венерами, что стало основой для вывода о глубокой древности формирования образа Василисы Премудрой [13]. О трипольских статуэтках эпохи энеолита стоит сказать особо. Их связывают с аграрной магией на основании наличия в тесте зерен и муки, а также специфических изображений на теле. Скорее всего, в фигурках отражалась идея плодородия, символически выраженная в женском облике. Это еще не богиня, а просто женское естество, олицетворяющее рождающую силу земли [18, с. 186–189]. Важно отметить наличие у некоторых из них на груди изображения змей (ужей), символизирующих воду, дождь. Иконографический мотив воды в первобытном искусстве нередко изображался в виде змеи. Она была, в первую очередь, магическим символом силы, породившей жизнь. Культ змей был связан с богиней плодородия [3, с. 72]. Связь ужа с водой, поливающей землю для взращивания урожая, сопоставима с молоком матери [18, с. 187]. Отметим также, что в источниках прослеживается связь лягушки с молоком [2, с. 120].

По мнению Б. А. Рыбакова, формирование женского образа началось в эпоху палеолита. Сказка же специфическим образом отражает ритуальные действия эпохи неолита и даже более раннего времени, периода позднего палеолита. Особое отношение к женщине базируется на присущей только женщинам способности рождения, т. е. – на материнстве, которое в архаичную эпоху интерпретируется магически. Впоследствии появляются пантеистические учения Древности, в которых первоисточником мира признавалось великое божество женского рода [8, с. 8, 9, 135]. Пожалуй, самые выдающиеся сверхъестественные способности проявляет Василиса Премудрая в «Царевне-лягушке». Существует несколько вариантов сказки. В данном случае нас интересуют эпизоды, в которых героиня выполняет задания царя. Есть варианты, где Василиса вызывает помощников (мамок-нянек). Здесь нашла отражение традиция обращаться к духам предков за помощью, которая фиксируется этнографами у многих народов мира. В этом случае перед нами способность повелевать определенными силами, которые выполняют задачи, поставленные царем. В двух вариантах есть подробное описание полученных изделий. В первом «изукрашен хлеб разными хитростями, по бокам видны города царские и с заставами», он был сделан помощницами. В варианте, где Василиса сама печет хлеб, его описание дается более подробно: «изукрасила каравай узорами мудренными: по бокам – города с дворцами, садами да башнями, сверху – птицы летучие, снизу – звери рысучие». В этом же варианте Василиса Премудрая сама тклет ковер: «где кольнет иглой раз – цветок зацветет, где кольнет другой раз – хитрые узоры идут, где кольнет третий – птицы летят». Как видим, Василиса не просто выполняет задачу царя, а практически создает новый мир. Особенно эта способность проявляется у нее во время пляски на пиру. Здесь она особенно ярко выступает в роли культурного героя, демиурга и творца, обладающего божественной природой (т. е. строит новый мир) [2, с. 112, 122, 123; 13]. Таким образом, в одном из вариантов Василиса Премудрая трижды выступает в роли демиурга, т. е. каждый раз, когда выполняет трудные задачи, заданные царем.

Отметим, что в большинстве вариантов сказки она создает озеро с лебедями, но в одном из вариантов во время пляски появились леса и воды, стали летать разные птицы [1, сказки № 267, 269]. Таким образом, в тех вариантах, где Василиса сама выполняет задания царя, она проявляет умения, накопленные в облике лягушки, которые реализуются в дальнейшем («детей добывать») и «чудесное умение»: шить, ткать, печь, танцевать [8].

Исследователи уже обращали внимание на ритуальный характер пляски Царевны-лягушки. С их точки зрения, она отражает языческие обрядовые действия, производимые в весенний период годового цикла. Они имеют значение магических приемов, возрождавших природу после ее «умирания» на зиму. Обрядовое «воссоздание» и отражение в сказочном превращении остатков питья и трапезы из рукавов Василисы в леса, воды и птиц. Среди архетипов, нашедших свое выражение в русальском танце и ритуальной функции его исполнения, важное значение имеет архетип Великой матери или Матери-Земли. Изготовление хлеба, полотенец, а особенно участие в плясках связывают с семейными, календарными обрядами, в том числе русалиями [5].

Б. А. Дорошин, указывая на многослойность образа Царевны-Лягушки, определяет наиболее значимые семантические и архетипические аспекты. Отметим наиболее важные из них в контексте изучаемой темы – символ матери, связь с «родовой сферой»: сонмом духов предков и царством мертвых, тотемным предком. Также исследователь определяет связь с самим истоком жизни и божеством, которое ее породило [5].

В двух сказках есть прямое указание на происхождение Василисы Премудрой, так как указаны отцы: Кощей Бессмертный и Морской царь. Оба персонажа являются хтоническими существами (из иного мира), именно от них она наследует власть над стихиями и магические способности. В. Я. Пропп также отмечал водяную природу змея, с которым связана идея плодородия. Образ водяного змея засвидетельствован уже на самых ранних ступенях общественного развития [17, с. 217, 218].

Отметим еще один аспект образа Василисы Премудрой из сказки «Царевна-лягушка». Он связан с особенностями воцарения героя. То, каким образом произошел выбор невесты – путем выстрелов из лука, имеет глубокий исторический контекст. Он связан с тем, что у многих индоевропейских народов лук и стрелы являются атрибутами царской власти, а выстрелы из них производятся во время ритуалов, связанных с воцарением или периодическим подтверждением права на власть. То, каким образом Василиса Премудрая становится женой царевича, отличает «Царевну-Лягушку» от других сказок [11].

При анализе любой сказки, особенно волшебной, надо учитывать, что она отразила ряд эпох и представляет собой многослойное явление. Каждая эпоха вносила что-то свое, опираясь на более ранние формы сюжета, когда он еще не был собственно сказкой, не отвечал законам сказочного сюжета [20]. Определенная трансформация происходит и с персонажами, которые проходят путь от мифологического к сказочному герою.

Глубокая древность формирования образа Царевны-лягушки уже отмечалась исследователями, приводились параллели из фольклора разных народов мира. «Тожественные по своему характеру архетипические образы обнаруживаются в несоприкасающихся друг с другом культурах, что исключает объяснение их возникновения заимствованием. Все архаические культуры, будь они земледельческими или же морскими, почитали женское начало в образе Матери Великой Богини. Имена этой богини многочисленны, поскольку у каждого племени, каждого народа существовал свой локальный культ <...>. Ибо самые разные человеческие общества – цивилизованные либо варварские – находили точку соприкосновения и возможность взаимопонимания в одном и том же культе Великой Богини» [3, с. 70]. Исторический контекст формирования образа Василисы Премудрой основан на следующем: этот персонаж сформировался в результате трансформации мифологического образа языческой богини (возможно богини плодородия). Основанием для такого заключения стали как специфические черты героини, так и особенности сюжета сказки «Царевна-Лягушка». Василиса Премудрая обладает способностью к оборотничеству и полету в образе птицы, она может проникать в потусторонний мир и возвращаться, создавать новые миры. Данные способности она получает, так как является дочерью хтонических существ (Жощея Бессмертного или Морского царя). Она также может призывать духов предков, которые помогают ей в выполнении трудных задач.

Анализ сюжета «Царевны-Лягушки» позволил выявить, что он является фрагментом более раннего эпического текста, посвященного рождению великого героя, который имеет общемировое значение. В этом случае образ Василисы Прекрасной сопоставим с героинями Нартовского эпоса и древнегреческих легенд. Немаловажным является происхождение всех указанных героинь, связанное с морской (или водной) стихией, их способность к оборачиванию.

Оборачивание Василисы Премудрой в лягушку или змею (причем можно говорить о мифологической идентичности этих образов) также имеет глубокий смысл. Так образ лягушки (и змеи) в исторической ретроспективе представляется древним божеством, связанным с материнством, плодородием, мудростью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Афанасьев А. Н.** Народные русские сказки. Полное издание в одном томе. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2018. – 1087 с.
2. **Баранов Д. А., Мадлевская Е. Л.** Образ лягушки в вышивке и мифопоэтических представлениях восточных славян (Семантический комментарий) // Сборник Музея археологии и этнографии. – СПб., 1999. – Т. XLVII. – С. 111–131.
3. **Галут О. В., Лях В. И.** «Змееногая богиня» как символ диалога культур Северного Причерноморья // Социально-гуманитарный вестник. – Краснодар: Краснодарский гос. университет культуры и искусства, 2013. – С. 69–74.
4. **Гудкова Е.** Как Василисы Премудрая и Прекрасная появились в русском фольклоре и были ли у них прототипы? Культура. РФ [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.culture.ru/s/vopros/vasilisa> (дата обращения: 08.04.2019).

5. **Дорошин Б. А.** О некоторых социоантропокосмических мифо-архетипических мотивах русской народной сказки «Царевна-лягушка» // Сборники конференций НИЦ. Социосфера. – 2010. – № 1. – С. 70–75.
6. **Жучкова А. В.** Образ лягушки как символ внутренней трансформации героя в русском и немецком фольклоре // Вестник славянских культур. – 2014. – № 4 (34). – С. 107–115.
7. **Караваяева Е. В., Волкова Л. Д.** Некоторые особенности русского национального мировосприятия // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – № 6 (121). – С. 17–23.
8. **Кузьменко Г. Н.** Василиса Премудрая: сказочные проекции архаичного образования. – М.: [б. и.], 2014. – 194 с.
9. **Луговой К. В., Мжельская Т. В.** Русский сказочный сюжет о царевне-лягушке в контексте осетинской героико-эпической традиции // Культурно-антропологические исследования. – 2011. – Вып. 1 (3). – С. 125–130.
10. **Мжельская Т. В.** Василиса Премудрая: сказочный образ в контексте археологии // Дела и дни: Сибирь, Россия, мир в исследовательском и образовательном пространстве. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017. – С. 158–162.
11. **Мжельская Т. В.** Мотив воцарения героя в русской волшебной сказке «Царевна-лягушка» // История и историография России и Сибири в исследовательском и образовательном контекстах. – Новосибирск: НГПУ, 2014. – С. 276–284.
12. **Мжельская Т. В.** Русская волшебная сказка «Сивко-Бурко» в контексте археологии // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2-6 (62). – С. 87–93.
13. **Мжельская Т. В.** Русская волшебная сказка «Царевна-лягушка» в контексте археологии // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Издательский дом «Наука», 2017. – С. 551–555.
14. **Мелетинский Е. М.** Герой волшебной сказки. Происхождение образа. – М.; СПб.: Академия Исследований Культуры, Традиция, 2005. – 249 с.
15. **Новик Е. С.** Система персонажей русской волшебной сказки // Типологические исследования по фольклору. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975. – С. 214–246.
16. **Пелипенко А. А.** Постижение культуры: в 2 ч. – Ч. 2: Мифоритуальная система. – Кн. 1: Медиационная парадигма. – М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2017. – 503 с.
17. **Пропп В. Я.** Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2002. – 240 с.
18. **Рыбаков Б. А.** Язычество древних славян. – М.: Академический проект, 2013. – 640 с.
19. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/2430/> (дата обращения: 03.04.2023).
20. **Федорова В. П.** От мифа к сказке (к проблеме эстетики сюжета о Царевне-лягушке) // Вестник Челябинского государственного университета. – 1997. – Т. 2, № 1. – С. 104–113.
21. **Чапля Т. В.** Пространство архитектуры: от пространства места к пространству отношений // Вестник славянских культур. – 2018. – Т. 49. – С. 51–63.
22. **Штемберг А. С.** Герои русских народных сказок: кто они и почему ведут себя так, а не иначе? // Пространство и Время. – 2011. – № 4 (6). – С. 218–229.

REFERENCES

1. Afanasyev A. N. Russian folk tales. The complete edition in one volume. Moscow: ALPHA-BOOK Publ, 2018, 1087 p. (In Russian)
2. Baranov D. A., Madlevskaya E. L. The image of a frog in embroidery and mythopoeic representations of the Eastern Slavs (Semantic commentary). *Collection of the Museum of Archeology and Ethnography*. St. Petersburg, 1999, Vol. XLVII, pp. 111–131. (In Russian)
3. Galut O. V., Lyakh V. I. “Snake-footed goddess” as a symbol of the dialogue of cultures of the Northern Black Sea region. *Social and Humanitarian Bulletin*. Krasnodar: Krasnodar State University. University of Culture and Art, 2013, pp. 69–74. (In Russian)

4. Gudkova E. How did Vasilisa the Wise and the Beautiful appear in Russian folklore and did they have prototypes? Culture. RF [online]. URL: <https://www.culture.ru/s/vopros/vasilisa> (accessed: 04.08.2019). (In Russian)
5. Doroshin B. A. On some socioanthropocosmic mytho-archetypal motifs of the Russian folk tale "The Frog Princess". *Collections of conferences of SIC. The sociosphere*, 2010, no. 1, pp. 70–75. (In Russian)
6. Zhuchkova A. V. The image of a frog as a symbol of the inner transformation of a hero in Russian and German folklore. *Bulletin of Slavic cultures*, 2014, no. 4 (34), pp. 107–115. (In Russian)
7. Karavaeva E. V., Volkova L. D. Some features of the Russian national worldview. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, 2012, no. 6 (121), pp. 17–23. (In Russian)
8. Kuzmenko G. N. Vasilisa the Wise: fabulous projections of archaic education. Moscow: [B. I.], 2014, 194 p. (In Russian)
9. Lugovoy K. V., Mzhelskaya T. V. The Russian fairy tale story about the frog princess in the context of the Ossetian heroic-epic tradition. *Cultural and anthropological studies*, 2011, Issue 1 (3), pp. 125–130. (In Russian)
10. Mzhelskaya T. V. Vasilisa the Wise: a fabulous image in the context of archaeology. *Cases and days: Siberia, Russia, the world in the research and educational space*. Novosibirsk: Publishing House of the National Pedagogical University, 2017, pp. 158–162. (In Russian)
11. Mzhelskaya T. V. The motive of the hero's accession in the Russian fairy tale "The Frog Princess". *History and Historiography of Russia and Siberia in research and educational contexts*. Novosibirsk: NSPU, 2014, pp. 276–284. (In Russian)
12. Mzhelskaya T. V. The Russian fairy tale "Sivko-Burko" in the context of archeology. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2015, no. 2-6 (62), pp. 87–93. (In Russian)
13. Mzhelskaya T. V. Russian fairy tale "The Frog Princess" in the context of archeology. Omsk: Nauka Publishing House, 2017, pp. 551–555. (In Russian)
14. Meletinsky E. M. The hero of a fairy tale. The origin of the image. Moscow; St. Petersburg: Academy of Cultural Studies, Tradition, 2005, 249 p. (In Russian)
15. Novik E. S. The system of characters of the Russian fairy tale. Typological research on folklore. Moscow: The main editorial office of Oriental literature of the publishing house "Nauka", 1975, pp. 214–246. (In Russian)
16. Pelipenko A. A. Comprehension of culture: in 2 hours – Part 2: The mythological system. – Book 1: The mediation paradigm. Moscow: Political Encyclopedia; Presidential Center of B. N. Yeltsin, 2017, 503 p. (In Russian)
17. Propp V. Ya. The historical roots of a fairy tale. Moscow: Labyrinth, 2002, 240 p. (In Russian)
18. Rybakov B. A. Paganism of the ancient Slavs. Moscow: Academic project, 2013, 640 p. (In Russian)
19. Dictionaries and encyclopedias on the Academic [online]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/2430/> (accessed 04.03.2023). (In Russian)
20. Fedorova V. P. From myth to fairy tale (to the problem of aesthetics of the plot about the Frog Princess). *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 1997, vol. 2, no. 1, pp. 104–113. (In Russian)
21. Chaplya T. V. The space of architecture: from the space of place to the space of relations. *Bulletin of Slavic Cultures*, 2018, vol. 49, pp. 51–63. (In Russian)
22. Stenberg A. S. Heroes of Russian folk tales: Who are they and why do they behave the way they do? *Space and Time*, 2011, no. 4 (6), pp. 218–229. (In Russian)

Информация об авторе

Т. В. Мжельская, кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-5256-6247>, mzel08@mail.ru, Новосибирск, Россия

Information about the author

Tatiana V. Mzhelskaya, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Novosibirsk State Pedagogical University, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-5256-6247>, mzel08@mail.ru, Novosibirsk, Russia

Статья поступила в редакцию 30.01.2024

Одобрена после рецензирования 03.03.2024

Принята к публикации 19.04.2024

The article was submitted 30.01.2024

Approved after reviewing 03.03.2024

Accepted for publication 19.04.2024

РАЗДЕЛ IV. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

PART IV. SOCIOLOGY OF CULTURE

Культурно-антропологические исследования. 2024. № 2

Culture and anthropology research journal. 2024. № 2

Научная статья

УДК 008+316.7

Коммуникация и коммуникативное пространство: научные подходы к пониманию и актуальные проблемы изучения

Миляева Инна Владимировна¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье исследуются культурологические, философские, социологические, филологические и другие подходы к пониманию коммуникации и коммуникативного пространства как социокультурных феноменов.

Коммуникативное, информационное, нормативное, поведенческое и ментальное пространства – это виды социального пространства. Проблему социального пространства рассматривал немецкий философ и социолог Г. Зиммель, определяя его через взаимодействие. Пространство становится значимым для взаимодействующих лиц, которые его населяют и востребуют. Каждый из участников взаимодействия наполняет его своим смыслом и, соответственно, меняет смысл этого пространства. Пространство рассматривается не как некое абстрактное геометрическое понятие, а как нечто конкретное, значимое для каждой личности.

Автором приведены различные классификации коммуникативного пространства, раскрыта его структура, функции и особенности.

Ключевые слова: коммуникация; социальное пространство; коммуникативное пространство; информация; социокультурное исследование

Для цитирования: **Миляева И. В.** Коммуникация и коммуникативное пространство: научные подходы к пониманию и актуальные проблемы изучения // Культурно-антропологические исследования. – 2024. – № 2. – С. 51–58.

Scientific article

Communication and Communicative Space: Scientific Approaches to Understanding and Current Problems of Study

Inna V. Milyaeva¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article examines philosophical, cultural, sociological, philological and other approaches to understanding communication and communicative space as socio-cultural phenomena.

Communicative, informational, normative, behavioral and mental spaces are types of social space. The German philosopher and sociologist G. Simmel, defining it through interaction, considered the problem of social space. The space becomes meaningful for the interacting persons who inhabit and claim it. Each of the participants in the interaction fills it with their own meaning and, accordingly, changes the meaning of this space. Space is considered not as some abstract geometric concept, but as something concrete, significant for each individual.

The author presents various classifications of the communicative space, reveals its structure, functions and features.

Keywords: communication; social space; communicative space; information; sociocultural research

For citation: Milyaeva I. V. Communication and communicative space: scientific approaches to understanding and current problems of study. *Culture and anthropology research journal*, 2024, no. 2, pp. 51–58.

Введение. Впервые термин «коммуникативное пространство» был использован Б. М. Гаспаровым, отечественным лингвистом и литературоведом, и понимался как «пространство, в которое проецируется, в представлении говорящего, переживаемый им коммуникативный опыт. Оно представляет собой как бы готовую «сцену», с декорациями и освещением, на которой разыгрывается переживаемое в данный момент смысловое действие» [1, с. 197]. Основными составляющими коммуникативного пространства являются: речевые и художественные жанры, в которых отражены черты художественного текста или же повседневное общение людей. Под коммуникативным пространством понимается не только характеристика его как жанра, но и «коммуникативная ситуация – это динамическая совокупность всех обстоятельств, в которых протекает общение: место и время встречи, ситуация прилюдная или конфиденциальная, легальная или конспиративная; срок, степень и характер знакомства ее участников, социальная и/или возрастная дистанция между ними и другими» [2, с. 12]. Образ коммуникативного пространства возникает в представлении говорящего из множества взаимодействующих друг с другом и сливающихся друг с другом воспоминаний, пробуждаемых в его сознании данной ситуацией языковой деятельности. То есть коммуникативное пространство имеет место быть через воспоминания коммуникатором языковой деятельности. Оно формируется через наши впечатления, данные в виде образов – лиц, предметов, которые сопровождаются эмоциональной или жанровой окраской. Осуществляется коммуникативное пространство через речь, содержащую мироощущение и характеризующее свое отношение к данному обществу. Эти впечатления внезапно, вне зависимости от наших формулировок, появляются в нашем представлении в виде системы прототипических образов, лиц, вещей [1, с. 172]. Они независимы от словесного ярлыка данного образа, зато всегда сопровождаются эмоциями. Прототипические образы нами не контролируются и могут иметь несколько смещений и сливаний друг с другом. Также к этому термину относятся «такие свойства языкового сообщения, как его “тон”, предметное содержание

и та общая интеллектуальная сфера, к которой это содержание принадлежит; оно включает в себя также коммуникативную ситуацию, со всем множеством непосредственно наличных, подразумеваемых и домысливаемых компонентов, из которых складывается представление о ней каждого участника» [3].

Таким образом, коммуникативное пространство – это «образное поле, которое существует в коммуникативном сознании носителей языка и отражает весь спектр национальных специфических коннотаций: социокультурных, исторических, этических, ассоциативных, оценочных» [4].

Коммуникативное пространство имеет двойственный характер: с одной стороны, оно показывает условия жизни социума в настоящем времени, а с другой – хранит в себе элементы изменений, произошедших в прошедшем времени, и отражает характер коммуникативных отношений прошлого.

В общей теории коммуникации коммуникационное пространство рассматривается в контексте информационного пространства, с оговоркой, что «в случае формирования коммуникативного пространства речь идет о двустороннем процессе, где и отправитель, и получатель информации обладают активными ролями, формирующими эффективную коммуникацию» [5]. То есть главная особенность коммуникационного пространства – наличие агентов коммуникации.

К особенностям коммуникативного пространства, выделенным Г. Г. Почепцовым, относится дифференциация на первичные и вторичные коммуникативные процессы. Вторичные процессы отражают распространение и обсуждение информации, которая была впервые получена по первичному процессу. Если первичный процесс имеет вторичное продолжение, то он успешен. То есть первичный коммуникативный процесс – ознакомление с информацией и ее переосмысление.

Итак, коммуникативное пространство имеет четкую структуру: первичные и вторичные коммуникативные процессы, которые взаимозависимы друг от друга. Важной составляющей коммуникативного пространства является заинтересованность в коммуникации обоих агентов коммуникации: генератор и получатель информации обладают активными ролями, тем самым осуществляют коммуникацию как двусторонний процесс.

Результаты исследования и их обсуждение. Коммуникативное пространство служит элементом более широкого понятия – социального пространства. Такой новый подход к пониманию коммуникативного пространства основан французским социологом П. Бурдьё. Данный подход назван социальной топологией, которая «помогает изобразить социальный мир в виде многомерного пространства, построенного по принципу распределения в универсальном социуме» [6, с. 576]. Восприятие смыслов в этой социальной топологии, находящихся в коммуникативном пространстве, говорит о том, что коммуникаторы находятся в определенных социальных отношениях, и, как следствие, приводят к распространению этих смыслов. Если коммуникаторы тесно взаимодействуют между собой, то и заложенные смыслы коммуникации будут правильно

раскодированы и переданы дальше. Эта теория также подчеркивает важность коммуникаторов в коммуникативном пространстве.

«Под коммуникационным пространством принято понимать в самом общем виде всю систему многообразных коммуникативных связей, возникающих между различными агентами коммуникации», – из статьи российского социолога А. В. Родина, – «важнейший компонент коммуникационного пространства социума – его институциональная структура. В ходе взаимодействия социальной системы и окружающей ее среды система постоянно решает функциональные проблемы этого процесса: проблемы адаптации, целедостижения, воспроизводства структуры, а также интеграции системы во взаимодействии со средой» [7]. Коммуникационное пространство имеет ментальную и информационную структуры. В современном обществе одним из главных социальных институтов являются СМИ, которые ориентированы на массовую коммуникацию, поэтому и коммуникационное пространство современного общества имеет более широкие границы, оно более мобильно, чем раньше.

Т. В. Чапля определяет коммуникативное пространство как «...процесс взаимодействия между людьми, который буквально пронизывает всю сеть человеческих контактов» [8, с. 212].

И. И. Просвиркина выделяет классификацию, построенную по принципу «близкий – далекий», где даны четыре вида коммуникативного пространства:

1. Закрытое коммуникативное пространство, в котором коммуникация реализуется среди узкого круга лиц, находящихся в близких, доверительных отношениях.

2. Менее закрытое товарищеское коммуникативное пространство круга людей, объединенных симпатией, доброжелательными отношениями.

3. Коллективное коммуникативное пространство – общение, происходящее в группе людей, объединенных общими интересами, совместной работой, профессиональными отношениями, корпоративными отношениями. Иными словами, пространство, созданное для достижения одной общей цели.

4. Публичное пространство – доступное всем желающим принять участие в данном речевом взаимодействии, реализуемое в малознакомом обществе и при неустановленном количестве людей» [9, с. 19].

Данная классификация показывает границы коммуникативного пространства, которые зависят от субъектов коммуникации.

Классифицировать коммуникативное пространство можно с позиции выполняемых им функций. «В качестве основных функций целесообразно предложить следующие: соединительная, регулирующая, институциональная, информационная. Информационная функция выделяется исследователями чаще остальных, она представляет собой основную цель процесса коммуникации – передать информацию или некое сообщение. Кроме того, данная функция состоит в аккумулировании информации, формировании организационных знаний в форме коммуникационного опыта и коммуникационных практик, что позволяет повысить уровень организованности пространства, повысить

эффективность функционирования той группы, в которой рассматривается коммуникативное пространство.

Любое коммуникативное пространство направлено на объединение членов группы посредством процесса коммуникации. Оно упорядочивает их действия, организует соответствующую коммуникативную структуру. В этом и заключается соединительная функция, которая логически переводит нас к регулирующей функции. Регулирующая функция задает направленность членов группы, входящих в данное коммуникативное пространство. Институциональная функция заключается в обслуживании и развитии институциональной среды, в которой создаются и поддерживаются институциональные нормы и правила поведения субъектов, членов группы. Институциональная среда, с одной стороны, устанавливает те ограничения, в которых осуществляется деятельность субъектов; с другой – субъекты воздействуют на институциональную среду, целенаправленно формируя ее институты» [10].

С начала XX в. проблема коммуникации привлекала внимание множества исследователей и, соответственно, стала весьма актуальной. В культурологическом аспекте данную тему рассматривали М. Бубер, М. Бахтин, Ю. Лотман, В. Библер и др. В их понимании представляется, что коммуникация имеет диалогический характер. На первый план часто выдвигаются субъект-субъектные отношения в процессе коммуникации, не только взаимодействие людей, но и взаимодействие человека и текста, различных текстов между собой.

«Коммуникация постоянно сопровождает развитие человеческого общества, это означает, что в нем постоянно происходят акты передачи-приема информации. Следовательно, коммуникацию можно представить не как трансляцию вообще всей информации, а как передачу неких образований – инфоблоков, в роли которых могут выступать отдельные слова, семантические образования, синтагмы» [11, с. 64].

Само слово «коммуникация» пришло из латыни: от глагола «communico», что означает «делать общим, связывать». В русский язык слово пришло примерно в конце XVII – начале XVIII в. Тогда слову «коммуникация» соответствовали слова «сообщение» и «переговор». В словаре В. И. Даля слово «коммуникация» присутствует в значении «пути, дороги, средства связи мест» [12, с. 34]. Современные словари трактуют значения слова «коммуникация» как общение, обмен информацией, связь между людьми, сигналы для связи в животном мире, средства и линии связи, передачи сообщений, сообщения.

Специалист в области коммуникативных технологий Г. Г. Почепцов выделяет следующие виды коммуникации:

1. Визуальная коммуникация передает информацию с помощью визуального канала – знаков, образов, изображений. Она обычно характеризуется долговременностью сообщений и их многозначностью.

2. Вербальная коммуникация – обмен информацией с помощью речи. Вербальная коммуникация главенствует в повседневной жизни людей. В отличие от визуальной, вербальная коммуникация отличается многозначностью.

3. Перформансная коммуникация – представление, некие заранее отрепетированные действия в присутствии наблюдателей. К ней относят ритуалы, драматургические представления.

4. Мифологическая коммуникация характеризуется влиянием мифа на аудиторию, опорой на «неосознаваемые явно аудиторией информационные структуры».

5. В рамках художественной коммуникации в информационный процесс включено художественное произведение. Она порождает долговременные, альтернативные, то есть сосуществующие друг с другом тексты [13].

Итак, коммуникация образует целостную коммуникативную среду. В эту среду субъекты погружаются в процессе коммуникативной деятельности. Универсального определения этого термина нет, каждая из исследуемых наук рассматривает его с разных точек зрения.

Заключение. Рассмотрев научные подходы к определению категории «коммуникативное пространство», можно сделать вывод о том, что коммуникативное пространство – базовый термин коммуникации, который напрямую зависит от коммуникаторов и без которых он не может существовать. Под данной категорией культурологи понимают всю систему многообразных коммуникативных связей, возникающих между различными агентами коммуникации.

Коммуникативное пространство имеет четкую структуру: первичные и вторичные коммуникативные процессы, которые взаимозависимы друг от друга. Важной составляющей коммуникативного пространства является заинтересованность в коммуникации обоих агентов коммуникации: генератор и получатель информации обладают активными ролями, тем самым осуществляют коммуникацию как двусторонний процесс.

Коммуникация образует целостную коммуникативную среду. В эту среду субъекты погружаются в процессе коммуникативной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Гаспаров Б. М.** Язык, Образ, Память. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 348 с.
2. **Викулова Л. Г., Шарунов А. И.** Основы теории коммуникации. – М.: АСТ, 2008. – 316 с.
3. **Прохоров Ю. Е.** Коммуникативное пространство языковой личности в национально-культурном аспекте [Электронный ресурс]. – URL: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_08.pdf#3 (дата обращения: 10.04.2024).
4. **Балыхина Т. М.** Лингводидактическое исследование содержания концептов в когнитивном пространстве текстов конкретной языковой личности [Электронный ресурс]. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28776555> (дата обращения: 12.03.2024).
5. **Балезина Е. А.** Понятие коммуникативного пространства в организации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.psu.ru/files/docs/ob-universitete/smi/nauchnyj-zhurnal/philosophy-psychology-sociology/2014_4.pdf (дата обращения: 11.05.2024).
6. **Бурдые П.** Социология социального пространства. – СПб.: Алетейя, 2005. – 576 с.
7. **Родин А. В.** Коммуникационное пространство: морфология и трансформация [Электронный ресурс]. – URL: <https://saransk.ruc.su/science/studium/2008/1/filosof/roдин.pdf> (дата обращения: 18.04.2024).

8. Чапля Т. В. Искусство в пространстве коммуникации // Современное коммуникативное пространство: анализ состояния и тенденции развития: материалы Международной научно-практической конференции (Новосибирск, 22–24 апреля 2014 г.): в 2 ч. Ч. 1 / под ред. И. В. Архиповой. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. – С. 212–216.
9. Просвиркина И. И. Коммуникативное пространство в современном речевом общении // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2012. – № 1. – С. 10–19.
10. Балежина Е. А. Понятие коммуникативного пространства в организации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.psu.ru/files/docs/ob-universitete/smi/nauchnyj-zhurnal/philosophy-psychology-sociology/2014_4.pdf (дата обращения: 10.04.2024).
11. Чапля Т. В. Коды в коммуникации и культуре // Культурно-антропологические исследования. – 2011. – № 1. – С. 58–68.
12. Гавра Д. П. Основы теории коммуникации. – СПб.: Питер, 2011. – 288 с.
13. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации [Электронный ресурс]. – URL: <http://socium.ge/downloads/komunikacisteoria/pohepcov%20teoria%20komunikacii.pdf> (дата обращения: 15.05.2024).

REFERENCES

1. Gasparov B. M. Language, Image, Memory. Linguistics of linguistic existence. Moscow: New Literary Review, 1996, 348 p. (In Russian)
2. Vikulova L. G., Sharunov A. I. Fundamentals of the Theory of Communication. Moscow: AST, 2008, 316 p. (In Russian)
3. Prokhorov Y. E. Communicative space of linguistic personality in the national-cultural aspect [online]. URL: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_08.pdf#3 (accessed: 10.04.2024). (In Russian)
4. Balykhina T. M. Linguodidactic research of the content of concepts in the cognitive space of texts of a concrete linguistic personality [online]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28776555> (accessed: 12.03.2024). (In Russian)
5. Balezina E. A. The concept of communicative space in the organisation [online]. URL: http://www.psu.ru/files/docs/ob-universitete/smi/nauchnyj-zhurnal/philosophy-psychology-sociology/2014_4.pdf (accessed: 11.05.2024). (In Russian)
6. Bourdieu P. Sociology of Social Space. St. Petersburg: Aleteia, 2005, 576 p. (In Russian)
7. Rodin A. V. Communication space: morphology and transformation [online]. URL: <https://saransk.ruc.su/science/studium/2008/1/filosof/rodin.pdf> (accessed: 18.04.2024). (In Russian)
8. Chaplya T. V. Art in the space of communication. *Modern communicative space: analysis of the state and trends of development*: proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Novosibirsk, 22–24 April 2014): in 2 parts. Part 1 / ed. I. V. Arkhipova. Novosibirsk: NSPU Publishing House, 2014, pp. 212–216.
9. Prosvirkina I. I. Communicative space in modern speech communication. *Research and development. Modern communication studies*, 2012, no. 1, pp. 10–19. (In Russian)
10. Balezina E. A. The concept of communicative space in the organisation [online]. URL: http://www.psu.ru/files/docs/ob-universitete/smi/nauchnyj-zhurnal/philosophy-psychology-sociology/2014_4.pdf (accessed: 10.04.2024). (In Russian)
11. Chaplya T. V. Codes in communication and culture. *Culture and anthropology research journal*, 2011, no. 1, pp. 58–68. (In Russian)
12. Gavra D. P. Fundamentals of the Theory of Communication. St. Petersburg: Peter, 2011, 288 p. (In Russian)
13. Pocheptsov G. G. Theory of communication [online]. URL: <http://socium.ge/downloads/komunikacisteoria/pohepcov%20teoria%20komunikacii.pdf> (accessed 15.05.2024). (In Russian)

Информация об авторе

И. В. Миляева, магистр культурологии, ассистент кафедры теории, истории культуры и музеологии, Новосибирский государственный педагогический университет, milyaeva.inna@mail.ru, Новосибирск, Россия

Information about the author

Inna V. Milyaeva, Master of Cultural Studies, Assistant of the Department of Theory, Cultural History and Museology, Novosibirsk State Pedagogical University, milyaeva.inna@mail.ru, Novosibirsk, Russia

Статья поступила в редакцию 20.01.2024

Одобрена после рецензирования 16.03.2024

Принята к публикации 25.03.2024

The article was submitted 20.01.2024

Approved after reviewing 16.03.2024

Accepted for publication 25.03.2024

РАЗДЕЛ V. ДИСКУССИИ

PART V. DISCUSSIONS

Культурно-антропологические исследования. 2024. № 2

Culture and anthropology research journal. 2024. № 2

Обзорная статья

УДК 130.2+316.7+7.096+821.161.1

Язык и коммуникация: смыслы и ритуалы

Везнер Сергей Иванович¹, Нанжидмаа Хишигдулам², Филиппов Сергей Иванович³, Бегалинова Калимаш Капсамаровна⁴, Овчинников Алексей Алексеевич⁵, Попков Юрий Владимирович⁶, Прошин Владимир Алексеевич⁷, Ульяницкая Любовь Александровна⁸, Ушаков Дмитрий Викторович⁶, Царёв Роман Юрьевич⁹, Изгарская Анна Анатольевна^{6,7}

¹Новосибирский технологический колледж питания, Новосибирск, Россия

²Монгольский государственный университет образования, Улан-Батор, Монголия

³Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

⁴Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

⁵Средняя общеобразовательная школа № 148 Купинского района, Новосибирская область, Россия

⁶Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ИФПР СО РАН), Новосибирск, Россия

⁷Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

⁸Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

⁹Курганский государственный университет, Курган, Россия

Аннотация. Вебинар был организован отделом социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, кафедрой права и философии Новосибирского государственного педагогического университета и кафедрой романо-германской филологии Гуманитарного института Новосибирского государственного университета. Участники заслушали и обсудили три доклада. Канд. филол. наук С. И. Везнер выступил с докладом «Лингвофилософский аспект цикла А. П. Чехова “Из Сибири”». Докладчик показал, что в произведении А. П. Чехова присутствует ряд специфических лингвофилософских смысловых конфигураций. С. И. Везнер провел анализ способов образования и предложил типологию лингвофилософских смысловых кон-

фигураций. *Н. Хишигдулам* сделала доклад на тему «*О переводе русских фильмов на монгольский язык*». Она описала историю перевода советских/российских фильмов, дала характеристику условиям, влияющим на качество их перевода, и сосредоточилась на трудностях перевода русскоязычных кинокартин на монгольский язык. Канд. филос. наук *С. И. Филиппов* выступил с докладом на тему «*Интерактивные ритуалы в практике устного перевода и преподавания*». На основе теории интерактивных ритуалов Р. Коллинза он проинтерпретировал работу переводчиков-синхронистов и специалистов последовательного перевода. С. И. Филиппов назвал условия успешных интерактивных ритуалов, показал близость работы переводчика интерактивному ритуалу, указал на факты синхронизации действий переводчика и спикера на вербальном (слова, очередность высказываний), паравербальном (интонация, громкость, темп речи), невербальном (жесты, мимика и т. п.) уровнях.

Ключевые слова: лингвофилософские смысловые конфигурации; человек и жизнь; человек и речь; человек и пространство; человек и природа; человек и искусство; советское/российское кино; перевод фильма; монгольский язык; интерактивный ритуал; работа переводчика синхрониста

Для цитирования: Везнер С. И., Хишигдулам Н., Филиппов С. И., Бегалинова К. К., Овчинников А. А., Попков Ю. В., Прошин В. А., Ульяницкая Л. А., Ушаков Д. В., Царёв Р. Ю., Изгарская А. А. Язык и коммуникация: смыслы и ритуалы // Культурно-антропологические исследования. – 2024. – № 2. – С. 59–91.

Review article

Language and Communication: Meanings and Rituals

Vezner Sergey Ivanovich¹, Khishigdulam Namjidmaa², Filippov Sergey Ivanovich³, Begalinova Kalimash Kapsamarovna⁴, Ovchinnikov Alexey Alekseevich⁵, Popkov Yuri Vladimirovich⁶, Proshin Vladimir Alekseevich⁷, Ulyanitskaya Lyubov Alexandrovna⁸, Ushakov Dmitry Viktorovich⁶, Tsarev Roman Yurievich⁹, Izgarskaya Anna Anatolyevna^{6,7}

¹Novosibirsk Technological College of Nutrition, Novosibirsk, Russia

²Mongolian State University of Education, Ulaanbaatar, Mongolia

³Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

⁴Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

⁵Secondary general education school 148, Kupinsky district, Novosibirsk Region, Russia

⁶Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IPL SB RAS), Novosibirsk, Russia

⁷Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

⁸St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI" named after V. I. Ulyanova (Lenina), St. Petersburg, Russia

⁹Kurgan State University, Kurgan, Russia

Abstract. The webinar was organized by employees of the Department of Social and Law Research of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, the teaching staff of the Department of Law and Philosophy of the Novosibirsk State Pedagogical University and the Department of Romance-Germanic Philology of the Humanitarian Institute of the Novosibirsk State University. Three reports were heard and discussed. Candidate of Philological Sciences S. I. Vezner made a report «The linguistic and philosophical aspect of the cycle of A.P. Chekhov “From Siberia”». The speaker showed that this work of Chekhov has a number of specific linguo-philosophical semantic configurations. S. I. Vezner analyzed the methods of formation and proposed a typology of linguo-philosophical semantic configurations. N. Khishigdulam made a report «On the translation of Russian films into the Mongolian language». She described the history of translation of Soviet/Russian films, characterized the conditions affecting the quality of their translation, and focused on the difficulties of translating Russian-language films into Mongolian. Candidate of Philosophical Sciences S.I. Filippov made a presentation «Interactive rituals in the practice of translation and teaching». He examined the work process of simultaneous and consecutive interpreters based on the theory of interactive rituals by R. Collins. S. I. Filippov outlined the conditions for successful interactive rituals, showed the similarity of the translator’s work to the interactive ritual, pointed to the facts of synchronization of the actions of the translator and the speaker on the verbal (words, sequence of statements), paraverbal (intonation, volume, tempo of speech), non-verbal (gestures, facial expressions etc.) levels.

Keywords: linguo-philosophical semantic configurations; man and life; man and speech; man and space; human and nature; man and art; Soviet/Russian films; translation of the film into Mongolian; interactive ritual; work as a simultaneous interpreter

For citation: Vezner S. I., Khishigdulam N., Filippov S. I., Begalinova K. K., Ovchinnikov A. A., Popkov Y. V., Proshin V. A., Ulyanitskaya L. A., Ushakov D. V., Tsarev R. Y., Izgarskaya A. A. Language and communication: meanings and rituals. *Culture and anthropology research journal*, 2024, no. 2, pp. 59–91.

Изгарская А. А. Уважаемые коллеги, здравствуйте! Начинаем работу VIII Всероссийского вебинара по проблемам социальных и гуманитарных наук «Соединяем пространства» с международным участием. Мы успешно провели семь вебинаров, текущее заседание является заключительным в этом учебном году. Вашему вниманию будет предложено три доклада. Первый наш докладчик – канд. филол. наук Сергей Иванович Везнер – выступит с докладом «Лингвофилософский аспект цикла А. П. Чехова “Из Сибири”». Второй доклад, «О переводе русских фильмов на монгольский язык», сделает старший преподаватель кафедры английского и немецкого языков Монгольского государственного университета образования Нанжидмаа Хишигдулам. Третий докладчик, канд. филос. наук, заместитель директора по общим вопросам Гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета Сергей Иванович Филиппов. Тема его доклада звучит следующим образом: «Интерактивные ритуалы в практике устного перевода и преподавания». После каждого выступления, коллеги, задавайте докладчикам вопросы. Передаю слово Сергею Ивановичу Везнеру.

Везнер С. И. Здравствуйте, дорогие коллеги! В своем докладе я попытаюсь раскрыть лингвофилософский аспект цикла путевых заметок А. П. Чехова

«Из Сибири», который, как известно, был написан великим русским писателем в пути и опубликован в 1890 году [1].

Обратите внимание на слайд, я выбрал эту фотографию А. П. Чехова неслучайно (рис. 1).

А.П.ЧЕХОВ «ИЗ СИБИРИ». 1890

Рис. 1. А. П. Чехов (1890 г.)

У нас существует стереотипное представление о А. П. Чехове. Мы чаще всего представляем его как пожилого, осунувшегося человека в очках. Однако на самом деле это не так. В период написания им цикла путевых заметок «Из Сибири» ему было только тридцать лет.

Переходя к основному содержанию доклада, отмечу, русская классическая проза по своей природе философична. Это качество, которое было заложено еще ранней прозой А. С. Пушкина, связано с рефлексией над речевыми прозаическими стереотипами и с дистанцированием от них по модели «Гамлет – бедный Йорик». Довольно давно, в 1998 г., в статье «Мотив бедного Йорика в «Повестях Белкина»» я описывал этот момент [2]. Философичность, на мой взгляд, является характерной чертой произведений и традицией, продолжаемой вслед за А. С. Пушкиным теми, кого принято называть классиками русской литературы XIX в., а именно М. Ю. Лермонтовым, Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым, в том числе и А. П. Чеховым. Эта черта отличает классическую прозу от так называемой беллетристики.

Несколько слов о проблеме, которая меня заинтересовала, когда я читал цикл работ А. П. Чехова, посвященных Сибири и острову Сахалин. А. П. Чехов в тексте часто использует слова с обобщающей семантикой. Прежде всего, это такие слова, как «человек», «жизнь», «природа», «искусство» и др. Например, в самом начале цикла звучат такие оценочные словосочетания, как «ненужный

человек», «нестоящий человек». А. П. Чехов описывает персонажей, которых он встречал на Волге, на Каме. Этим он сразу создает определенный настрой, атмосферу. Автор описывает различные нравы сибиряков и особенности природы, заостряет внимание на том, что для него, как для человека, прожившего длительный период на юге России и в европейской ее части, кажется экзотикой. Опираясь на личный опыт, А. П. Чехов передает нам свои ассоциации, сравнения, сопоставления, он постоянно стремится к предельным обобщениям и воспроизводит философские представления других людей, своих персонажей. Например, А. П. Чехов дожидаясь лодки, проводит сутки в избе Андрея из Красного Яра (местечка, расположенного на левом берегу Оби в Кольванском районе недалеко от Новосибирска), здесь он встречается с неким Петром Петровичем и подробно воспроизводит его философские рассуждения. Прочитав небольшую отрывок:

Петр Петрович рассуждает: *«Человек-то ведь здесь (в Сибири – С. И. Везнер) стоящий, сердце у него мягкое, он и не украдет, и не обидит, и не очень чтоб пьяница. Золото, а не человек, но, гляди, пропадает ни за грош, без всякой пользы, как муха или, скажем, комар. Спросите его: для чего он живет?»* [1, с. 20].

А. П. Чехов ему отвечает в обобщенном, философском стиле:

« – Человек работает, сыт, одет, – говорю я. – Что же ему еще нужно?

– Все-таки он должен понимать, для какой надобности он живет. В России небось понимают!

– Нет, не понимают» [1, с. 20].

Обратите внимание, перед нами здесь предстает местный философ, человек, который задумался о смысле жизни. Мы являемся свидетелями разговора, смысл которого выходит за рамки бытового общения. Меня здесь интересует то, как же конкретно связан авторский язык цикла с философичностью? Как воплощается лингвофилософский аспект в тексте? Должны быть некоторые языковые механизмы воплощения (термин «языковой механизм» мне не кажется удачным, но буду его использовать за неимением другого). Для ответа на эти вопросы используем подход с позиции совместной реализации концептов в тексте, примененный мной ранее при исследовании воспроизведения концептуального отношения в тексте антитеррористической памятки (см. [3]). Основной мой тезис заключается в том, что лингвофилософский аспект цикла А. П. Чехова «Из Сибири» прежде всего связан с совместной реализацией в тексте концептов «человек», «жизнь», «речь», «пространство», «природа», «искусство», в результате чего в тексте образуется ряд специфических лингвофилософских смысловых конфигураций.

Под лингвофилософской смысловой конфигурацией будем понимать контекстуальное смысловое объединение слов с предельно обобщающей семантикой. Приведу пример из самого начала цикла путевых заметок:

«Я гляжу на них (на переселенцев, идущих в Сибирь – С. И. Везнер) и думаю: порвать навсегда с жизнью, которая кажется ненормальной, ... может только необыкновенный человек, герой...» [1, с. 6].

Здесь я подчеркнул слова «жизнью, которая кажется ненормальной» и «необыкновенный человек, герой». В данном случае наблюдается конфигурация слов с предельно обобщающей семантикой «жизнь» и «человек». Я задумался, какие могут встречаться типы «сцепления». Данный тип можно назвать «оценочный способ сцепления концептов». С помощью оценочных слов «ненормальной», «необыкновенный», «герой» объединяются концепты «жизнь» и «человек».

В ходе исследования содержания сцепления концептов были выявлены следующие типы лингвофилософских смысловых конфигураций: «Человек и жизнь», «Человек и речь», «Человек и пространство», «Человек и природа», «Человек и искусство».

По способу сцепления концептов были выделены две группы лингвофилософских конфигураций: несмешанные и смешанные. Я их назову, а потом приведу примеры. Несмешанные конфигурации: оценочная, пояснительная, восклицательная, отрицательная, метонимическая/замещающая, сравнительная, метафорическая, олицетворяющая. Смешанные конфигурации: оценочно-пояснительная, сравнительно-пояснительная, олицетворяюще-сравнительная.

Теперь рассмотрим примеры.

1. Тип конфигурации по содержанию «Человек и жизнь», по способу сцепления концептов оценочно-пояснительная конфигурация.

«Въезжаем на паром. Перевозчики, бранясь, берутся за весла. Это не местные крестьяне, а ссыльные, присланные сюда по приговорам обществ за порочную жизнь. В деревне, где они приписаны, им не живется — скучно, пахать землю не умеют или отвыкли, да и не мила чужая земля, и пошли они сюда на перевоз. Лица у них испытые, истасканные, битые. А какие выражения на лицах! Видно, что эти люди, пока плыли сюда на арестантских баржах, скованные попарно наручниками, и пока шли этапом по тракту, ночуя в избах, где их тело невыносимо жгли клопы, одеревенели до мозга костей; а теперь, болтаясь день и ночь в холодной воде и не видя ничего, кроме голых берегов, навсегда утратили всё тепло, какое имели, и осталось у них в жизни только одно: водка, девка, девка, водка... на этом свете они уже не люди, а звери, а по мнению деда, моего возницы, и на том свете им будет худо: пойдут за грехи в ад» [1, с. 8].

2. Тип конфигурации по содержанию «Человек и речь», по способу сцепления концептов – восклицательная, пояснительная. А. П. Чехов при помощи эвфемизмов описывает, как ругаются ямщики:

«Ямщики ругаются во всё горло, так что их, должно быть, за десять верст слышно. Ругаются нестерпимо. Сколько остроумия, злости и душевной нечистоты потрачено, чтобы придумать эти гадкие слова и фразы, имеющие целью оскорбить и осквернить человека во всем, что ему свято, дорого и любо! Так умеют браниться только сибирские ямщики и перевозчики, а научились они этому, говорят, у арестантов» [1, с. 10]. Здесь «восклицательная» и «пояснительная» конфигурации объединяются.

3. Тип конфигурации по содержанию «Человек и речь», по способу сцепления концептов – пояснительная конфигурация. Это пример из наблюдений А. П. Чехова над речью, которую он слышал на своем пути.

«Здесь (в Сибири – Везнер С. И.) клопы и тараканы не ползают, а ходят; путешественники не едут, а бегут. Спрашивают: “Куда, ваше благородие, бежишь?” Это значит: “Куда едешь?” ...» [1, с. 11].

«Кричать от боли, плакать, звать на помощь, вообще звать – здесь значит реветь, и потому в Сибири режут не только медведи, но и воробьи и мыши. “Попалась кошке – и ревет”, – говорят про мышь» [1, с. 7]. Как видите, здесь присутствует пояснительная конфигурация.

4. Тип конфигурации по содержанию «Человек и пространство», по способу сцепления концептов – отрицательная, метонимическая/замещающая.

«По сибирскому тракту, от Тюмени до Томска, нет ни поселков, ни хуторов, а одни только большие села, отстоящие одно от другого на 20, 25 и даже на 40 верст. Усадеб по дороге не встречается, так как помещиков здесь нет; не увидите вы ни фабрик, ни мельниц, ни постоянных дворов... Единственное, что по пути напоминает о человеке, это телеграфные проволоки, завывающие под ветер, да верстовые столбы» [1, с. 11–12].

Здесь используется отрицательная конфигурация. Человека и человеческих признаков нет. Используется замещающая конфигурация, а именно: «телеграфные проволоки», «верстовые столбы».

5. Тип конфигурации по содержанию «Человек и пространство», по способу сцепления концептов – сравнительная конфигурация.

«Часов в пять утра, после морозной ночи и утомительной езды, я сижу в избе вольного ямщика, в горнице, и пью чай. Горница — это светлая, просторная комната, с обстановкой, о какой нашему курскому или московскому мужику можно только мечтать» [1, с. 12].

Здесь сравнивается пространство сибирской избы – «горницы» – с обстановкой изб, которые мог видеть А. П. Чехов в жилищах крестьян европейской части. Курский и московский мужики здесь являются представителями человечества.

6. Тип конфигурации по содержанию «Человек и пространство», по способу сцепления концептов – метафорическая конфигурация. А. П. Чехов останавливался на сутки в Красном яре, он имел возможность отлежаться от трудной дороги, поспать.

«В углу стоит кровать, на ней целая гора из пуховиков и подушек в красных наволочках; чтобы взобраться на эту гору, надо подставлять стул, а ляжешь – утонешь. Сибиряки любят мягко спать» [1, с. 12].

Вроде бы описывает конкретное место, но тут же вывод, обобщение про предпочтения сибиряков.

7. Тип конфигурации по содержанию «Человек и природа», по способу сцепления концептов – олицетворяющая конфигурация. А. П. Чехов рассказывает о том, как он был на перевозе.

«Перевоз здесь держит артель из хозяев-крестьян; среди перевозчиков нет ни одного ссыльного, а всё свои. Народ добрый, ласковый (здесь идет обобщение – Везнер С. И.). Когда я, переплыв реку, взбираюсь на скользкую гору, чтобы выбраться на дорогу, где ждет меня лошадь, вслед мне желают и счастливого пути, и доброго здоровья, и успеха в делах... А Иртыш сердится...» [1, с. 18]. Здесь мы видим объединение человеческого и природного. При этом союз «а» идет как противопоставление, он позволяет автору провести сравнение Иртыша с народом, который в отличие от реки «добрый, ласковый».

8. Тип конфигурации по содержанию «Человек и природа», по способу сцепления концептов олицетворяюще-сравнительная конфигурация.

«...Иртыш не шумит и не ревет, а похоже на то, как будто он стучит у себя на дне по гробам. Проклятое впечатление!» [1, с. 17]. Здесь возникают интересные образы, «стучит» – олицетворение. Над этим примером можно поразмышлять, пример дает много ассоциаций. А. П. Чехов выходит на символические вещи, что может быть отдельной темой.

9. Тип конфигурации по содержанию «Человек, искусство, природа, по способу сцепления концептов – пояснительная, метонимическая/замещающая, отрицательная конфигурации. Это такое расширенное объединение. Вот как А. П. Чехов описывает избу вольного ямщика.

«Но что делать? Спрос на искусство здесь большой, но бог не дает художников. Посмотрите на дверь, на которой нарисовано дерево с синими и красными цветами и с какими-то птицами, похожими больше на рыб, чем на птиц; дерево это растет из вазы, и по этой вазе видно, что рисовал его европеец, то есть ссыльный; ссыльный же малевал и круг на потолке и узоры на печке. Немудрая живопись, но здешнему крестьянину и она не под силу. Девять месяцев не снимает он рукавиц и не распрямляет пальцев; то мороз в сорок градусов, то луга на двадцать верст затопило, а придет короткое лето — спина болит от работы и тянутся жилы. Когда уж тут рисовать? Оттого, что круглый год ведет он жестокую борьбу с природой, он не живописец, не музыкант, не певец. По деревне вы редко услышите гармонику и не ждите, чтоб ямщик затянул песню» [1, с. 12–13]. А. П. Чехов указывает, что рисовал «европеец, то есть ссыльный». В Сибири человек борется с природой и поэтому «Когда уж тут рисовать?». Если мы возьмем эту фразу «Когда уж тут рисовать?», то эта фраза объединяет в себе три концепта – человек, искусство и природа. Далее концепт «жизнь» передается здесь через словосочетание «круглый год», человек «не живописец, не музыкант, не певец» – концепт искусства, отрицательная, поясняющая конфигурация. В данном случае используется также сравнение как способ обобщения.

10. Тип конфигурации по содержанию «Человек, искусство, природа», по способу сцепления концептов – сравнительно-пояснительная конфигурация. А. П. Чехов проехал «Козюльки» – самое трудное место между Томском и Красноярском. Все его пугали ужасной дорогой, и не зря. Проехав «Козюльки», путешественникам пришлось остановиться на ремонт. И вот как А. П. Чехов описывает кузнеца.

«Работал он небрежно, нехотя, и казалось, что железо принимало разнообразные формы помимо его воли; он часто курил, без всякой надобности рылся в куче железного мусора, глядел вверх на небо, когда я торопил его, – так ломаются артисты, когда их просят спеть или прочесть что-нибудь...» [1, с. 36].

А. П. Чехов хорошо знал артистов, он сам находится на пике популярности. Был 1889 год, вышла его одноактная пьеса «Предложение», пьеса была столь популярна, что ее с восторгом смотрит царский двор. На пике популярности А. П. Чехов уезжает из Петербурга на Сахалин. В то время пьеса ставилась в Томске. Известно, что через несколько дней А. П. Чехов приедет в Томск, и в городе будут висеть афиши с его пьесой. В приведенном отрывке сравнительно-пояснительная конфигурация присутствует в сравнении кузнеца, которого он встречает где-то под Красноярском, с артистами, А. П. Чехов поясняет и дает обобщающий вывод. Дальше он о нем пишет:

*«За работу получил он от меня пять с полтиной; пять взял себе, а полтинник отдал четверем плотникам. Те сказали спасибо и потащили тарантас к станции, завидуя, вероятно, таланту, который **и в тайге так же знает себе цену и так же деспотичен, как и у нас в больших городах**» [1, с. 36].* Мы видим здесь несколько мимоходом брошенную, но тоже сравнительно-пояснительную конфигурацию. Таких обобщений А. П. Чехов делает довольно много.

В заключении я хочу отметить, что лингвофилософский аспект цикла А. П. Чехова «Из Сибири» прежде всего связан с совместным воплощением в тексте концептов философского типа, в результате чего образуется ряд специфических лингвофилософских смысловых конфигураций. Можно здесь развивать мысль, но только укажу, что внимание А. П. Чехова к этому аспекту в рассматриваемом тексте, возможно, связано с мировоззренческим поиском автора и с жанровыми особенностями цикла. А. П. Чехов поехал в это путешествие по многим причинам. Биографы теряются в догадках, почему он сорвался с места и поехал. Он готовился три месяца, изучал литературу в библиотеке, сам отправлял в библиотеку своих родственников и друзей, чтобы они собирали ему информацию о Сибири и Сахалине. Он хорошо подготовился, но по письмам понятно, что он готовился к путешествию вокруг Азии. Он его начал из Москвы, далее были Волга, Кама, Урал, Сибирь, Забайкалье, Сахалин (там он был два месяца), Гонконг, он едет через Сингапур в Цейлон, потом через Красное море в порт Саид и в Одессу. Я это отмечаю не потому, что это интересный факт, а потому, что его мировоззрение в этот момент расширялось. Это был настрой человека путешествующего. Известно, что за год до поездки он опубликовал посмертное слово на смерть Н. М. Пржевальского, в котором писал, что обществу необходимы такие подвижники, они как Солнце [4]. Что касается темы нашего вебинара, а именно проблемы ритуалов в коммуникации, то здесь еще можно порассуждать о том, как связаны названные мной лингвофилософские моменты с жанром. Жанр – тоже определенный ритуал. И в записках о Сибири А. П. Чехова прослеживаются черты других жанров, другое ритуальное поведение. В частности, там, где упоминается Иртыш, стучащий по гробам, возникает тема ада, это такое путешествие в ад, здесь вспоминается и «Божественная

комедия» Данте, и «Мертвые души» Н. В. Гоголя, путешествующий Чичиков. Однако это тема другого доклада.

Спасибо за внимание, коллеги!

Овчинников А. А. Сергей Иванович, спасибо за очень интересный доклад. Было интересно узнать о восприятии А. П. Чеховым Сибири и сибиряков. Хочу спросить, как Вам книга Владимира Платоновича Вощинина «На сибирском просторе»? В. П. Вощинин – российский/советский ученый. В 1910 г. он посетил Томскую область, юго-запад Сибири, многие идеи его книги хорошо переключаются с тем, что Вы рассказывали об А. П. Чехове. Если позволите, я зачитаю небольшой фрагмент, который заинтересует Вас и наших коллег. В. П. Вощинин пишет: «Для меня все здесь ново, и все интересно. И несообразное, с точки зрения европейского обывателя, ширина главных улиц, двухэтажные избы с “чистой половиной”, убранной так, как у сельского батюшки – с граммофоном, картинами, и сами люди – такие мощные, умные, свободные в обращении. Здесь еще их деды осели, и теперешнее поколение вполне усвоило чисто сибирскую самостоятельность и широкие замашки» [5, с. 27–28].

Везнер С. И. Согласен, переключка действительно ощущается. У меня времени для доклада было мало, многие примеры из текста А. П. Чехова не мог привести. У него, например, есть наблюдение о том, что сибирский мужик живет лучше, чем мужик юга России. Он описывает еду, сравнивает, как хлеб пекут, как охотятся в России и Сибири.

Овчинников А. А. В. П. Вощинин еще подчеркивает великолепное качество местного сибирского масла, потому что привезенные из европейской части коровы получили доступ к уникальному сибирскому разнотравью. Советую всем коллегам эту книгу, очень интересные свидетельства. Спасибо, Сергей Иванович, за доклад.

Попков Ю. В. Сергей Иванович, тоже хочу выразить Вам благодарность за интересный доклад. Что бы Вы мне ответили, если бы я сказал, что Вы провели лингвокультурологический анализ наследия А. П. Чехова?

Везнер С. И. Я с вами согласен. А. П. Чехов проявляет себя в Сибири как носитель определенной культуры, у него свой круг культурных ассоциаций. Читаем его описание Иртыша, возникает аналогия с путешествием в ад Данте, это объясняется тем, что А. П. Чехов читал «Божественную комедию». Ощущается влияние греческой культуры, например, Харон, путь через реку. Для А. П. Чехова характерно противопоставление местного мира и цивилизации. Ему не хватает цивилизации. Например, он описывает ссыльных, которые читают «завалющую книжку, вроде “Болезни воли” Рибо» [1, с. 26]. Еще хочу отметить, что А. П. Чехов ищет новую культуру. Он уехал из Москвы в пик своей популярности. В январе ему только исполнилось 30 лет, в апреле он уже уехал. Он написал в одном из писем: «Мне 30 лет, какая наглость». Тут аналогии невольно возникают. Тридцать лет – возраст Гамлета. Еще он постоянно проводит культурологические сравнения, делает этнографические сопоставления. Например, в письмах он описывает одного поляка, который уехал из Сибири в Польшу, а потом вернулся, потому что в Сибири ему луч-

ше. Описывая евреев, он отмечает, что они в Сибири уже никакие не евреи, а такие же крестьяне, уху прекрасно готовят. А. П. Чехов описывает, какие замечательные сибирские татары. Делая этнографические наблюдения, он приходит к выводу, что многие стереотипы в Сибири не работают. Складывается впечатление, что он находится в поиске культуры, для этого ему нужна была дистанция от культуры европейской части России. Он видит, что многое повторяется. С другой стороны, он высоко ценит цивилизацию. Дальше он описывает Японию, Китай. Например, отмечает, что в Гонконге англичане создали музей, а китайцы его сохранили.

Думаю, что, размышляя, в тексте можно найти много интересного. Например, интересно то, как он открывает для себя новое. Так он воспринимает сибирскую весну, май, а лед еще не сошел. А. П. Чехов вспоминает и сравнивает весну, которая там, дома. Он пишет, как только начал вспоминать Россию, так сразу почему-то вспомнилась жизнь «серая, вялая, бесполезная». Через несколько дней А. П. Чехов оказывается на Енисее. И тут оказывается, что Енисей, его берега – верх красоты! Он впечатлен и уверен, что в будущем берега Енисея будут «неисчерпаемым золотым прииском для сибирских поэтов» [1, с. 33]. Глядя на берега Енисея, он пишет: хочется думать, что впереди нас ждет жизнь «полная, умная и смелая» [1, с. 33].

Бегалинова К. К. Спасибо, Сергей Иванович, за познавательную лекцию! Я узнала много нового о А. П. Чехове как путешественнике. У меня два вопроса. Первый вопрос. О Сибири писал Ф. М. Достоевский, в «Записках из мертвого дома» он дает описание жизни не только ссыльных, но и горожан. Был ли знаком А. П. Чехов с этим произведением Ф. М. Достоевского? Если мне память не изменяет, оно было опубликовано еще в 1860-е годы. И второй вопрос, в самом начале Вы отметили, что русская проза философична, согласна с Вами полностью. В чем Вы видите особенность философичности прозы А. П. Чехова? В чем ее отличие, например, от прозы Ф. М. Достоевского в отношении Сибири?

Везнер С. И. Спасибо за интересный вопрос! А. П. Чехов читал произведения Ф. М. Достоевского. Он заинтересовался каторгой и каторжанами Сахалина, я думаю, не без влияния Ф. М. Достоевского. Интересный факт, когда в январе 1890 года в обществе узнали, что А. П. Чехов собирается путешествовать, то некоторые писатели его упрекали в том, что он хочет подражать Ф. М. Достоевскому: «Тоже поперся на каторгу, зачем?». Однако у А. П. Чехова обнаружили и защитники. В частности, актер П. М. Свободин. Он заступался за А. П. Чехова, объясняя своим знакомым, что на каторге разные люди есть, а не только преступники. Следует отметить, что 1890 год был очень интересным. В 1889 году проходила Всемирная выставка в Париже. Друг А. П. Чехова – художник И. И. Левитан – был в это время в Париже, они обмениваются письмами. Что касается отличия философичности его прозы в сравнении с «Записками из мертвого дома» Ф. М. Достоевского, то, мне кажется, А. П. Чехов смотрел, скажем, используя современную терминологию, более глобально. Ф. М. Достоевский больше искал сущностные черты русского характера, его интересуют социальные человеческие типы. Ф. М. Достоевский ощутил какую-то невероятную степень челове-

ческого трагизма. Его трагические романы появляются в результате такого познания человека и русского характера. Что объединяет Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова? Они побывали где-то в аду, в чистилище, потом в раю. Они оба в результате путешествия, невольного для Ф. М. Достоевского и вольного для А. П. Чехова, меняют свое мировоззрение. Менялся взгляд и на человека, и на мир. Происходила переоценка жизни. А. П. Чехов после поездки приходит к выводу, что нельзя руководствоваться стереотипами, ярлыками. Это видно в повести «Дуэль», написанной после поездки. Его творчество часто разбивают на два этапа «до Сибири» и «после».

Филиппов С. И. Спасибо за интересный доклад! Насколько я понял, А. П. Чехов описывает путешествие по Сибири как некоторое инобытие, как негативное. Например, тараканы ходят и бегают, в быту люди используют нечеловеческую ругань. Присутствует ли какое-то направление в этом путешествии или это в первую очередь преодоление пространства? Если направление есть, то какое оно? Вряд ли это направление «вверх».

Везнер С. И. Вопрос очень интересный. Действительно движение происходит. Во-первых, для А. П. Чехова, прежде всего, было важно движение вперед. Есть направление и «назад», и «вперед». В частности, будучи под Новосибирском в Красном Яре, А. П. Чехов наблюдает в избе дурачка, который мычал: «Бе-ба, ме-ма». И вот дурачок смотрит на А. П. Чехова, а Чехов смотрит на дурачка и описывает это примерно следующим образом: «...глядя на его мокрое лицо и немигающие глаза и слушая его голос, скоро сам начнешь бредить» [1, с. 19]. Или еще: А. П. Чехов вспоминает свою прежнюю жизнь в России, которая тогда воспринималась отдельно от Сибири, и он не хочет возвращаться, потому что там, в России тоже вот такое «Бе-ба, ме-ма» есть. Обобщенно символический прием использует. А. П. Чехов выходит на символические вещи, «Чехов и символизм» – это отдельная тема, тема перехода от символизма к реализму. Только здесь отмечу один важный момент: видимо, именно в Сибири А. П. Чехов почувствовал новый путь своего искусства в направлении символизма, который тогда уже набирал силу в Европе и постепенно проникал в Россию.

А. П. Чехов движется постоянно вперед, так, например, он требует лодку, ему надо ехать на другой берег, но лодки нет, ее забрал заседатель по бюрократическим нуждам. Что касается направлений «вверх» и «вниз». Тема движения «вниз» очень важна для Чехова. И в прямом, и в переносном смысле. Он описывает падших людей, например, изображает падшими ссыльных. Движение «вверх» тоже появляется. Так, когда он получил лодку, то говорит: «Слава небесам!». Или А. П. Чехов видит крутой, высокий берег Енисея, он восхищается им, и здесь возникает движение «вверх». Однако главенствует движение «вперед – назад». Движение «вперед» для него символическое, и может даже в большей степени ему важно не вернуться назад. Потому что движение «вперед» – это не просто уехать из России, а еще и уехать от прежнего своего искусства.

Царёв Р. Ю. Сергей Иванович, скажите, пожалуйста, не занимались ли Вы сравнительным сопоставлением чеховских впечатлений с впечатлениями

И. А. Гончарова о Сибири в произведении «Фрегат “Паллада”» [6]? Оно, как известно, заканчивается описанием путешествия по Сибири.

Везнер С. И. Пока не проводил такого сопоставления, но идея интересная. «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова, судя по описанному, одна из причин, побудивших А. П. Чехова поехать в путешествие. Д. Т. Капустин, исследователь путешествия Чехова, пишет, что у Гончарова Чехов встретил «Великую максиму»: «Как прекрасна жизнь... и потому, что человек может путешествовать» [7]. С этой фразой А. П. Чехова знакомит актер П. М. Свободин, судя по его письмам к писателю. А. П. Чехов, по свидетельству Д. Т. Капустина, любил путешествовать. И. А. Гончаров – предшественник А. П. Чехова. Он начал писать роман «Обломов», но бросил писательство и отправился в путешествие на фрегате «Паллада». У И. А. Гончарова был путь через Британию, это другой путь. Любопытно будет сопоставить впечатления о Сибири этих двух великих русских писателей. Сейчас без подготовки трудно сделать вывод относительно того, насколько философичным будет взгляд на Сибирь у И. А. Гончарова. Он был большим, чем А. П. Чехов, домоседом. Это важное, на мой взгляд, деление – странник и домосед. А. П. Чехов любил читать о путешествиях. У них дома была библиотека, он увлекался чтением Жюль Верна, обсуждал прочитанное с братом. У нас под влиянием школы и университетов сложился совершенно иной образ А. П. Чехова – морализирующий старикан в пенсне. Мне кажется, что его сестра хотела закрепить такой образ А. П. Чехова в памяти людей. Спасибо, Роман Юрьевич, за предложение провести исследование в таком аспекте.

Изгарская А. А. Сергей Иванович, спасибо за интересный доклад. Теперь мы предоставляем слово следующему докладчику. Старший преподаватель кафедры английского и немецкого языков Монгольского государственного университета образования госпожа Нанджидмаа Хишигдулам сделает доклад о переводе русских фильмов на монгольский язык. Сегодня я узнала, что госпожа Н. Хишигдулам перевела на монгольский язык фильм, который мы очень хорошо знаем и любим, «Мимино». Она делает наши культуры ближе.

Хишигдулам Н. Коллеги, здравствуйте! Очень приятно выступить перед вами с докладом об истории и проблемах перевода российских фильмов на монгольский язык.

Немногие знают, что в теории перевода такого понятия, как «киноперевод», не существует. Однако в последнее время и в Монголии, и в мире стали много говорить именно о кинопереводе. Вероятно, это связано с тем, что люди стали меньше читать и предпочитают смотреть фильмы.

Перевод художественного фильма ничем не должен отличаться от перевода литературы. Есть разные жанры фильмов, например, документальные, художественные, мультфильмы, детские художественные фильмы и др. Художественные фильмы делятся на жанры, например, такие как трагедия, комедия, ужасы. При этом может сложиться ложное представление о том, что документальный фильм переводить сложнее, чем, например, детские картины или мультфильмы [8]. Такое представление складывается из-за того, что

в документальных фильмах идет речь об истории, науке, технике, о том, что мы воспринимаем как нечто серьезное и сложное. Под переводом же детских и мультипликационных фильмов подразумевается только перевод сказок и стихов для детей, и это воспринимается как легкая работа. Такое представление является в корне ложным. Часто именно перевод детского фильма и стихотворения оказывается проблематичным. Более того, не всегда удается найти переводчика, который может сразу ухватить смысл и быстро соединить картинку мультфильма со словом. Х. Мэргэн приводит следующий пример. Навероятно сложно перевести, казалось бы, простенькое начало стихотворения К. Чуковского «Муха-цокотуха».

«Муха, мука-цокотуха,
Позолоченное брюхо,
Муха по полю пошла,
Муха денежку нашла» [9].

Причина кажущейся легкости заключается не только в обыденном представлении о переводе фильма, как простом написании нескольких распространенных фраз: «Здравствуйте», «До свидания», «Я люблю тебя», «Стой! Буду стрелять!». Здесь нельзя снимать вину с переводчиков. Переводчики порой легкомысленно относятся к своей работе, делают низкосортные переводы, в результате зритель думает, что работа переводчика не так уж и сложна.

В Монголии сегодня 78 телевизионных каналов. По ним транслируют 20–30 русских фильмов в неделю с монгольским переводом. За этим стоит большая работа переводчиков, редакторов переводов, актеров озвучки и звукорежиссеров.

История переводов русских фильмов на монгольский язык начинается с 1940-х годов. Одним из первых переведенных и дублированных фильмов стал фильм «Радуга» (1943 г.) по сценарию Ванды Василевской. Это фильм о советской женщине, которая погибла, мужественно сражалась с немецкими оккупантами. Фильм был переведен г-ом Б. Ринченом, который является великим переводчиком и писателем. В фильме есть сцена, где немецкий солдат входит в русский дом и просит молока: «Млеко, млеко». Слово «молоко» переводится на монгольский «суу», но на западно-монгольском диалекте оно звучит как «усуу», г-н Б. Ринчен это требование перевел как «Усуу, усуу», и многие кинокритики говорят, что это пример умелого использования сравнения [9].

Советское искусство и культура особенно массово проникают в Монголию в 1960-е и в 1970-е гг., и на переднем крае был кинематограф. В это время в монгольской киноиндустрии усилиями г-на Гомбо было создано специальное подразделение по переводу и озвучиванию фильмов. К переводческой работе были привлечены монгольские переводчики. Здесь можно назвать имена многих известных писателей и переводчиков, таких как Б. Ринчен, Ч. Чимид, Б. Явуухулан, Э. Оюун, Ж. Бадраа, Ц. Сугар, Б. Дашцэрэн, Г. Аким. Именно они

перевели такие старые фильмы, как «Девушка из Киева», «Судьба человека», «Мертвые и живые», «Отец солдата», «Сережа», «Гусарская баллада», «Армия “Трясогузки” снова в бою».

Было бы существенным упущением не отметить заслуги г-на Ж. Бадраа, который работал редактором в художественном отделе. При переводе фильмов он большое внимание уделял чистоте монгольского языка. Это нашло отражение в фильмах «Чапаев» и «Штрафной батальон», которые он монтировал.

В советское время требования к переводу были высокие, работа финансировалась государством, перевод делали качественно, был интерес к переводу и его делали высококлассные специалисты. Например, перевод фильма «Служебный роман» был сделан писателем и переводчиком С. Оюун. Его перевод и сегодня высоко оценивают как зрители, так и актеры озвучки. Название фильма на монгольском звучит как «Вот такое происшествие» («Ийм нэгэн явдал»).

С начала 1970-х гг. получило развитие телевидение. В Монголии стали переводить телевизионные фильмы. Они были без субтитров. Перед показом ведущий коротко говорил о сути фильма. Если была сцена, в которой влюбленная пара целуется, то зрителей предупреждали: «Рекомендуется не показывать это маленьким детям». После предупреждения продолжал звучать перевод. Переводчики также участвовали в переводе монтажных листов фильма. Были переведены и представлены зрителю сотни советских, польских, немецких, болгарских, чехословацких, венгерских, корейских фильмов, сотни художественных, документальных и анимационных кинолент. В кинофонде перевода кинопрограмм монгольского телевидения содержатся работы почти всех известных монгольских переводчиков, таких как П. Чойжил, Г. Аким, Б. Дашцэрэн.

Редакторы перевода очень ответственно подходили к решению задачи, которая возникает как следствие одной из главных особенностей киноперевода – синхронности. Перевод должен идеально вписываться в уста киногероя. А если учесть, что звучание перевода, сделанного с русского на монгольский язык, имеет тенденцию быть немного длиннее, то понятно, что работа редактора была не из легких. Настоящим мастером этой работы был Осохбаяр. Его сменила переводчик Б. Нарантуяа. Они были профессионалами очень высокого уровня и с честью могли выполнять свою работу. Они хорошо знали русский язык и хорошо владели монгольским языком. Надо подчеркнуть, что все, кто работал с иностранными фильмами, были настоящими профессионалами, это и актерский состав, и режиссер, поэтому переводы сделаны качественно. К сожалению, «рыночная буря» закрыла киноиндустрию, в том числе был закрыт созданный в советское время отдел переводов.

Сегодня можно выделить несколько факторов, которые влияют на качество перевода телевизионного фильма. Во-первых, недостаток человеческих ресурсов для работы с переводом. Например, иногда монтаж фильма делает всего один человек. Во-вторых, из-за отсутствия финансирования оплата тру-

да переводчика низкая, что не способствует привлечению высококлассных профессионалов. В-третьих, рыночные условия диктуют принцип «Время – деньги», поэтому сжатые сроки подготовки перевода фильма сказываются на качестве перевода. В-четвертых, экономия средств ведет к сокращению количества актеров озвучки, только один или два дублера читают перевод напрямую. Все эти факторы сегодня влияют на качество перевода. Нередко качество перевода телевизионных фильмов подвергается критике. Ошибки перевода часто воспринимаются как анекдоты. Например, «хладнокровный убийца» может быть переведен как «убийца с каменным сердцем».

Несмотря на сложные условия работы и сегодня есть много примеров грамотных, хороших переводов. Так, известный монгольский кинопереводчик Д. Ким сам переводил и дублировал польский драматический сериал «Четыре танкиста и собака» и фильм «Дела важнее жизни».

Необходимо подчеркнуть, что при любом переводе появляется множество понятий, выражений, терминов, метафор, глубоко связанных с культурой, с историей и географией зарубежной страны. В области естественных наук очень много специальных терминов. Переводчик должен знать основы этих наук. Он должен особенно хорошо знать культурное, социальное происхождение и феномен автора переводимого произведения, должен знать различные контексты языка, культуры, общества и мышления людей, переводчик должен быть страноведом. В противном случае неправильное понимание приведет к неправильному переводу и потере смысла.

Основное требование для перевода заключается в том, чтобы текст оригинала и текст перевода были эквивалентны по смыслу, по структуре. Переводчик стремится, чтобы значение исходного текста было максимально точно передано в переведенном тексте, а воздействие языка переводчика на зрителя было максимально похоже на воздействие оригинала на аудиторию [10].

Теперь рассмотрим некоторые особенности перевода русского языка на монгольский язык, которые часто создают существенные трудности.

В монгольском языке наблюдается склонность к действию, а в русском – к именованию. В отличие от русскоговорящего человека, монгол, например, не скажет «У меня сильная головная боль» или «Он сказал, что у него сильная головная боль». Монгол скажет: «Вчера у меня очень сильно болела голова».

Переводчик Чойжил вспоминал случай из своей жизни: «Я монтировал фильм, и меня поразила в тексте перевода следующая фраза: “Авраам Линкольн уничтожил рабов”. Что это значит? Я был немало удивлен. На самом же деле Линкольн не уничтожал рабов, он считал, что рабство должно быть уничтожено... Человек, который переводил, не знал такой элементарной вещи. Не хвастайтесь знанием иностранного языка» [11].

Далее, в русском языке есть обычай обращаться к служащим по их месту. Например, в одном фильме герой говорит «В милиции дали адрес», что дословно на монгольский переводится как «Сэргийлэхэд хаягийг нь өгсөн юм», это звучит как «Адрес дали для предотвращения». На самом деле это означает «Адрес дали люди милиции».

Язык – штука тонкая, поэтому не всегда удастся грамотно передать смысл без знания языковой специфики, включая интонацию. Например: в одном фильме герой говорит «Это надо же так пить!». Фраза была переведена следующим образом: «Если ты пьешь алкоголь, ты должен пить его так!». Переводчик должен был обратить внимание не только на структуру, но и на интонацию.

Согласно грамматике монгольского языка, суффиксы «хэн», «хан», «хон», придающие слову нежный оттенок, добавляются только к прилагательным (например, хонгорхон, улаахан, цагаахан). И это эквивалентно уменьшительно-ласкательному суффиксу в русском языке. А в последнее время наблюдается тенденция добавлять его к существительным, что является грубой грамматической ошибкой. Например, «хотхон» (городок) и «гацуурхан» (рождественская елочка). Так, слово «Дюймовочка» переведено как «ямагхан охин». Если сказать эти слова быстро, то вместо Дюймовочки речь будет идти о проститутке. Но это же герой детской сказки. Есть примеры красивого перевода имен сказочных героев. Например, монгольские переводчики очень красиво перевели фамилию главного героя книги Р. Э. Распе «Приключения барона Мюнхгаузена» – Мянгуужин. Красиво было переведено также имя Золушки – үнсгэлжин. Эти варианты перевода закрепились в монгольском языке.

Следующая особенность русского языка – частое использование множественного числа. Знаменитый монгольский лингвист переводчик г-н Чой Лувсанджав учил: «Если много множественного числа, то это плохой перевод». Есть много красивых примеров. Русская фраза «Слезы текли по щекам» легко переводится дословно на некоторые индоевропейский языки, включая английский. Однако, когда мы переводим эту фразу на монгольский, мы изменяем множественное число на единственное, и в результате получается «Слеза текла по щеке». Именно так данная фраза будет правильно звучать на монгольском языке. В одном фильме главная героиня говорит: «Я не люблю розы, я люблю лилии и хризантемы». На монгольском языке правильной будет фраза «Я не люблю розу, а люблю лилию и хризантему».

Далее, в русском языке много отрицательных форм. В монгольском языке они используются гораздо реже. Например, герой фильма «Невский» Паша Семёнов говорит: «Эта мысль не покидает меня». На монгольском языке отрицание в данном случае будет звучать не очень грамотно, поэтому лучше сказать: «Эта мысль застряла у меня в голове». Еще пример. Герой фильма говорит: «У меня не было недели, чтобы я не положил деньги на свой сберегательный счет». Здесь присутствуют два отрицания. Оба эти отрицания должны быть превращены в положительные при переводе на монгольский язык. На монгольском гораздо понятнее это прозвучит так: «Раньше я клал деньги на свой сберегательный счет каждую неделю».

Следующая особенность русского языка. Русские часто называют друг друга по имени, при этом могут несколько раз произносить имя того человека, к кому обращаются. Например, Андрей Михайлов обращается к Паше Семенову и говорит: «Паша, ты меня слышишь? Я с кем разговариваю? Паш, а Паш, я твой

начальник». Эта фраза была переведена точно так, как сказано в оригинале, но если бы переводчик использовал слово «хөөе» в монгольском варианте, то это сделало бы перевод более аутентичным.

Теперь рассмотрим *системные различия между исходным языком и целевым языком*. Под языковой системой можно понимать модель создания языка путем объединения единиц разных уровней, таких как фонетика, лексикология, синтаксис, словообразование, их взаимосвязей, а также элементов одного уровня и разных уровней. Что же касается монгольского языка, то он отличается от английского, немецкого, русского, французского, корейского, китайского и японского языков по всем вышеперечисленным уровням и является языком другой системы с точки зрения структуры и класса. Поэтому при переводе исходного текста с иностранного языка на родной язык (или с родного языка на указанные иностранные языки) у монгольского переводчика могут возникнуть трудности из-за системных различий между исходным языком и языком перевода. Например, известная картина кинокомпании «Мосфильм» «Самая обаятельная и привлекательная» переводится как «Я самая красивая и очаровательная девушка». Система русского языка может различать мужской и женский род существительных. Но в системе монгольского языка такой возможности нет. Поэтому добавление в данном случае слова «девушка» – правильное решение.

Различия в уровне использования языка. «Usus» в переводе с латыни означает «использовать», «войти в привычку». Слова, словосочетания и предложения переведенного текста могут на первый взгляд не нарушать нормы языковой системы. Например, фраза «Ах, черт!» может быть дословным переводом русского восклицания. Этот перевод не нарушает языковых норм, потому что в монгольском языке есть такие диалекты, как Аа Золыг, Аа Монди и Аа Барам. Однако в монгольском есть много слов, обозначающих «чёрт», но с разными акцентами и разными звуками, которые используются по-разному, например, в зависимости от условий, причин и от того, кто это говорит. Например, «Эх харла», «Эх балар», «Эх чаваас» и т. д. Поэтому для правильного решения этой задачи должны быть учтены следующие условия: ситуация, в которой произносится слово; образование человека, принадлежность его к определенному социальному классу; контекст, в котором слово сказано.

Проблемы, связанные с культурными и этническими различиями. Каждый народ имеет свои особенности в культуре, хозяйстве, географии, обычаях, традициях и т. д. Кино отражает эти характеристики. Автор текста предполагает, что его читатели имеют некоторую информацию о том предмете, о котором он пишет. Однако если у читателей нет этой базовой информации, они не смогут понять написанное в той мере, в какой представлял себе автор, и, таким образом, отношения между автором и читателем не состоятся. Как правило, такая базовая информация недоступна для неподготовленного читателя перевода. Например, в комедии «Бриллиантовая рука» герои фильма сидят в ресторане и один из них, прощаясь, говорит: «Ну, будете у нас на Колыме – милости просим!». Главный герой, преступник Геннадий Козодоев, которого играет

А. Миронов, отвечает: «Нет, уж лучше вы к нам!». Юмор, содержащийся в ответе, невозможно понять, если не знать, что советская Колыма являлась местом ссылки и заключения периода политических репрессий (с 1930-х по 1954 г.). Поэтому когда первый герой радушно приглашает своих знакомых к себе домой, а дом его расположен на Колыме, то в ответе Г. Козодоева, опасавшегося «попасть за решётку», смысл как бы удваивается.

Из-за незнания орфографии, своеобразной структуры исходного языка, особенностей мышления людей многие вещи переводятся дословно и с неверным смыслом. Словосочетание «Млечный путь» по-английски называется «Milky Way». Буквально в этих двух языках он воспринимается как «молочная дорога», а для монгольского менталитета означает «лить молоко, пока оно не станет дорогой». Многие не понимают значения слова «небо», когда его буквально называют «Небесная граница» или «Грань Неба». В российском сериале «Не родись красивой», который транслировался на канале ТВ-9, есть строчка «...иди в рай и достигни Млечного пути...». Сколько монгольских зрителей поняли, что это речь идет о «Млечном пути»? Скорее всего мало, так как в переводе присутствовала «молочная дорога». Еще русские могут спросить у водителя, ведущего быстро свой автобус по бездорожью: «Картошку везешь что ли?». Монголы спросят: «Мясо везешь?». Чтобы перевести эту фразу на монгольский язык и сделать ее понятной для монгола, нам придется заменить русское слово «картошка» на слово «мясо». Дословный перевод фразы «После дождика в четверг» ни один монгол не смог бы понять. Поэтому фразу, передающую мысль о том, что ожидаемое никогда не сбудется, надо перевести на монгольский язык «Когда солнце встанет с запада».

Далее, русские обращаются к своим близким, используя местоимение «ты» (по-монгольски «чи»), а при обращении к отцу, матери, брату или сестре оно переводится как «Та». Английское «you» («вы») также должно присваиваться и переводиться в зависимости от того, к кому обращаются.

Таким образом, можно сделать предварительные выводы. В современных условиях развития международных отношений существует потребность в качественном переводе и правильном использовании терминов из различных областей науки и жизни. Перевод книг и фильмов человеком, который не имеет необходимой квалификации, часто становится одной из основных причин снижения качества перевода и межкультурных контактов. Работа переводчика не должна выполняться любителем, который занимается переводческой деятельностью как хобби, эту сложную работу должен выполнять «краевед», знающий страну детально, только тогда читатель или зритель не упустит идеи, заложенные автором в произведение.

Теперь проведем анализ названий восьми случайно выбранных фильмов, с целью определения стратегии их перевода (табл. 1).

Таблица 1

Стратегии при переводе названий фильмов

№	Название фильма в оригинале	Дословный перевод	Официальный период	Метод перевода
1	«Гусарская баллада»	«Торгон цэргийн дууль»	«Торгон цэргийн дууль»	Дословный
2	«Судьба человека»	«Хүний хувь заяа»	«Хүний хувь заяа»	Дословный
3	«Кавказская пленница»	«Кавказын олзлогдогч»	«Кавказад болсон явдал» («Приключения на Кавказе»)	Трансформация
4	«Служебный роман»	«Ажил дээрх хайр дурлал»	«Ийм нэгэн явдал» («Вот такое происшествие»)	Замена
5	«Брильянтовая рука»	«Очир эрдэнийн гар»	«Эрдэнэ нуусан гар» (Рука, где скрыто сокровище»)	Трансформация
6	«Ну, погоди!»	«Хүлээж бай»	«Чамайг даа» («Ну, смотри!»)	Замена
7	«Сказка о рыбаке и рыбке»	«Загас ба загасчин хоёрын үлгэр»	«Алтан загасны үлгэр» («Сказка о золотой рыбке»)	Трансформация
8	«Вам и не снилось»	«Чамд зүүдлэгдээчгүй»	«Зүүдэнд ч оромгүй явдал» («Невообразимое происшествие»)	Трансформация

Большинство фильмов имеют названия, не несущие в себе дословный перевод. Переводчики используют более интригующие названия с целью точно передать содержание фильма, а также привлечения аудитории. Не всякое название русского фильма можно перевести на монгольский язык без смысловых потерь. Не всякий перевод, удачный с точки зрения языка, годится для продвижения фильма на монгольском рынке. Существуют примеры, когда искажение смысла названия трудно объяснить. Для того чтобы провести анализ подобных случаев, рассмотрим названия фильмов, при переводе которых переводчики использовали стратегию замены.

Перевод фильма и доведение его до широких масс можно сравнить с ткачеством шелка. Например, название «Москва слезам не верит» переведено как «Жизнь не любит слёзы», так как в фильме происходит событие, которое может произойти где угодно в жизни любого человека, а не только в Москве. По этой причине Москва была заменена словом «жизнь».

Название фильма «А зори здесь тихие...» было переведено как «Когда долг принят». Такой вариант перевода понятен монгольскому зрителю и делает акцент на патриотичность.

В переводе фильма «Варвара краса длинная коса», прозвучавшего как «Утр уст уран гоо Варвара», или «Длинноволосая красавица Варвара», монгольская аудитория почувствовала такое же мелодичное название как в оригинале.

Название фильма «Вокзал для двоих», переводящееся как «Буудалд учирсан хоёр», или «Двое познакомились в отеле», наверняка заинтриговало монгольских зрителей в социалистическое время.

Название фильма «Любовь и голуби» было переведено дважды. Сначала название имело дословный перевод, а в 2017 году Национальное телевидение показало его с новым, более лирическим названием «Душа влюбленного и чистый голубь».

Три неординарных перевода названия имеет название фильма «Ирония судьбы, или с лёгким паром» – «Хувь заяаны ээдрээ», «Хувь тавилангийн ээдрээ», «Хувь заяаны хэлхээ», если их перевести на русский язык, то они будут звучать как «Запутанность судьбы», «Запутывание судьбы», «Цепь судьбы». У некоторых людей эти названия вызывают интерес, у других же – недоумение. Причем во всех трех случаях часть названия «... с лёгким паром» не была переведена вовсе.

Вышедший в прокат фильм, с оригинальным названием «Мурка», был переведен как «Мужай» что означает «Кошка», хотя «Мурка» – название дворовой песни и к кошке не имеет никакого отношения.

На канале ТВ 25 был показан российский фильм «Березка» и его название было переведено как «Хусхан». Однако «Хусхан» – это фильм о всемирно известном ансамбле «Березка». Переводчик, похоже, не знает о том, что имена собственные не переводятся. Однако он наверняка знал, что добавление к существительному суффикса «-ка» придаст слову уменьшительно-ласкательное значение. Поэтому он перевел как «Хусхан», а не «Хус».

Фильм «Кровавая барыня» был показан по телевидению с названием «Салтычиха», которое является для монгольского зрителя менее понятным, чем интригующий дословный перевод «Цуст авгай».

Коммерческий перевод является более интересным и интригующим, нежели дословный, но не всегда отражает суть фильма и задумку автора. Стратегия замены позволяет перевести название фильма более привлекательно для аудитории, но часто полученное название не отражает сюжет фильма и задумку автора картины.

Делая вывод, хочу подчеркнуть, что в наше время перевод становится работой, которую должен выполнять «краевед», специалист, знающий не только лексику и грамматику, но и страну в целом.

Спасибо всем за внимание!

Ульяницкая Л. А. Здравствуйте, Н. Хишигдулам! Мы с Вами коллеги, я тоже занимаюсь переводами, только работаю с другими языками. Мне очень понравились примеры, которые Вы подобрали в качестве иллюстрации трудностей

перевода. Спасибо Вам большое! Я слушала Вас и вспомнила случай из своей практики работы со студентами. Мы смотрели французский перевод фильма «Москва слезам не верит». Одна из героинь фильма говорит: «Мы идем сегодня в концерт». А героиня, которую играет Ирина Муравьева, ей отвечает: «Эх, ты! Уже год живешь в Москве, а до сих пор говоришь “в концерт”». Французы не поняли и перевели: «Ты уже год живешь в Москве и все еще идешь в концерт, занялась бы лучше чем-то более интересным». А вопросы у меня следующие, во-первых, как Вам кажется можно ли считать переводческой неудачей, коммуникативным провалом, культурным несоответствием, если при переводе фильма не сохранена игра слов, или какую-то локализация характерная для языка оригинала? Страшно это или нет? Это первый вопрос.

Хишигдулам Н. Очень страшно. У нас в Монголии есть много людей, которые очень хорошо владеют русским языком, и они часто критикуют появляющиеся скороспелые переводы. Многие предпочитают смотреть русскоязычные фильмы без перевода. Я приведу Вам пример. Слово «проститутка» было переведено на монгольский язык как фраза «Простите, утка».

Ульяницкая Л. А. Спасибо, уважаемая Н. Хишигдулам! Следующий вопрос более лингвистический. Вы привели как пример перевода названия с использованием окончаний рода в названии фильма «Самая обаятельная и привлекательная», Вы сказали, что правильный перевод «Я самая красивая и очаровательная девушка», а какие еще другие грамматические, типологические особенности русского языка не позволяли сделать дословный перевод? И какие трудности возникают с переводом названий, локальностей, городов, названий объектов, неологизмов?

Хишигдулам Н. Я уже сказала про повторяющиеся отрицания, но могу еще привести пример из практики коллеги, очень хорошего переводчика, который поделился со мной своим опытом. Он привел пример перевода ситуации в фильме. Молодежь обсуждает какой-то «бездник», молодые люди повторяют и повторяют это слово. И только уже закончив перевод, он понял, что это неологизм и речь шла о праздновании дня рождения. Сейчас в русском языке таких слов много, например, «лайкнуть». Еще, он рассказывал, что ему пришлось переводить стихи Лермонтова в сериале «Кадетство». В сериале есть момент, где один из героев читает стихотворение Лермонтова, перевода на монгольский язык этого отрывка не оказалось, и моему знакомому пришлось переводить стихотворение самому. И чтобы перевести на монгольский «Кадетство», он ходил в молодежные группы и просто слушал, как молодые люди общаются между собой. В результате был сделан очень качественный перевод. Спасибо за хорошие вопросы!

Попков Ю. В. Когда не сталкиваешься с деятельностью переводчика, кажется, что проблем-то тут и нет. Но Ваш доклад показал, как сложна работа переводчика. Позвольте выразить Вам искреннюю благодарность за Ваш труд переводчика и за сделанный Вами доклад. Вопрос у меня не о проблемах перевода. Скажите, пожалуйста, насколько в настоящее время популярны российские фильмы, и какие еще фильмы демонстрируются и переводятся на монголь-

ском телевиденье? Какую долю занимают российские фильмы на монгольских экранах в сравнении, например, с американскими, китайскими, корейскими фильмами? Можно ли здесь обозначить какие-то тенденции?

Хишигдулам Н. Я уже упомянула, что у нас 78 телевизионных каналов и 20–30 русскоязычных фильмов показывают в неделю. Это достаточно большой объем эфирного времени, но точно определить сколько это в процентах я сейчас затрудняюсь. Тем более, что цифры по годам будут различными. Монгольские фильмы в соответствии с принятым законом должны составлять не менее 40 % от общего количества. Опираясь на ощущения, могу сказать, что российские фильмы в разные годы составляют 20–30 %. Монголы любят современные российские сериалы, например, «Невский», «Паутина», «Шеф». Российские криминальные драмы, сериалы вызывают интерес у монгольского зрителя. Советские фильмы прочно вошли в менталитет монголов, крылатые выражения из советских фильмов стали частью монгольской культуры, например, тост из фильма «Кавказская пленница»: «Имею желание купить дом, но не имею возможности. Имею возможность купить козу, но не имею желаний. Так выпьем за то, чтобы наши желания совпадали с нашими возможностями». Прошлые два года были популярны китайские фильмы. Они примерно составили 10 %. Очень много американских фильмов – 30 %. Популярными стали корейские сериалы.

Бегалинова К. К. Спасибо за доклад! Спасибо за такое великолепное владение русским языком! Спасибо за Ваш труд по популяризации русской культуры в Монголии. Вы заметили, что русский язык очень сложный и тяжело переводить даже, казалось бы, простые вещи, а как быть с идиоматическими выражениями, например, «Кузькина мать», «свалить дурака», «дышать на ладан», «Ёшкин кот»? Фильмы, о которых Вы говорили, наполнены такими выражениями. Всем известный пример с выражением «Кузькина мать», которое использовал Н. С. Хрущев на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в 1960 году. Переводчики сделали дословный перевод «мать Кузьмы» и все были озадачены, кто это такая влиятельная женщина, которую боится даже сам Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза. Как Вы преодолеваете эти семантические трудности, языковые структурные трудности, психологические? Вы частично об этом говорили, но я хотела бы знать о том, какие, может быть, существуют приемы перевода? Я сама сейчас испытываю большие трудности. Я сейчас читаю лекции преимущественно на казахском языке. Монгольский и казахский языки схожи, мы относимся к одной группе языков. И у меня большие трудности возникают, приходится свои тексты лекций, составленные на русском языке, переводить на казахский. Приходится использовать контекстуальный перевод, но такой перевод, не прямой перевод, ведет к значительным потерям. Как Вам удается это все преодолеть? Какие приемы используете?

Хишигдулам Н. С идиоматическими выражениями в переводе бывает много трудностей. Но у меня есть их базовое понимание. Я училась в русской школе. В советское время были такие школы. У нас все предметы были на русском

языке. В монгольском языке я могу найти аналоги таким русским выражениям, как «Бить баклуши», «точить лясы» и др., но всех идиом выучить невозможно. У нас есть словари идиоматических выражений, но в них не вся информация. Мне помогает в переводе еще то, что я преподаватель английского языка, существуют русско-английские словари идиоматических выражений. Это хорошее подспорье для перевода сложных случаев.

Приведу пример перевода идиомы с ошибкой, в программе новостей российского телеканала ОРТ в марте 2002 г. прозвучала новость о том, что «Россия отказывается от ножек Буша». Эта информация, переведенная монгольским телевидением, звучала так, как если бы Россия отвергла бедро самого Президента США. Термин «ножки Буша» означает «бедр а американских куриц». В России этот термин является распространенным, но телевизионные переводчики не позаботились уточнить перевод и телезрители канала «Монгольские новости» не получили достоверной информации. Такие некачественные переводы звучат как анекдоты.

Везнер С. И. Уважаемая Нанджидмаа Хишигдулам, спасибо за очень интересный доклад! Меня интересует жанровый вопрос. Выбор варианта перевода названия фильма зависит от жанра фильма? И следующий вопрос. Вы приводили в качестве примера тосты. Это универсальный жанр. Облегчает ли это перевод? И еще вопрос, а есть какое-либо жанровое своеобразие монгольских фильмов? Я с восхищением наблюдаю за Вашей работой, Вы как челнок между двумя культурами существуете, поэтому Вы это можете почувствовать лучше. Существует ли жанровое своеобразие монгольского кино, например, монгольского триллера, или все универсально?

Хишигдулам Н. В социалистическое время у нас был отдел перевода. В этом отделе люди имели специализацию, кто-то переводил только мелодрамы, кто-то боевики. Теперь такой узкой специализации у нас нет. Кто что хочет, тот то и переводит, невзирая на жанр, переводят все подряд. Поэтому и ошибок много, и какой-то причинности в выборе варианта перевода названия картины от ее жанра нам не увидеть. Должна быть специализация переводчиков.

Изгарская А. А. Вы отметили, что в советское время монгольское государство финансировало переводы фильмов и был создан специальный отдел. С переходом на рыночные основания такие затраты оказываются чрезмерными и отдел сократили. А какие источники финансирования существуют? Осуществляют ли поддержку своей кинопродукции зарубежные государства? Помогает ли, например, правительство Китая или китайский бизнес в продвижении своих фильмов на монгольском рынке? Или все пущено на самотек? Может быть есть какие-то благотворительные программы, которые поддерживают киноиндустрию в Монголии?

Хишигдулам Н. Не могу сказать точно, что финансируется, а что – нет. Но я могу сказать, что ежегодно мы отмечаем месяц русской культуры, в рамках этого мероприятия мы организовываем неделю русских фильмов.

Изгарская А. А. Спасибо, уважаемая госпожа Нанджидмаа Хишигдулам, за содержательный доклад! А мы, коллеги, переходим к нашему третьему докладу.

Позвольте мне предоставить слово канд. филос. наук, заместителю директора по общим вопросам Гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета Сергею Ивановичу Филиппову. Он сделает доклад на тему «Интерактивные ритуалы в практике устного перевода и преподавания».

Филиппов С. И. Добрый вечер, коллеги! Спасибо за предоставленную возможность выступить с докладом, рассказать о своем опыте работы! В предыдущем докладе шла речь об условиях успешности перевода и здесь, конечно же, для того, чтобы переводчик был успешен, а перевод адекватным, нужна языковая компетенция, лингвокультурная компетенция, страноведческая компетенция, но наверняка в сообществе переводчиков все знают, что несмотря на сформированную языковую компетенцию и глубокие знания лингвокультурного характера, тем не менее это все не гарантирует успех для последовательного переводчика, а тем более для синхрониста. Но и этого может не хватать. Даже специалист, всем этим обладающий, во время перевода может растеряться, может не успевать за спикером. Эта ситуация знакома многим профессионалам и она часто воспринимается так, как если не возникает какая-то обеспечивающая синхронность «химия» между спикером и переводчиком. Наряду с лингвистическими, страноведческими компетенциями имеет значение компетенция, которую я бы назвал «коммуникативной». Если мы посмотрим на работу переводчика-синхрониста, то увидим, что он в какой-то мере синхронно переводит не только речь спикера, но даже копирует его жесты, движения. Для чего переводчику-синхронисту такое совпадение со спикером? Даже когда синхронист делает перевод видеозаписи, он почему-то начинает как бы входить в резонанс со спикером. Наверное, многие из Вас видели, как работают последовательные переводчики, и тоже могли отмечать за ними странности в работе, что они могут быть почему-то достаточно эмоциональны. Приведу пример, который произошел примерно лет десять назад, когда я присутствовал при работе переводчика. Перевод был последовательный. Спикер – женщина, и переводчица. Работа проходила в аудитории, в которой находилось примерно полсотни человек. Спикер и переводчица сосредоточены друг на друге и не обращают внимания на зал. Повернувшись друг к другу они, казалось, вели разговор между собой, иногда бросая взгляды в зал. На первый взгляд их не интересовала реакция публики. Спикер и переводчица примерно одинаково жестикулировали, говорили с одной скоростью, примерно с одинаковой громкостью и интонацией. В моей практике также были случаи последовательного перевода. И я тоже замечал за собой такое поведение, когда ты начинаешь не только переводить сказанное, но и копировать жесты, интонацию спикера, не обращая внимания на аудиторию. Что за странные приемы работы переводчика? Что же происходит? Данное явление я бы отнес к интерактивным ритуалам.

В науке эта традиция довольно старая, исследования интерактивных ритуалов относится еще к работам Э. Дюркгейма, И. Гофмана, она же представлена в работе Р. Коллинза «Interaction Ritual Chains» [12]. Книга не переведена на русский язык. Несколько слов об этой книге. Каково же содержание теории интерактивных ритуалов?

Центральным понятием этой теории является понятие «эмоциональная энергия» (ЭЭ). Это переменная, включающая в себя весь спектр эмоциональных состояний. Высокий уровень ЭЭ – восхищение, эйфория, энтузиазм, воодушевление, восторг, радость, гнев. Низкий уровень ЭЭ – скука, депрессия, потеря мотивации, ощущение изолированности. Р. Коллинз утверждает, что все, что мы ищем, все, что необходимо обычному человеку, это не какие-то богатства, не какие-то материальные блага, а переживание эмоций высокого уровня ЭЭ. Р. Коллинз задается вопросом о том, как же возникает ЭЭ высокого уровня. Возникают они в ситуации взаимодействия, которая называется «интерактивный ритуал» (ИР). Это ситуация, в которой для членов группы поддерживается определенный, приемлемый для них уровень ЭЭ. Это не обязательно высокие энергии эйфории, восторга и радости, но они обеспечивают приемлемый уровень комфорта членам группы, обеспечивают каждому чувство собственного достоинства. Р. Коллинз различает успешные (strong rituals) и неуспешные (weak rituals) ИР. Успешные ИР обеспечивают приемлемый уровень ЭЭ, неуспешные (или слабые) – это ритуалы, которые энергию забирают, участники ритуалов покидают группу.

Р. Коллинз выделяет также условия успешных интерактивных ритуалов. Во-первых, физическое сопresутствие двух и более людей в одном месте, осознание и – я бы подчеркнул – физическое ощущение ими присутствия друг друга. Даже если в реальности присутствия нет, но есть лишь ощущение присутствия, то сильная эмоция возникает, например, эмоция страха. Во-вторых, условием успешного ИР является наличие четких (видимых, ощутимых) границ включенности в ИР (или исключенности из него). Для участников является очевидным, кто принимает участие в ритуале, а кто – нет. В-третьих, необходим общий для всех участников фокус внимания на какой-либо объект или деятельность/активность. Это может быть физический объект, некоторое действие, например, кричат, маршируют, задают и отвечают на вопросы, смеются и др. Все это порождает ощущение общности (солидарности), которое является основой относительно высокого уровня ЭЭ. Объяснения Р. Коллинза уходят корнями в эволюционную психологию, человек – это существо социальное, для него имеет важность ощущение принадлежности к какому-либо сообществу, обладание в нем каким-либо статусом, и это всегда связано с ЭЭ. Пример успешного ИР вы можете видеть в поведении выигравших матч футболистов, когда они становятся в круг и кладут руки друг другу на плечи. Они ощущают физическое присутствие друг друга, они сосредоточены на действии, они кричат, смеются, испытывают одну сильную эмоцию, связанную с победой. Этот ритуал притягателен для многих, но доступен только для тех, кто внес свой вклад в победу команды. Противоположная ситуация – поражение в матче может быть примером неуспешного ИР. Футболисты не обнимаются, они идут поодиночке, закрывают свои глаза ладонями, испытывают чувство стыда, неловкости и пытаются быстрее уйти с поля.

Еще одним важным условием интерактивного ритуала является наличие сакральных символов (sacred objects). Под сакральными символами мы, как

правило, понимаем, например, икону, для кого-то таким символом является Мона Лиза Леонардо да Винчи. В Лувре можно наблюдать большие толпы поклонников этой картины, чаще всего незнакомых друг с другом людей. Это все так, но не только. Существуют и повседневные, микро ИР, на уровне семьи, дружеских отношений. Для связанных чувством солидарности людей такие сакральные символы являются «эмоциональными консервами». Это предметы, люди, действия и т. п., значимые для участников интерактивного ритуала и символизирующие их общность. Если обратиться к советским фильмам, то они также могут играть роль сакрального символа. Покажи молодежи советскую комедию, они не поймут, где там смешно. Но люди, которые пересматривают ежегодно «Бриллиантовую руку», «Иронию судьбы, или С легким паром!», вспоминают, как, будучи детьми, они вечером с родителями или друзьями просматривали эти фильмы вместе, переживали очень хорошие эмоции, и как бы подключаются к ритуалу, заложенному в детстве. Для них эти фильмы играют роль сакрального символа. Как я уже сказал, в соответствии с Р. Коллинзом, люди стремятся участвовать в ситуациях, «производящих» относительно высокий уровень ЭЭ (успешные интерактивные ритуалы), и избегать ситуаций, в которых они испытывают скуку, ощущение одиночества, «ненужности» и т. д. (низкий уровень ЭЭ).

Какова же технология создания успешных ИР? Здесь Р. Коллинз тоже предлагает два типа ритуалов. Во-первых, ИР, которые возникают естественным образом, как бы сами собой. Во-вторых, искусственные ИР, которые создаются намеренно. Приемом создания успешного ритуала является повторение участниками взаимодействия (ИР) одних и тех же действий на вербальном (слова, очередность высказываний), паравербальном (интонация, громкость, темп речи), невербальном (жесты, мимика и т. п.) уровнях. Участники на разных уровнях взаимодействия повторяют одно и то же. Формируется фокус внимания, создаются границы доступа участвующих и конечно же ощущение общности, солидарности. Задача – создать желание у партнеров находиться в такой ситуации. Всем нам хорошо знакомые парады в честь советских праздников, когда участники идут большой организованной группой ритмично в ногу, являются такими успешными ИР.

Что еще следует подчеркнуть? ИР – микродинамика. Это поведенческие паттерны, которые поддерживаются участниками ритуала. Ритуалы не изменяются. Если же кто-то из участников изменяет ритуал, поведенческий паттерн, не быстро изменяет, а постепенно, например, начинает говорить немного быстрее или медленнее, громче или тише, то несмотря на наличие уже устоявшегося паттерна и сложившийся общий ритм, который участники ритуала неосознанно поддерживают, изменение ритуала будет принято и участники будут говорить быстрее или медленнее, громче или тише. Условия успешного взаимодействия сохраняются, и – не хочется использовать не совсем хорошее слово «манипуляция», но так оно и есть – посредством манипуляции происходит изменение паттерна коммуникации.

Вернемся к тому, с чего мы начали, с анализа взаимодействия спикера и переводчика. Мы пытались ответить на вопрос, почему они так странно себя ведут? Почему переводчик начинает воспроизводить поведенческие паттерны спикера? И в случае, если он не успевает за спикером, он, конечно же, может попросить говорить помедленнее, но может сам начать говорить медленнее и спикер, чтобы поддержать общность, начнет сбавлять темп. Таким образом, переводчик может создать более комфортные условия для работы. Эта старая техника, называется НЛП, ее суть – установить раппорт, «зеркалить». Теория интерактивных ритуалов дает объяснение, почему это работает. Однако это случай, когда существует взаимодействие спикера и переводчика. Но почему переводчик, который переводит видеозапись произнесения спикером речи и никак не может повлиять на спикера, все равно синхронизирует его жесты и движения? Что вы, уважаемые участники, думаете по этому поводу?

Ульяницкая Л. А. Может быть, чтобы настроиться на одну эмоциональную волну со спикером.

Филиппов С. И. Совершенно верно. Переводчик не может повлиять на спикера, все, что он может, так это подстроиться под него, поймать его ритм, чтобы почувствовать интуитивно, как дальше пойдет речь. Его задача – подстроившись, создать для себя приемлемые условия для работы.

Ну и в заключение я хочу предложить Вам задачку «Урсула и ее муж» из текста романа бразильского писателя Жоржа Амаду «Флора и два ее мужа». История следующая. Урсула очень любила субботние прогулки в парке Пратер, расположенном в Вене, в сопровождении своего любимого мужа. Проблема состояла в том, что муж Урсулы ходит гораздо быстрее, чем сама Урсула, и в процессе «совместных» прогулок любящий супруг «убегал» далеко вперед, а Урсула продолжала гулять в полном одиночестве, расстроенная и обиженная. Все эти «совместные прогулки» длились 25 лет, Урсула пыталась убедить мужа, что она не может так быстро ходить, как он, пыталась звать к его совести и давить на жалость, обижалась, но ничего не помогало.

Но однажды, познакомившись с основными положениями теории интерактивных ритуалов, Урсула нашла решение своей проблемы. С тех пор прогулки Урсулы с мужем снова стали приносить ей настоящее удовольствие. Вопрос: как Урсуле удалось «заставить» своего мужа ходить медленнее?

Попков Ю. В. Необходимо было начать разговор.

Филиппов С. И. Да, надо было установить контакт. Но что еще?

Изгарская А. А. Взять мужчину под руку и стараться идти с ним в ногу, он вынужденно сбросит темп и никуда не убежит.

Филиппов С. И. Совершенно верно, вначале она вступила с ним в разговор, взяла его под руку. Напрягая все свои силы, она вначале шла с мужем в ногу, формировался общий ритм, затем она постепенно сокращала свой шаг. И муж в процессе беседы, неосознанно поддерживая общность, желая сохранить благоприятную для него ситуацию, начинал идти медленнее. Таким образом Урсула создала ИР.

Могу добавить, что ИР достаточно просто создаются и могут помочь в общении с близкими, а также во взаимодействии со студенческой аудиторией.

Спасибо, коллеги, за внимание, буду рад ответить на ваши вопросы.

Попков Ю. В. Почему все, что Вы рассказали о переводчиках, Вы называете ритуалами? Тот видеоролик, который Вы показали, там нет никакого интерактивного ритуала, просто человек адаптируется к условиям взаимодействия и помогает себе таким образом. Почему это ритуал? Для меня это осталось непонятно.

Филиппов С. И. Юрий Владимирович, спасибо за вопрос. Я просто сошлюсь на классиков, на И. Гофмана и Р. Коллинза. Мне студенты такой же вопрос задают и говорят, вот в церкви – ритуал, а здесь где же ритуал? Ритуал – это действие, которое не имеет очевидной утилитарной направленности. Когда мы испытываем жажду и подходим к источнику воды – это не ритуал. Это действие, которое направлено на удовлетворение конкретной потребности – утоление жажды. Но когда мы сидим за столом, в отличной компании, когда на столе есть все, чтобы выпить и закусить, и у нас есть потребность поднять себе настроение, мы, прежде чем выпиваем бокал вина, что-то говорим торжественное или не очень торжественное, «чокаемся» и выпиваем. Это – ритуал. С точки зрения удовлетворения витальной потребности, поднять настроение при помощи алкогольного напитка, все эти действия имеют неутилитарное назначение.

Попков Ю. В. Но задача переводчика чисто утилитарная. Он создает условия, которые помогают ему решить конкретную задачу.

Филиппов С. И. Ритуал тоже помогает решить конкретную задачу, но его действия, а именно синхронизация поведения, неочевидны в своей пользе для решения задачи. Для решения задачи он должен только переводить. Он должен обладать в первую очередь языковыми компетенциями. Другие здесь уже второстепенные. Сошлюсь на принятый термин «этнокультурный ритуал». Ритуалы в нашей жизни очень тесно связаны с утилитарными действиями. Например, покупка шубки, которая менее теплая, чем пуховик, обусловлена тем, что она выполняет не только утилитарную функцию, но и решает задачу демонстрации статуса хозяйки.

Ушаков Д. В. Сергей Иванович, спасибо за доклад! Почему Вы не используете термин «эмпатия».

Филиппов С. И. Спасибо, Дмитрий Викторович. Термин «эмпатия» – сопереживание собеседнику, способность разделить с ним какие-то чувства. Эмпатия – одно из производных ИР, она может возникать между людьми в процессе ИР. Я использую другую терминологию, а именно «ощущение общности», «солидарность». Мне кажется, что понятие «эмпатия» уже, чем понятие «солидарность». Простой пример, эмпатия не применима для ситуации, порождающей у группы, например, чувство солидарного гнева по отношению к противнику.

Прошин В. А. Спасибо, Сергей Иванович за доклад! Очень интересная тема. Я бы хотел присоединиться к мнению Юрия Владимировича. Мы все занимаемся преподаванием, обучением и мы всегда говорим о приемах, о методах, о способах освоения. А вот ритуалы, они, как мне кажется, больше связаны

с манипулированием, с манипуляцией. Термин ритуал больше связан с изучением народов, менталитета, здесь проявляется интерес к ритуалам. Может быть, я неправ.

Филиппов С. И. Спасибо за замечание, Владимир Алексеевич. Действительно, под ритуалами традиционно понимаются какие-то торжественные мероприятия, связанные с каким-то культом. Но в социологии есть более широкое понятие ритуала, я опирался на конкретные работы современных социологов. Ритуал может быть приемом, техникой, манипуляцией для создания солидарности, воспитания.

Изгарская А. А. Спасибо, Сергей Иванович! Коллеги, мы работаем уже три часа, не вижу больше поднятых рук, всем спасибо за отличную работу. Сегодня подключилось 28 человек из разных городов России, Казахстана и Монголии. Мы заслушали и обсудили три доклада. Следующая наша встреча состоится в октябре.

Благодарности: авторы благодарят Н. Е. Лукьянова и Е. А. Гордейчик за запись и частичную обработку аудиозаписи вебинара.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Чехов А. П.** Из Сибири // Чехов А. П. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 11. – М.: Правда, 1985. – С. 3–36.
2. **Везнер С. И.** Мотив «бедного Йорика» в «Повестях Белкина» // Молодая филология. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1998. – С. 50–57.
3. **Везнер С. И.** Антитеррористический дискурс: специфика воспроизведения концептуального отношения «государство – общество» (на примере речевого жанра «антитеррористическая памятка») // Государство, право, общество: проблемы взаимодействия (политология, юридические науки, история, религиоведение, социология): сборник статей IX Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2022. – С. 26–29.
4. **Чехов А. П.** Н. М. Пржевальский // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974–1982. Т. 16: Сочинения. 1881–1902. – М.: Наука, 1979. – С. 236–237.
5. **Воцинин В. П.** На Сибирском просторе: картины переселения. – СПб.: Тип. т-ва «Наш век», 1912. – 91 с.
6. **Гончаров И. А.** Фрегат «Паллада»: очерки путешествия в двух томах. – Саратов : Приволжское книжное изд-во, 1986. – 573 с.
7. **Капустин Д. Т.** Азиатское путешествие Антона Чехова, 1890 год: в документах, письмах, фотографиях. – М.: Этерна, 2016. – 280 с.
8. **Болдбаатар Д.** Кино орчуулгын уран чадварын асуудал: Хэл бичгийн ухааны докторын зэрэг горилсон диссертаци. – Улаанбаатар: Боловсрол соёл шинжлэх ухааны яам, 2005. – 151 х.
9. **Мэргэн Х. О.** Сүүлийн үеийн кинонуудын орчуулгын тухай // Орчуулгын блог. Зөвхөн орчуулгын тухай. 26. 05. 2010. – URL: https://mongoliantranslation.blogspot.com/2010/05/blog-post_26.html# (үзсэн он сар өдөр: 12.02.2023).
10. **Шархүү А.** Орос хэлний үйл үгийн байдлыг орчуулах асуудал // Шинжлэх ухаан амьдрал. – 1970. – № 3. – Х. 41–44.
11. **Чойжил Д.** Орчуулагчийн жаргал, зовлон // «Өд» бархан, 2005.
12. **Collins R.** Interaction Ritual Chains. – Princeton: Princeton Univ. Press, 2004. – 439 p.

REFERENCES

1. Chekhov A. P. From Siberia. *Chekhov A. P. Collected Works in Twelve Volumes*. Vol. 11. Moscow: Pravda Publishing House, 1985, pp. 3–36. (In Russian)
2. Vezner S. I. The Motif of “Poor Yorick” in “Belkin’s Tales”. *Young Philology*. Novosibirsk: NSPU Publishing House, 1998, pp. 50–57. (In Russian)
3. Vezner S. I. Anti-Terrorist Discourse: the Specifics of Reproducing the Conceptual Relationship “State – Society” (using the Example of the Speech Genre «Anti-Terrorist Memo»). *State, Law, Society: Problems of Interaction (Political Science, Legal Sciences, History, Religious Studies, Sociology)*. *Collection of Articles of the IX International Scientific and Practical Conference*. Penza, 2022, pp. 26–29. (In Russian)
4. Chekhov A. P. N. M. Przhevalsky. *Chekhov A.P. Complete collection of works and letters: In 30 volumes*. USSR Academy of Sciences. Institute of World Lit. named after A. M. Gorky. Moscow: Nauka Publ., 1974–1982. Vol. 16, Works. 1881–1902. Moscow: Nauka Publ., 1979, pp. 236–237. (In Russian)
5. Voschinin V. P. *In the Siberian Expanse: Pictures of Resettlement*. St. Petersburg: Printing house of the “Our Century”, 1912, 91 p. (In Russian)
6. Goncharov I. A. *Frigate “Pallada”: Essays on the Journey in Two Volumes*. Saratov: Privolzhskoe book publishing house, 1986, 573 p. (In Russian)
7. Kapustin D. T. *Anton Chekhov’s Asian journey, 1890. Documents, Letters, Photographs*. Moscow: Eterna Publ., 2016, 280 p. (In Russian)
8. Boldbaatar D. *The Issue of Artistry in Film Translation: Dissertation for the Degree of Doctor of Linguistics (PhD)*. Ulaanbaatar: Ministry of Education, Culture and Science, 2005, 151 p. (In Mongolian)
9. Mergen H. O. About the Translation of Recent Films. *Translation blog. Only about translation*, 26.05.2010. URL: https://mongoliantranslation.blogspot.com/2010/05/blog-post_26.html# (accessed 12.02.2023). (In Mongolian)
10. Sarkhu A. The Problem of Translating Russian Verb Tenses. *Science and Life*, 1970, no. 3, pp. 41–44. (In Mongolian)
11. Chojijil D. *Happiness and suffering of translator*. Ulaanbaatar: «Feather» newspaper, 2005. (In Mongolian)
12. Collins R. *Interaction Ritual Chains*. Princeton: Princeton Univ. Press, 2004, 439 p.

Информация об авторах

С. И. Везнер, кандидат филологических наук, Новосибирский технологический колледж питания, veznersergey@mail.ru, Новосибирск, Россия

Н. Хишигдулам, старший преподаватель кафедры английского и немецкого языков Монгольского государственного университета образования, Khishigdulam@msue.edu.mn, Улан-Батор, Монголия

С. И. Филиппов, кандидат философских наук, Новосибирский государственный университет, filippow07@yandex.ru, Новосибирск, Россия

К. К. Бегалинова, доктор философских наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, kalima910@mail.ru, Алматы, Казахстан

А. А. Овчинников, учитель истории высшей категории, СОШ № 148 Купинского района, kraeved.ru@mail.ru, г. Купино, Новосибирская область, Россия

Ю. В. Попков, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ИФПР СО РАН), uyirporkov54@mail.ru, Новосибирск, Россия

В. А. Прошин, кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет, proshin-va54@yandex.ru, Новосибирск, Россия

Л. А. Ульяницкая, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина) (ЛЭТИ), ulianitckaia_liubov@mail.ru, Санкт-Петербург, Россия

Д. В. Ушаков, кандидат философских наук, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ИФПР СО РАН), ushakovdmiriii@mail.ru, Новосибирск, Россия

Р. Ю. Царёв, кандидат философских наук, доцент, Курганский государственный университет, romanogomani@mail.ru, Курган, Россия

А. А. Изгарская, доктор философских наук, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ИФПР СО РАН), Новосибирский государственный педагогический университет, aizgarskaya@gmail.com, Новосибирск, Россия

Information about the authors

S. I. Vezner, Candidate of Philological Sciences, Novosibirsk Technological College of Nutrition, veznersergey@mail.ru, Novosibirsk, Russia

N. Khishigdulam, Senior Lecturer, Department of English and German Languages, Mongolian State University of Education, Khishigdulam@msue.edu.mn, Ulaanbaatar, Mongolia

S. I. Filippov, Candidate of Philosophical Sciences, Deputy Director for General Affairs, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University, filippow07@yandex.ru, Novosibirsk, Russia

K. K. Begalinova, Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Professor of Department of Religious and Cultural Studies, Al-Farabi Kazakh National University, kalima910@mail.ru, Almaty, Kazakhstan

A. A. Ovchinnikov, history teacher of the highest qualification category, kraeved.ru@mail.ru, Kupino, Novosibirsk Region, Russia

V. A. Proshin, Candidate of History Sciences, Docent of the Department of Law and Philosophy, Novosibirsk State Pedagogical University, proshin-va54@yandex.ru, Novosibirsk, Russia

Y. V. Popkov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chief Research Fellow of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, yuripopkov54@mail.ru, Novosibirsk, Russia

L. A. Ulyanitskaya, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University (LETI), ulianitckaia_liubov@mail.ru, Saint Petersburg, Russia

D. V. Ushakov, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, ushakovdmiriii@mail.ru, Novosibirsk, Russia

R. Yu. Tsarev, Candidate of Philosophical Sciences, Kurgan State University, romanoromani@mail.ru, Kurgan, Russia

A. A. Izgarskaya, Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Law and Philosophy, Novosibirsk State Pedagogical University, aizgarskaya@gmail.com, Novosibirsk, Russia

Статья поступила в редакцию 28.02.2024

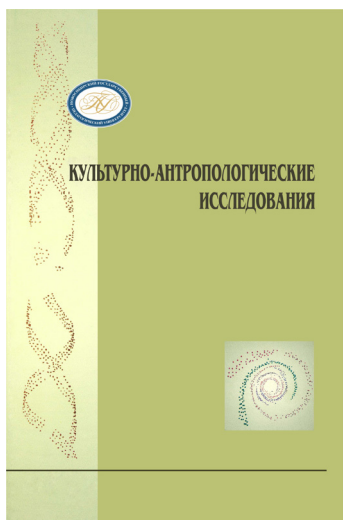
The article was submitted 28.02.2024

Одобрена после рецензирования 16.03.2024

Approved after reviewing 16.03.2024

Принята к публикации 25.03.2024

Accepted for publication 25.03.2024

ЖУРНАЛ «КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Главный редактор – Е. Е. Тихомирова, кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой теории, истории культуры и музеологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Россия.

Год основания журнала – 2009. Учредитель – ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет». Журнал публикует научные статьи, практические и методические разработки по философии культуры, культурологии, культурной

антропологии, истории культуры, культурсоциологии, культуре повседневности, лингвокультурологии. Приглашаем к сотрудничеству российских и зарубежных авторов.

Рубрики журнала:

1. Теоретико-методологические аспекты культурологии и других наук о человеке.
2. Актуальные исследования культурологии и смежных наук.
3. Практические разработки в области истории культуры и смежных наук.
4. Научный дебют (статьи студентов, магистрантов, аспирантов).
5. Дискуссионные вопросы гуманитарных наук.

Журнал индексируется в системе РИНЦ. Материалы для публикаций принимаются в течение года. Сроки размещения статей в номерах журнала зависят от соответствия присланных материалов указанным требованиям.

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ СТАТЕЙ

1. Содержание рукописи статьи должно быть проверено автором на предмет грамматических, стилистических ошибок и отвечать научному стилю изложения материала.

2. Метаданные статьи на русском и английском языках должны содержать сведения об авторе (для каждого автора/соавтора: ФИО полностью, должность, ученое звание, место работы, адрес электронной почты, город); название статьи; аннотация (от 1200 до 1500 знаков), в которой должны быть четко сформулированы цель статьи и основная идея работы; ключевые слова (5–10 слов или словосочетаний).

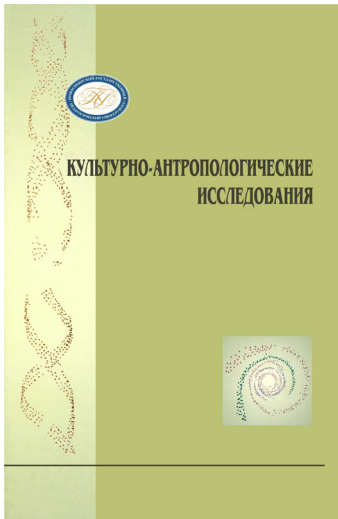
3. Автор в статье должен: обозначить проблемную ситуацию, методологию исследования; раскрыть основное содержание, соответствующее тематике журнала; сделать выводы.

4. В конце статьи приводится список литературы, на который опирался автор (авторы) при подготовке статьи к публикации (для оригинальной статьи – не менее 5 источников). Указание на источники списка литературы оформляется сплошной нумерацией по всей статье, размещается в квадратных скобках после цитаты на соответствующий источник. Список литературы должен минимум на 70 % состоять из работ, опубликованных за последние 10 лет. Список оформляется строго по ГОСТ Р 7.0.5-2008.

5. Статьи отправлять по адресу: imktikhomirova@mail.ru.

6. Статьи регистрируются редакцией. Датой представления статьи в журнал считается день получения редакцией окончательного текста.

Статьи, не соответствующие тематике журнала, оформленные не по правилам, без аннотации, с некорректно оформленным списком литературы, отклоняются.

CULTURE AND ANTHROPOLOGY RESEARCH JOURNAL

Chief Editor – E. E. Tikhomirova, Candidate of Culturology, Associate Professor, Head of the Department of Theory, History of Culture and Museology, Novosibirsk State Pedagogical University, Russia.

Year of foundation 2009. Founder federal state budget-funded educational institution of higher education "Novosibirsk State Pedagogical University". The journal publishes scientific articles, practical and methodical developments in philosophy of culture, cultural studies, cultural anthropology, history of culture, cultural

sociology, culture of everyday life, linguistic and cultural studies and invites Russian and foreign authors to co-operate.

The rubrics of the journal are:

1. Theoretical and methodological aspects of cultural studies and other human sciences.
2. Topical studies of cultural studies and related sciences.
3. Practical developments in the field of history of culture of related sciences.
4. Scientific debut (articles of students, undergraduates, graduate students, postgraduates)
5. Discussion questions of humanities.

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index system. Materials for publications are accepted during the year. The terms of placing articles in the journal issues depend on the compliance of the submitted materials with the specified requirements.

REQUIREMENTS FOR ARTICLE MANUSCRIPTS

1. The content of the article manuscript should be checked by the author for grammatical and stylistic errors and meet the scientific style of presentation.

2. The metadata of the article in Russian and English should contain information about the author (for each author/co-author: full name, position, academic title, place of work, e-mail address, city); the title of the article; abstract (from 1200 to 1500 characters), which should clearly state the purpose of the article and the main idea of the work; keywords (5–10 words or phrases).

3 The author in the article should: identify the problem situation, research methodology; disclose the main content corresponding to the theme of the journal; draw conclusions.

4. At the end of the article is a list of literature on which the author (authors) relied in preparing the article for publication (for an original article – at least 5 sources). The indication of the sources of the reference list is made out by continuous numbering throughout the article, placed in square brackets after the citation of the corresponding source. The list of references should be at least 70 % of the works published in the last 10 years. The list of references should be drawn up strictly according to GOST R 7.0.5-2008.

5. Send articles to: imktikhomirova@mail.ru.

6. Articles are registered by the editorial office. The date of submission of the article to the journal is the day of receipt of the final text by the editorial office.

Articles that do not correspond to the theme of the journal, not designed according to the rules, without annotation, with incorrectly designed list of references, are rejected.